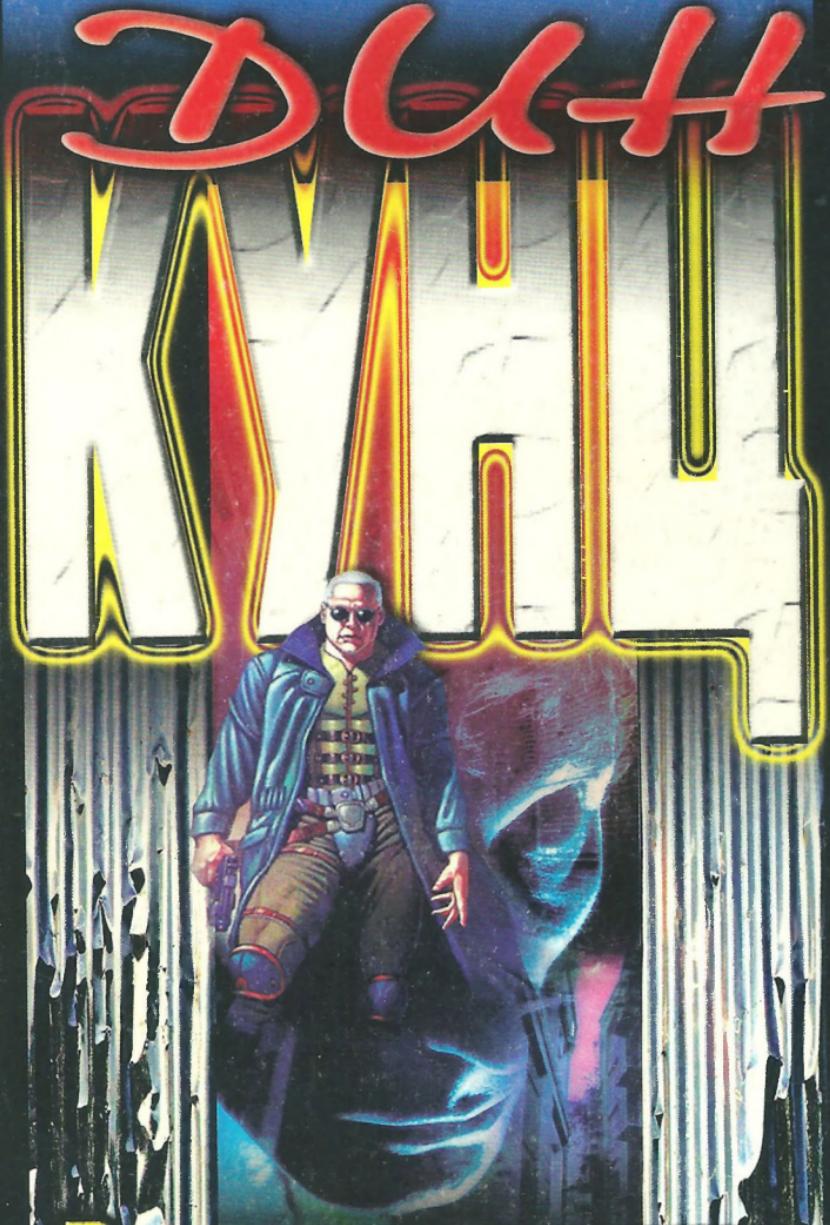

Вестник смерти

Вестник смерти

1988

Вестник смерти

DEAN R.
KOONTZ

Beastchild

A Novel

ЭУН
КУНЦ

Вестник смерти

Роман

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2003

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
К91

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Перевод на русский язык
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

Художественное оформление
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-227-01431-0

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

В башне оккупационных войск, в комнате со стенами из оникса, Хьюланн, наоли, оборвал все связи своего сверхразума с органическим мозгом. Отрезав себя от всяких раздражителей, включая клетки памяти, он унесся туда, где нет даже снов. Он спал мертвым сном, каким спят только наоли. На всех бесконечных мирах Галактики еще никому не удавалось достичь подобного.

Наоли? Ящероподобные? Те, кто умирает каждую ночь?

До Хьюланна в спящем состоянии не доносился ни единый звук. Там, где он находился, отсутствовали свет, цвет, тепло или холод. Даже если бы его тонкий, длинный язык ощущил какой-либо вкус, то сверхразум не узнал бы об этом. Он не улавливал даже темноту. Темнота, в конце концов, представляла собой небытие.

Он мог проснуться тремя путями, и существовала определенная последовательность этих методов по степени их предпочтения. Первый способ, и самый неприятный, представлял собой встроенную в тело систему оповещения об опасности. Если регулирующий жизнедеятельность наоли мозг, густо опутанный извилинами и являющийся органической частью его сознания, заметит в своей мирской оболочке какие-то губительные изменения, он немедленно свяжется со сверхразумом и вернет его к жизни через предохранительную систему малоиспользуемого нервного узла третьего порядка. Такое действие подобно шоку встремивает серую кору головного мозга и выдергивает наоли из состояния небытия, где и спит его бесплотный сверхразум.

По этому поводу можно вспомнить пару анекдотов. Где только в Галактике не рассказывают истории о наоли и жутком влиянии алкогольных напитков на ихстроенную систему предупреждения об опасности, при помощи которой они пробуждаются. Об этом с удовольствием рассуждают в портовых барах огромных городов, в подземных притонах домов с сомнительной репутацией, которые предоставляют свои комнаты бизнесменам с еще более сомнительной репутацией, или местах, где можно побаловаться сладким наркотиком. Хотя на первый взгляд вид этих улиц и вызывает какое-то доверие, но репутация оставляет

желать лучшего. Так вот, если сладкий наркотик придает наоли состояние эйфории, то алкоголь попросту превращает их в дергающихся, подпрыгивающих клоунов с чешуйчатым хвостом. В течение получаса наоли представляет собой полного идиота, после чего впадает в свой мертвый сон. Они в полном оцепенении растягиваются прямо на полу. В наименее поченных заведениях (которых, нужно признать, огромное множество в подобных местах) некоторые завсегдатаи устраивают из этого большую потеху. Они могут затащить невменяемого ящероподобного куда-нибудь вроде мусорного бака или в женский туалет и оставить там до того, как он проснется. Вреда от этого никакого. Разве что больно ранит чье-то самолюбие. Гораздо более гадко становится, когда этим забулдыгам вздумается включить систему сигнализации об опасности у пьяного наоли. Ведь их чувствительная система притуплена алкоголем и плохо работает. Любому с удовольствием поведают, как тело наоли обжигают чем-нибудь, а он при этом даже не дергается. Или расскажут, как в ноги наоли втыкают с полсотни булавок, а он продолжает мирно спать, пока на грубой коже не появляется кровь. Наоли редко принимают алкоголь. Но если и делают это, то почти всегда в одиночестве. Наоли — неглупая раса.

Менее неприятно, но более нежелаемо для наоли просыпаться, если ему пожелала что-

нибудь сообщить Фазисная система. Это может быть что-то важное, но может оказаться и очередным потоком пропаганды из центрального правительства. Чаще всего бывает последнее.

И наконец, лучше всего, когда сверхразум возвращается к жизни по своему собственному волеизъявлению. Перед тем как отбыть в небытие, сверхразум может устанавливать своеобразный будильник. И после восьми, пятнадцати или двадцати часов — как заблагорассудится — он вернется в сознание так же быстро и четко, как включается трехмерный экран компьютера.

Этим утром Хьюланна, наоли-археолога, как и тысячи других наоли из оккупационных подразделений, вернули в реальный мир вторым из этих трех способов. Его разбудила Фазисная система.

Сначала: Небытие.

Затем: Цвета. Темно-красный. Значит, он полностью проснулся. Ярко-алый говорил о том, что сейчас будет проведен сеанс психологической настройки (то есть пропаганда). И тепло-янтарный успокаивал взбудороженные нервы.

Конец пробуждения: Трехмерные, полностью осязаемые видения Фазисной системы внедрялись непосредственно в органический мозг и пересыпались им сверхразуму.

Под воздействием Фазисной системы Хьюланн видел, как он находится в глухом лесу

со страшными, темными деревьями, чьи переплетающиеся ветки и черные, с прожилками листья образовывали плотную крышу, которая закрывала солнечный свет. Только редкие нежно-оранжевые лучи чудом просачивались сквозь листву и падали на влажный, шуршащий, затхлый настил почвы. Там они и исчезали, потому как им не от чего было отражаться. Скрывавшаяся во мраке кора каждого растения была покрыта слизистой субстанцией защитного цвета.

Хьюланн шел по узкой, извилистой тропе. Каждый шаг отдалял его от того места, откуда он начал свое путешествие, так как густая масса буйной растительности смыкалась за его спиной по мере продвижения. Назад дороги не было.

Ему казалось, будто на деревьях кто-то прячется.

Он продолжал идти.

Внезапно тропинка начала сужаться. Виноградные лозы, стебли, длинные, как веревки, корни наступали все сильнее и сильнее, пока он уже не мог идти без ощущения прохладных прикосновений этих холодных, скользких жизнеформ.

Он пропустил хвост между ногами, обхватил им левое бедро, это была реакция на опасность перед неизвестным. Хьюланн почувствовал, как складки кожи на черепе болезненно напряглись.

«Для наоли, — монотонно напевал голос из ниоткуда, — человеческий разум необъясним».

А лес неумолимо смыкался вокруг него. Хьюланн почти видел, как он надвигается на тропу.

Существа среди покачивающихся деревьев начали перешептываться между собой.

Они перешептывались о нем.

«Для людей, — продолжал тот же голос, — разум наоли тоже остался загадкой».

Да, что-то явно мелькало среди деревьев. Одновременно в нескольких местах. Хьюланн уловил какое-то мерцание, подрагивание. Он не был уверен, видит ли он чуть ли не десяток этих существ по бокам от себя или там прячется всего один, наблюдая за ним из-за стволов и листьев деревьев.

«Конфронтация, — голос стал еще напевнее, — была неизбежной. Наоли пришлось действовать первыми, чтобы защитить свое будущее».

Теперь дорога исчезла совсем. Впереди — только темные заросли, которые, казалось, корчились от боли.

Он оглянулся. Лес сомкнулся за спиной.

«Наоли встретили чужаков...»

Хьюланн понял, что стоит в маленьком пустом пространстве, а его оплетают губчатые лозы дикого винограда. Он вздрогнул от неожиданности, когда зеленое шупальце скользнуло по ноге.

«Наоли увидели опасность...»

Лес вздыбился, опутывая его своими хлорофилловыми веревками. Хьюланн обнаружил, что руки его связаны, их поймали в плен листья деревьев. Корни, на глазах выраставшие из земли, опутали его ноги со всех сторон и снова исчезли в земле. Он больше не мог двигаться.

Он почувствовал, как кто-то среди деревьев приближается к нему.

Он попытался закричать.

«Если бы наоли не начали действовать...» — вещал голос.

Какие-то огромные темные существа обрушились на Хьюланна с деревьев, стремясь поглотить его. Холодные, влажные, с пустыми глазницами. Их пальцы проникали в его сверхразум, вытесняя оттуда тепло.

«...наоли погибли бы».

Голос пропал.

И Хьюланн умер. Темные чудовища высосали его тепло и навсегда выскользнули из его тела.

Момент полного мрака. Затем Фазисная система снова послала в его восприятие ощущение цвета. То же происходило почти со всеми наоли оккупационных сил. Янтарно-желтый цвет снимал нервное напряжение. Синий рождал чувство гордости и уверенности в себе.

Наступила последняя стадия психологической настройки. Опрос на пригодность.

«Почему наоли выступили первыми?»

Сверхразум Хьюланна дал ответ, который тут же унесся в главный компьютер Фазисной системы:

— Чтобы сохранить расу.

«Почему наоли вели войну до полного уничтожения землян?»

— Человеческая раса проявила упорство и изобретательность. Если бы наоли не были твердыми, люди снова поднялись бы, соединились и уничтожили бы наоли.

«Должен ли наоли чувствовать себя виновным в истреблении человеческой расы?»

— Нет ничьей вины в том, что происходит. Нельзя чувствовать себя виноватым, когда выполняешь великую миссию. Природа предопределила встречу наших народов. До этого мы встретились с другими одиннадцатью расами, и у нас не появлялось проблем, значит, это была проверка на пригодность перед выступлением против людей. Мы не хотели войны. Это было естественной необходимостью. У меня нет чувства вины.

В опросе Фазисной системы наступила пауза, после чего голос продолжил свою речь, хотя его тон несколько изменился. Хьюланн знал, что он ответил на вопросы общей программы, и сейчас ему уделялось особое внимание отделом компьютерного «мозга».

«Вы показали восемнадцать пунктов по стобалльной шкале чувства вины».

Хьюланн был удивлен.

«Это осознанная вина? — спросил компьютер. — Пожалуйста, будьте искренны. Вы находитесь под наблюдением моего системного детектора лжи».

— Это не сознательная вина, — ответил сверхразум Хьюланна.

Наступила пауза. Фазисная система анализировала, насколько ответ Хьюланна был искренним.

«Вы ответили честно, — сообщил компьютер. — Но если ваш индекс вины поднимется, даже несознательно, до тридцати пунктов, вас отстроят от занимаемой должности и вы вернетесь домой для восстановления и терапии».

— Разумеется, — ответил сверхразум Хьюланна, хотя он и почувствовал себя подавленным от такой перспективы. Ему нравилась работа, и он считал ее весьма ценной. Ведь он пытался сохранить фрагменты наследия цивилизованной расы, которую никто больше никогда не увидит.

Фазисная система продолжала ощупывать его на психическом уровне в поисках каких-то отклонений, чтобы потом проглотить его.

«Где-то, Хьюланн, до сих пор сохранились люди. Сообщают, что время от времени их представитель выходит на контакт с другими расами в поисках поддержки для контратаки. Мы все еще не можем найти, где они прячутся. Люди

называют это место Убежищем. Что вы чувствуете, когда осознаете, что где-то существует эта маленькая группа людей?»

— Страх, — ответил он. И он говорил правду.

«Если вам удастся обнаружить местонахождение этих существ, сообщите ли вы в центральное правительство?»

— Да.

«А если вас выберут для участия в карательной экспедиции, сможете ли вы убивать их?»

— Да.

Фаизская система помолчала.

Затем последовало:

«Сознательно вы говорите правду. Но при ответе на оба последних вопроса ваш индекс вины поднялся до двадцати трех пунктов. Вам следует договориться о встрече с травматологом в ближайшее время, когда ему будет удобно».

Затем появился новый цвет: сначала оранжевый, постепенно он рассыпался на все оттенки желтого. Потом все светлее и светлее. Фаизская система освободила его.

Хьюланн висел в своей энергетической паутине, которая держала его в четырех футах над голубым полом. Ему казалось, будто он парит в небе, как птица или облако, а не разумное существо. Он прозондировал свой мозг в поисках вины, о которой только что сообщил компьютер. Когда он подумал об Убежи-

ше, кожа на черепе снова болезненно натянулась. Хьюланн боялся. Не только за себя, но и за свою расу, за свою историю.

На какой-то краткий миг перед глазами возникли видения существ с пустыми глазницами, и он снова почувствовал, как они прячутся под покровом деревьев, наблюдая за ним.

Хьюланн зафыркал, раздувая вторичные ноздри, чтобы полностью открыть доступ воздуха в легкие. Когда легкие расправились, он встал.

Непонятно почему, но он чувствовал себя разбитым, как будто накануне много работал (хотя на самом деле не очень) или как будто его измучили и выжали во время сна. Что было невозможно для наоли, который спал могильным сном. Хьюланну захотелось произвести самоочистку, но ему уже скоро следовало быть на раскопках, чтобы отдать распоряжения дневной смене.

Он заказал себе завтрак, который поглотил за несколько минут (аппетитная паста из рыбьих яиц и личинок, без чего войскам наоли приходилось обходиться еще каких-то пятьдесят лет назад; прогресс — это замечательно), и посмотрел на часы. Если он выйдет прямо сейчас, то придет на раскопки раньше остальных. А ему не хотелось этого делать.

Ну, в конце концов, он же директор. И если он опаздывает, это входит в его прерогативу.

Хьюланн отправился в комнату для очистки и захлопнул за собой дверь. Он настроил систему так, как ему нравилось, и густая кремообразная жидкость начала выбрасываться из-под его ног из отверстий в полу.

Он поскрипел пальцами внутри этой массы. Это было приятно.

Когда густая паста поднялась до колен, он наклонился и окунулся в нее весь. Он чувствовал, как она промывает тысячи покрывавших его чешуек, удаляя накопившуюся грязь.

Когда очиститель заполнил кабину на четыре фута, он нырнул в него, как пловец, позволяя составу целиком поглотить его. Пришлось даже побороться с искушением вернуться в комнату настройки и установить еще один цикл, но ему нельзя было быть безответственным. Постепенно грязевой крем становился все более жидким, пока не стал по консистенции почти как вода. Но бодрящий эффект сохранился, как это было и вначале. Этот новый состав смыл очищающий крем. Затем из отверстий в полу появилась и совсем прозрачная жидкость.

Хьюланн стоял, ожидая, когда все закончится. Чешуйки быстро высохли. Он открыл дверь и вышел в гостиную. Собрал ленты со своими заметками и положил их в кейс. Потом перекинул ремень магнитофона через руку, захватил камеру другой рукой и отправился на раскопки.

За каждым рабочим был закреплен отдельный участок работы. Из-под груд камней и металла, предварительно просвечиваемых рентгеновскими лучами, на поверхность извлекалось все, что могло представлять собой интерес. Их группе вверили те части города, которые люди взорвали собственным оружием, стараясь сдержать написк наоли. Хьюланна мало волновала печальная картина разрушений вокруг. Он считал, что ему повезло. Ведь если бы он оказался среди тех, кто занимается уцелевшей частью города, то от однообразия он бы, пожалуй, расплакался. Наоли тоже умеют плакать. Какая скука собирать то, что лежит на поверхности! Настоящее удовольствие испытываешь лишь тогда, когда находишь что-то ценное после изнурительной работы и начинаешь обрабатывать свою находку, снимая с нее пыль и грязь.

Хьюланн кивком поприветствовал своих подчиненных и задержался возле Фиалы, которая занималась разбором каких-то газет. Вчера она обнаружила их целую кипу. Бумага по-рядком поднамокла, но что-то еще можно было разобрать.

— Ну как, есть что-нибудь новенькое? — поинтересовался Хьюланн.

— Вот новенького-то как раз и немного.

Она соблазнительно облизала губы змейкой языка, затем высунула его еще немного и легонько щелкнула себя по щеке. Она была оча-

ровательна. Хьюланн не понимал, как это он чуть было не прошел мимо.

— Нельзя же ожидать, что будешь находить что-нибудь стоящее каждый день, — возразил он.

— Тем более, что у этих людей была просто какая-то мания к повторениям. Это я знаю точно.

— Что ты имеешь в виду?

— Изо дня в день в прессе появляются одни и те же сообщения. Новые тоже, конечно, встречаются. Но если уж они опубликовали что-нибудь, то начинают обсасывать это со всех сторон. Вот! Посмотри! Семь дней подряд на первых страницах этой газеты сообщалось о крушении их станции-спутника возле Сатурна и об отступлении сил обороны.

— Но ведь тогда это было самым важным!

— Не до такой же степени... Через два-три дня они уже сами себя цитируют.

— Поработай над этим. Может, найдешь что-нибудь интересное.

Фиала вернулась к своим бумагам и совершенно забыла о его присутствии.

Хьюланн задержал на ней взгляд, не в силах уйти. За последние двести лет он встречал много женщин, но только ей одной захотелось рассказать о своих чувствах. Как было бы восхитительно уединиться с ней в его доме, там, на родной планете! Слияться воедино на шестнадцать дней и жить, питаясь собственным

жиром и церемониальными водами, которые в таких случаях берут с собой.

Он уже видел ее в экстазе.

А потом она вышла бы, изможденная и бестелесная, как женщина, которую любят и желают, с которой сочетались браком на установленный период спаривания.

Она была бы роскошна в ореоле своей женственности.

Но Фиалу мало занимало содерхимое его сумки размножения. И правда, ведь он столько раз задавался вопросом: а были ли у нее хоть какие-нибудь порывы к сексу? Вполне возможно, что она не принадлежала ни к мужчинам, ни к женщинам, а к какому-то третьему полу: археологам.

Продолжая свой путь среди раскопок, он вышел за пределы расчистки и оказался на узкой улице, где чудом уцелели несколько полуразрушенных зданий. Хьюланн прошел еще около ста ярдов. Теперь он был на месте. Этот участок он облюбовал для себя. Кто-то, возможно, мог бы и осудить его. Однако Хьюланн считал, что располагает исключительным правом работать там, где ему хочется.

Он прошел сквозь дверной проем огромного здания из мрамора и бетона. Когда-то здесь стояла стеклянная дверь, но ее разбили при последних боях. Внутри он пробрался по заваленному хламом полу к ведущей вниз лестнице. Хьюланна охватило приятное волнение

при мысли о том, что он спускается в катакомбы загадочных существ, владевших в свое время этой планетой. Внизу он включил освещение, которое установил еще три дня назад.

Яркая вспышка света залила все вокруг. Хьюланн собирался расчистить еще несколько подземелей. Подвалы и полуподвалы соединялись, образуя единую систему, которая служила хранилищем для того, что люди считали особенно ценным. В планы Хьюланна входило раскрыть и увидеть все это первым, до того как ему придется оторвать от работы остальных из его команды для тщательного изучения хранилища.

Он подошел к месту, куда свет уже не проникал, снял с плеча камеру и диктофон и уложил их в ящик с инструментами, который оставил здесь вчера. Подхватив фонарь, он направился к груде камней, над которой просел потолок. Там он заметил щель. Сквозь нее можно было пробраться в следующий подвал и протянуть туда свет.

Он начал карабкаться по камням, поднимая за собой клубы пыли.

Когда Хьюланн оказался наверху, он лег на живот и пополз в темный провал. И попал в какую-то комнату. Хьюланн включил фонарь и осветил большую ее часть. По-видимому, это была библиотека, заваленная бобинами с лентами книг. Если люди спрятали их так глубо-

ко, то это означало, что в книгах находилось что-то весьма ценное.

Хьюланн пробрался к стеллажам и начал читать названия. Большинство этих книг он не знал. И среди них встречалась даже фантастика. Кто бы мог подумать! Люди, которых встречал он, встречали другие наоли, мало походили на тех, кто увлекается подобной литературой. Они были холодными и расчетливыми. На их лицах редко появлялась улыбка. К тому же они обладали слабым воображением.

И вот перед ним целый зал с такими книгами!

Ведь как надо дорожить ими, чтобы спрятать, заведомо зная о предстоящем поражении.

И вдруг, в тот момент, когда он в восхищении осматривал стеллажи, кто-то крикнул высоким и звонким голоском на чистом земном, без всякого акцента:

— Крыса! Над тобой!

Хьюланн резко развернулся и посмотрел вверх.

Огромная крыса свисала прямо над ним вниз головой, уцепившись задними лапками за балку. Ее красные глазки злобно поблескивали, отражая свет фонаря.

Какой же он дурак, что не захватил с собой оружия.

Хьюланн светил крысе прямо в глаза, гипнотизируя и ослепляя хищника. Теперь ее хорошо было видно, хотя то, что Хьюланн раз-

глядел, радовало мало. Тварь весила добрых двадцать фунтов. У мутантки была огромная пасть и длинные острые зубы. Хьюланн слышал их омерзительный скрежет. Когти, на которых крыса повисла как на крюках, представляли опасность намного большую, чем у обычной крысы.

Горькая ирония заключалась в том, что эти крысы были оружием, которое изобрели сами наоли. И он сейчас мог стать его жертвой. Что не радовало.

Крыс-мутантов забросили на родную планету людей около шестидесяти лет назад. Это был подготовительный этап перед главной атакой. Крысы прекрасно плодились в сточных трубах и подвалах, да и вообще прекрасно прижились, принося огромный вред.

Белые зубы. Их скрежет...

Хьюланн продолжал гипнотизировать крысу светом фонаря. Оглядываясь по сторонам, он искал хоть что-нибудь, что могло бы послужить ему оружием. Выбирать средства было явно не время. Справа от него на полу валялся причудливо изогнутый обломок стальной трубы. Он оторвался в результате взрыва бомбы так, что на конце остался острый срез. Хьюланн осторожно повернулся, наклонился и подхватил рукой этот обломок.

Крыса злобно зашипела.

Хьюланн шагнул к ней, сжав трубу так крепко, что пальцы шестипалой руки пронзила боль.

Возможно, свет, который становился еще ярче и ярче, предупредил крысу о приближающейся опасности. На какое-то мгновение она оцепенела, затем молниеносно метнулась вдоль балки, избегая ослепляющего ее света.

Хьюланн направил фонарь туда, где она скрылась, подпрыгнул к нижней балке и колющим движением попал острым концом трубы мутантке прямо в бок. Брызнула кровь.

Крыса взвизгнула и побежала вдоль балки — ошарашенная и разъяренная. Из раскрытой пасти на бурый мех закапала пена. Когда Хьюланн посветил на нее снова, крыса, цепляясь когтями о балку, попыталась вернуться туда, откуда появилась.

Хьюланн снова вонзил в нее обломок трубы.

Крыса свалилась на пол, пропав из луча фонаря. Через мгновение она уже была на ногах и смотрела на Хьюланна. Крыса приближалась, чтобы напасть. Это было больше, чем просто бешенство. Мутанты преднамеренно создавались с низкой сопротивляемостью к заразным болезням, чтобы впоследствии передавать их людям.

Он сделал шаг назад, но понял, что это было не лучшим движением.

Слышно было, как крыса семенит по цементному полу. Из-под ее лапок в разные стороны летели осколки стекла и куски цемента.

У Хьюланна было слишком мало времени, чтобы связаться с Фазисной системой и вы-

звать помошь. К тому времени, как прибегут его подчиненные, он уже будет мертв. Теперь Хьюланну приходилось рассчитывать только на собственную ловкость и быстроту. Он отступил в сторону и с размаху пригвоздил крысу к полу.

Ее пронзительный крик эхом прокатился от стены к стене. На какое-то мгновение в комнатае как будто появилась чуть ли не сотня крыс. Но раненая мутантка, шатаясь, поднялась и, совершенно обезумев от ярости, снова набросилась на Хьюланна.

Хьюланн что есть силы размахнулся трубой, но попал совсем не туда, куда хотел. Удар пришелся по стальной балке. Раздался оглушительный звон. Отдача от удара пронзила все тело, рука онемела. Пальцы разжались, и труба с грохотом покатилась по полу.

Испугавшись шума, крыса метнулась в сторону и назад. Но как только все утихло, она тут же вновь перешла в атаку.

Рука Хьюланна все еще оставалась слишком слабой, чтобы схватить что-нибудь для защиты.

А крыса уже приготовилась к нападению. Один прыжок — и она вцепилась бы своими когтями в наоли, как вдруг откуда-то сверху прилетел кусок бетона и раздробил ей заднюю ногу. Послышался хруст. Следующий обломок не причинил вреда. Третий достиг цели. За ним последовал четвертый. Крыса перестала извиваться. Она была мертва.

В горячке Хьюланн напрочь забыл о голосе, предупредившем его об опасности на чистом земном. Потирая онемевшую руку, он начал осматриваться по сторонам, пока не увидел человека.

Это был детеныш лет одиннадцати, распластавшийся на выступе из валунов слева от него. Человечек поглядывал на Хьюланна с явным любопытством. Потом он перевел глаза на крысу:

- Ей конец?
- Да, — подтвердил Хьюланн.
- Ты в порядке?
- Да.
- Это был мутант.
- Знаю. Да. Мутант.

Мальчик посмотрел на наоли, затем в ту сторону, откуда он появился.

- Ты один? — спросил он.

Хьюланн кивнул.

- Ты отведешь меня к своим?

Что-то нестерпимо жгло Хьюланна в груди. Это его сознание боролось со сверхразумом, тщетно пытаясь подавить хоть на немногого чувство страха, которое его мозг посыпал в высшие уровни мыслительного аппарата. Он встречался с людьми и раньше. Но ни разу один на один. И тогда им еще не за что было ненавидеть его так сильно, как должен ненавидеть его сейчас этот человеческий детеныш.

- Ты сдашь меня?

Хьюланн боялся. Отчаянно. До боли. Но вместе с этим в нем зашевелилось и что-то еще. Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять: это было чувство вины.

Хотя вполне вероятно, что мальчику тоже хотелось многое высказать Хьюланну. Обвинения и проклятия могли бы литься непрерывным потоком, как полагал Хьюланн, не меньше часа. Сами наоли редко применяли по отношению друг к другу физическое насилие; чтобы избавиться от накопившегося недовольства, наоли высказывали свои обвинения вслух. Мальчик сидел на куче булыжников и бетона, обломков дерева, пластика, алюминия и смотрел на своего врага. Он не казался испуганным или разгневанным. Любопытство — вот, пожалуй, единственное, что читалось в его глазах.

Что касается Хьюланна, в данной ситуации он чувствовал себя крайне неловко. Если бы его презирали и покрывали бранью, было бы легче. Это возбудило бы в нем ненависть, которая помогла бы действовать. Но затянувшееся молчание выстроило между ними подобие стены, и преодолеть ее он был не в силах.

Хьюланн подошел к крысе. Отшвырнув обломки камня, он пнул ее ногой, чтобы лишний раз убедиться в том, что она мертва. Мягкотелая тушка содрогнулась в последнем спазме и снова стала неподвижной. Он вернулся к мальчику и начал пристально его разгляды-

вать. Тот сидел чуть выше уровня глаз Хьюланна.

Мальчик оглянулся, склонив голову набок. Хьюланн подумал, что по человеческим стандартам это был красивый экземпляр. Голова ребенка казалась несколько крупноватой, но черты лица были правильными: высокий и широкий лоб, голубые лучистые глаза под красиво изогнутыми белесыми бровями, прямая линия маленького носа, узкие, изящно очерченные губы. Шапка золотистых волос покрывала голову. Волосы сами по себе всегда изумляли чешуйчатых наоли, а золотистые и вовсе находились вне всякого понимания. Нежная кожа мальчика была усеяна то там, то тут мелкими пятнышками — люди называли их веснушками и, как ни странно, считали это украшением, — но наоли предпочитали рассматривать такое «украшение» как дефект пигмента, то есть проявление какой-то опасной болезни (хотя наоли никогда еще не удавалось близко изучить человека с веснушками).

— Что ты здесь делаешь? — спросил Хьюланн мальчика.

Тот пожал плечами.

Хьюланн увидел в жесте мальчика проявление нерешительности, хотя и не был уверен в этом до конца. Возможно, ему дали тонкий и исчерпывающий ответ.

— Но должны же быть у тебя какие-то причины, чтобы сидеть в подземелье?

— Прячусь.

И снова Хьюланна охватило уже знакомое чувство вины. Он был напуган вдвойне. Находиться рядом с человеком после всего, что наоли натворили на их планете, — это вселяло в Хьюланна какой-то необъяснимый ужас. Но самым необъяснимым для Хьюланна было то, что ощущение вины перед этим ребенком не воспринималось как нечто необычное. Хотя должно было изрядно обеспокоить его. Нормальный наоли немедленно бы связался с Фазисной системой и попросил о помощи, а затем обязательно показался бы специалисту по подобным расстройствам в психике и отправился бы домой, на родную планету, для прохождения лечения. Где-то глубоко в подсознании Хьюланна таилось непреодолимое желание получить заслуженную кару за содеянное.

Он тщетно повторял про себя установки, которыми Фазисная система пичкала его каждое утро во время психологической настройки. Он пытался вспомнить тот холодный мрачный лес с хищными растениями и прячущимися на деревьях чудовищами. Однако сейчас все это казалось таким глупым и бессмысленным...

— Ты меня сдашь? — переспросил мальчик.

— Это мой долг.

— Да, понимаю. Твой долг. — Это было сказано без малейшей злобы.

— Или я буду сурово наказан.

Мальчик ничего на это не ответил.

— Если ты, конечно, не убежишь до того, как я тебя обнаружу, — пробормотал Хьюланн.

И даже когда говорил, он не мог поверить, что его речевой аппарат сформулировал такие слова. Его всегда отмечали среди других за здравый смысл, холодный разум и обоснованность действий. Все происходившее с ним сейчас походило на чистое помешательство.

— Это нехорошо, — заметил мальчик, при этом мотнув головой, его волосы разметались по плечам. От этого зрелища у Хьюланна просто дух захватило. — Я не могу никуда выбраться. Мне казалось, что здесь безопасно, и поэтому я заполз сюда. Я собирался выйти отсюда, когда вы уйдете.

— Десять лет. Прошло бы не меньше десяти лет.

Ребенок удивленно посмотрел на него.

— Столько будут продолжаться наши исследования, не говоря уже о времени, потребном на восстановление планеты для жизни людей.

— В любом случае, — прервал его мальчик, — деваться мне отсюда просто некуда. Здесь есть еда и вода. Я думал, что смогу отсидеться. Потом пришел ты. Посмотри на мою ногу.

Хьюланн придвигнулся ближе. Его двойные веки широко открылись, и на мальчика устремились огромные овальные глаза.

— Что с ней?

— Меня ранили, — последовал ответ, — в последнем сражении.

— Ты участвовал в сражении?

— Я был среди тех, кто вел обстрел гранатами. Сам я, конечно, не стрелял, а только подавал снаряды. В нас чем-то попали. Не знаю чем. Видишь? Здесь. Тут много грязи, но ты увидишь.

Хьюланн находился от него на расстоянии какого-то фута и увидел на бедре мальчика рваную рану длиной пять дюймов. Ее покрывала корка грязи и запекшейся крови. Выглядела рана ужасно. Штанина от брюк оторвалась, и ничто не защищало ногу от проникновения грязи в пораженное место. Еще Хьюланн заметил огромный синяк вокруг раны.

— У тебя будет заражение крови, — сказал Хьюланн.

Мальчик снова пожал плечами.

— Точно будет.

Хьюланн развернулся и направился в соседний подвал.

— Куда ты? — спросил маленький человек.

— В соседней комнате у меня вешмешок. Сейчас я принесу его, и посмотрим, что можно будет сделать с твоей ногой.

Когда он вернулся с аптечкой, мальчик уже слез со своего наблюдательного пункта и сидел прямо на полу. Хьюланн увидел, что его лицо исказила гримаса боли. Когда ребенок заметил

приближавшегося наоли, его черты разгладились.

— Некоторые наши лекарства могут причинить тебе вред. — Хьюланн говорил это больше для себя, чем для человека. — Но думаю, что вспомню, какие из них подойдут.

Он порылся в мешке и достал гиподермическую иглу, предназначенную для кожи наоли. Ему придется быть предельно осторожным, ведь человеческая кожа такая нежная. Он наполнил иглу зеленоватой жидкостью из бутылочки такого же цвета. Но когда собирался сделать инъекцию в бедро мальчика, остановился.

— Не мешало бы очистить рану, — объяснил он.

— Не обязательно. Она перестала кровоточить задолго до того, как на ней начала собираться грязь.

Хьюланн смочил стерильную губку и склонился над мальчиком. Но вдруг резко отпрянул при мысли, что ему придется коснуться человека.

— Не мог бы ты сам сделать это? — попросил он мальчика.

Тот взял губку, зачем-то понюхал ее и начал вытираять рану. Скоро стало очевидно, что для этой процедуры требуются три руки: две, чтобы раздвинуть края изорванной плоти, а третья — смазывать ее внутри.

— Здесь, — указал Хьюланн наконец, взяв губку. — Держи рукой здесь.

И он прикоснулся к человеку. Наоли придерживал рану с одной стороны, мальчик — с другой. Хьюланн обрабатывал антисептиком человеческую плоть, пока не удалил последние остатки запекшейся крови и грязи. Хлынула новая кровь, заструившись вниз по ноге.

Хьюланн впрыснул зеленоватую жидкость в нескольких местах вокруг раны, затем плотно обмотал бедро бинтом из легкого материала, который практически не образовывал складок. Кровотечение прекратилось.

— Все заживет дня через два-три, — пообещал он.

— У нас тоже были такие бинты. Но последние лет десять гражданскому населению их сильно не хватало.

Уже упаковывая свой мешок, Хьюланн спросил:

— Почему ты не дал крысе убить меня?

— Они гадкие. Никто не должен умирать такой смертью.

Хьюланн вздрогнул. Оба слоя его двойного желудка обожгло кислотой чувства тревоги. Должно быть, индекс вины поднялся выше восемнадцати пунктов. А может быть, его вина стала сознательной?

— Но я — наоли, — возразил он. — И мы ведем с вами войну.

Мальчик снова ничего не ответил. А когда Хьюланн застегнул аптечку, он услышал:

— Меня зовут Лео. А тебя как? У тебя есть имя?

— Хьюланн.

Мальчик подумал некоторое время, затем кивнул желтой головкой в знак одобрения.

— Мне одиннадцать лет. А тебе?

— Двести восемьдесят четыре года по вашему времязисчислению...

— Врешь!

А ведь ложь для Хьюланна казалась еще большим преступлением, чем война со всеми ее тяготами.

— Нет, нет! Мы действительно живем очень долго. Это вы умираете лет в сто пятьдесят. А наша жизнь длится пятьсот—шестьсот лет.

Какое-то время они сидели молча и слушали, как что-то шуршит в руинах, как стонет ветер, непонятным образом попавший в эту подземную тюрьму. Наконец мальчик спросил:

— Ты меня сдашь?

— Думаю, да.

— А я думаю, что нет.

— Что?

Мальчик показал забинтованную ногу:

— Ведь ты же лечил меня. Зачем тогда отдавать меня на смерть?

Хьюланн пристально смотрел на своего врача и своего друга. Сверхразумом он пытался проанализировать свое поведение. Очевидно, он все-таки оказался слабым. Ведь отпустить

этого звереныша означало совершить преступление против своей расы. Совершить тяжкий грех! Хотя у его народа не существовало такого понятия, как грех. И если предположить, что преступление раскроется... Что тогда? Его будут судить как предателя или отправят на родную планету, где из его памяти сотрут всю предыдущую жизнь, а затем воссоздадут его мозг заново.

Специалисты, занимающиеся функционированием органического мозга, разработали потрясающие технологии за период войны. Приводя опыты на военнопленных, они научились полностью стирать память людей и заполнять ее ложными целями и представлениями о своей личности. Попадая к своим после такой обработки, люди становились предателями, ничего не зная об изменениях в сознании. Это и стало одной из главных причин в повороте хода войны в пользу наоли. Впоследствии наольские доктора научились применять те же самые методики при лечении умственных и психических расстройств у представителей и своего вида.

Подвергнувшись такой процедуре, ему уже никогда не вспомнить первые двести восемьдесят четыре года своей жизни. Последующие столетия будут не чем иным, как фарсом без истории, и поэтому — без всякого смысла. Этого следовало избежать любой ценой.

А ведь сейчас он всерьез обдумывал, как позволить этому человечку бежать. Таким обра-

зом, он преднамеренно подвергал себя страшной опасности. Но ведь мальчик спас его от крысы! А в самых глубинах своей души Хьюланн всегда страдал, понимая, что принимает участие в истреблении целой человеческой расы.

— Нет, — решил он, — я не сдам тебя. Я не хочу, чтобы тебя убили. Но я очень хочу, чтобы ты бежал отсюда как можно скорее. Я вернусь сюда завтра, чтобы продолжить работу. Ты уйдешь?

— Разумеется, — отозвался мальчик.

Хьюланн поймал себя на том, что думает о нем как о Лео, а не как о человеке или детеныше. И ему стало интересно, а думает ли Лео о наоли по имени.

— Я ухожу, — заявил он.

И ушел. Унося с собой знание того, что он теперь — преступник, предатель интересов своей расы, всех достижений и традиций наоли, родных миров и могущественного центрального правительства. Он предал Фиалу — и, возможно, себя самого.

Баналог, главный травматолог Второй Дивизии оккупационных сил, склонился над экраном видеопроектора, устало просматривая историю жизни Хьюланна Понага. Сцены фильма сменялись в четыре раза быстрее, чем он мог нормально воспринять.

Фильм закончился, и экран снова стал белым. Баналог отодвинул проектор и откинулся в кресле, сложив руки на том месте, где уже были первые признаки растущего живота. Когда его сверхразум обработал всю информацию, он нажал на кнопку, находившуюся на столе, и хриплым командным тоном продиктовал:

— Предварительные рекомендации на основании полученной информации. Хьюланн должен быть возвращен на родную планету для прохождения лечения. В противном случае он превратится в безнадежного неврастеника. Он хорошее и спокойное существо, но война сказалась на нем более, чем на ком-либо другом. Кроме всего прочего, у него наблюдается ряд не ярко выраженных навязчивых идей. Лечение явно пойдет ему на пользу. Разумеется, окончательные рекомендации будут даны лишь после моей личной встречи с ним согласно распоряжению Фазиссистемы. Следует заметить, что Хьюланн не спешит связаться со мной, несмотря на предупреждения по Фазиссистеме. Это может служить признаком того, что он страдает и подсознательно понимает свою вину. Утром во время подготовительной процедуры Фазиссистема напомнит ему о необходимости встречи со мной.

Доктор выключил записывающее устройство.

Какое-то время он сидел в своем офисе, почти полностью погруженном во мрак. Че-

рез окна проникал серый свет позднего зимнего дня.

Баналог думал о своем мире, где его семья теперь в безопасности. Угроза пропала; человечество прекратило свое существование. Впереди его ждало много приятных дней, которые он проведет в заботах об устройстве родного гнезда, о своих детях — выводке, насчитывающей более трехсот особей. Сколько точно, он не знал. Но гордился ими всеми.

Мысли травматолога не торопясь пересекались с одного образа на другой, пока наконец не вернули его к действительности. Оккупированная планета. Мертвые города. Возвращенные с Земли больные наоли.

Доктора беспокоило наличие совести у Хьюланна. Геноцид — горькая пилюля, которую трудно проглотить.

Баналог повертел в руках микрофон диктофона, затем потушил свет. Казалось, в темноте комната уменьшилась до размеров чулана.

Он встал из-за стола и подошел к окну, чтобы взглянуть на павший город, который люди когда-то называли Бостоном. Он мало что мог увидеть из-за низко нависавших облаков и начавшегося снегопада.

За окном кружились восхитительные белые хлопья. Попадая на стекло, они таяли и скользили вниз, искажая вид города, в котором когда-то обитали люди.

И все-таки то, что происходило с Хьюланном, заставляло доктора волноваться. Да, это так.

Ведь были и другие наоли с такой же проблемой.

Позже, той же ночью, Фиала потянулась в своей постели, напичканной невидимыми проводами, наслаждаясь тем, как энергетическая паутина ласкает ее гибкое тело, — оно трепетало от удовольствия. Напряжение и усталость исчезли, и она чувствовала себя значительно лучше, хотя мозг ее ни на минуту не отключался. Она просто кипела от негодования. С каждой секундой ее ненависть к Хьюланну возрастила.

Не было никакой особой причины в том, чтобы на должность руководителя этой команды назначили именно его. Послужной список Хьюланна был ничем не лучше ее списка. Во всяком случае, если и был, то ненамного. А период службы был даже несколько меньше. Она не видела ни доли логики в его назначении на этот пост, за исключением лишь того, что он обладал умением дергать за нужные веревочки, в чем она была бессильна.

Сегодня Хьюланн выглядел очень уставшим и озабоченным, когда покинул раскопки раньше обычного. Его веки опускались, пока глаза не превратились в узкие щели. Губы плот-

но сжимались, прикрывая зубы, — он явно чего-то стыдился. Зная, что в таких случаях существует большая вероятность того, что его отправят домой для лечения, Фиала давно ожидала его отстранения от работы. Но этого не происходило.

Будь он проклят!

Она больше не могла позволить себе ждать его нервного срыва. Тот, кому удастся завершить эту работу, сможет сделать блестящую карьеру и, следовательно, упрочить свое служебное положение. Их исследования на Земле были самым значительным событием не только за всю историю археологии, но и за все время существования этой науки у наоли. И именно в Бостоне вполне могло быть обнаружено что-нибудь стоящее, как в одном из немногих городов, не превратившихся в пыль.

Фиала размышляла о множестве способов, которые могли бы ускорить конец Хьюланна, но какой именно — она не знала. Тщательно перебирая в уме различные варианты, принимая их, а затем отвергая один за другим, она отложила это занятие до утра.

А где-то в мертвом городе...

Хьюланн спал мертвым сном, хотя его сверхразум пребывал в адском напряжении. Даже под бременем забот он таким образом умел расслабиться.

А Лео соорудил себе ложе из одежды, вывалившейся из разбитого шкафа. Он зарылся поглубже, чтобы защититься от холодной ночи Новой Англии. Сбоку лежал нож, до которого Лео мог легко дотянуться в случае необходимости. Перед самым сном в его сознании возник четкий образ. Он увидел своего мертвого отца, лежащего под руинами разрушенной станции. Он резко сел в куче тряпья, словно распрямившаяся пружина. Он же запретил себе думать об этом. И лишь когда решил, что сможет поспать без кошмаров, снова зарылся в свою теплую нору.

Двумя кварталами дальше, над землей, зимородок обустраивал себе дом — гнездо из мусора и травы, веревок и ленточек, поклевывая и пощипывая стены с лихорадочной и неприятной нервозностью. На некотором расстоянии от суетящейся птицы, где-то около ста футов, по водосточной трубе кралась больная, умирающая крыса-мутант — со всей осторожностью, на которую была еще способна. Она уже не могла держать прямо голову и поэтому подолгу останавливалась на месте, как в бреду. Лапы твари ослабели и были практически бесполезны, острыя жгучая боль пронзала позвоночник. Она просто не могла знать о вирусе наоли, который выполнял свою карательную миссию внутри ее тела. Она лишь чувствовала голод. Остановившись в нескольких футах от гнезда, крыса попыталась подпрыгнуть. Ка-

ким-то образом птица услышала это и растворилась в темноте. Больная крыса сделала последнюю, безнадежную попытку, прыгнув и упустив улетающую добычу, и почувствовала, что скользит по краю водосточной трубы. Она лихорадочно пыталась зацепиться когтями за камни, но не могла найти ни единой точки опоры. Крыса упала из-под купола пустого собора на безмолвную улицу.

В здании, где был расположен главный административный центр оккупационных сил, программисты, обеспечивающие систему Фа-зисснов, усердно работали над трансляциями на следующее утро. Время от времени один из специалистов прерывал работу, выходил на улицу, принимал таблетку сладкого наркотика, уносящего в приятное забытье, и наблюдал, как снег кружится и падает вокруг его плоских ступней. Под воздействием препарата казалось, будто наоли становится частичкой дрейфующих по воздуху хлопьев снега, утрачивая всякую связь с естественными силами этого мира.

Глава 2

Второе предупреждение из Фа-зисной системы привело Хьюланна в замешательство. Он напрочь забыл о необходимости встречи с травматологом. Такое небрежное отношение к своим обязанностям потрясло Хьюланна, и он

решил исполнить свой долг перед тем, как пойдет на раскопки. Но компьютер — секретарь Баналога — назначил время встречи Хьюланна с главным травматологом после полудня. Поэтому Хьюланн отправился к месту работы, однако уже второй день подряд он приходил намного позже обычного.

Минуя сослуживцев, не проронив ни слова, он не мог не заметить на себе удивленные взгляды. Вдруг осознав, что выдвинутые вперед губы придают его лицу выражение стыда, Хьюланн немедленно взял себя в руки и принял хладнокровный, спокойный вид — и вот от его стыдливости не осталось и следа.

Он снова выглядел как счастливый охотник за костями на пути к богатому кладбищу.

Хьюланн вошел в знакомое полуразрушенное здание, затем спустился по ступенькам в подвал, освещая себе путь. Оставив позади провал в бесконечной веренице комнат, он снова оказался в том месте, где нашел вчера человеческого детеныша.

Лео все еще был там.

Мальчишка сидел на куче одежды, натянув на себя два пальто, чтобы хоть как-то спастись от ледяного холода, и ел какой-то земной фрукт из пластикового контейнера. В контейнер, очевидно, был встроен элемент обогрева, так как над ним поднимался пар.

Хьюланн в недоумении остановился. Его глаза были широко открыты, веки подобно

мехам гармоники покоились на выступающих костях над глазницами, нисколько не прикрывая их.

— Хочешь немного? — спросил Лео, протягивая ему кусочек фрукта.

— Что ты здесь делаешь?

Лео ничего не ответил, снова приступив к своей скромной трапезе.

— Ну куда же я мог уйти?

— В город, — подсказал Хьюланн. — Там, наверху, целый город.

— Нет. Там другие наоли. Город оккупирован.

— Тогда за его пределы! Подальше отсюда!

— С моей ногой уже лучше, — согласился Лео, — хотя я все равно не смог бы нормально идти. Но даже если б смог... Не забывай, что там война!

Хьюланн не нашелся что ответить. Первый раз в жизни он почувствовал, что не может управлять своими эмоциями. В нем возникло огромное желание упасть на колени, расслабиться и заплакать.

— Холодно, — заметил Лео, продолжая есть. — А на тебе ничего нет. Тебе не холодно?

Хьюланн пересек комнату, сел на кучу хлама напротив мальчика на расстоянии нескольких футов и как-то рассеянно проговорил:

— Нет, мне не холодно. У нас нет постоянной температуры тела, как у вас. Она изменя-

ется согласно температуре вокруг. Хотя, конечно, не очень сильно. Да, еще наша кожа. Если мы хотим сохранить тепло в теле, мы делаем так, что кожа становится непреодолимой преградой для прохождения холода.

— А я вот замерз, — пожаловался Лео. Он отложил в сторону пустую банку, от которой все еще струился пар. — Я ищу персональный обогреватель с того самого момента, как рухнул город. И не могу найти. Может, ты привнесешь мне один?

Наоли недоверчиво взглянул на мальчика и сам не заметил, как сказал:

- Может быть. Я видел их на раскопках.
- Это было бы здорово!
- Если я достану то, что ты просишь, ты уйдешь?

Лео снова пожал плечами, что казалось его самым примечательным жестом. Только Хьюланну очень хотелось узнать, что же означает этот жест.

— Куда мне идти?

Хьюланн как-то неопределенно провел рукой по воздуху:

— Подальше из города. Даже если там мало чего есть. Ты мог бы взять с собой еду и дождаться, пока мы уйдем.

- Десять лет?
- Да.
- Это глупо.
- Да, глупо.

— Отступаете туда, откуда начинали войну?

— Да, это так.

— А тебе не больно так? — поинтересовался Лео, наклоняясь вперед.

— Как?

— Когда ты втягиваешь губы и они накрывают зубы?

Хьюланн быстро обнажил зубы, прикоснулся рукой к губам и ощупал их.

— Нет, — протянул он, — у нас нет нервных окончаний в верхних слоях кожи.

— Ты выглядишь так забавно! — фыркнул Лео. Затем втянул губы внутрь рта, прикрывая ими зубы, попробовал что-то сказать и расхохотался.

Хьюланн тоже рассмеялся, глядя, как мальчик копирует его мимику. Неужели он и правда так выглядит? Втянутые губы делали лицо наоли загадочным; или он, по крайней мере, привык рассматривать это именно так. Но в такой пародийной версии он действительно выглядел смешным.

— Что ты делаешь? — Мальчик прямо-таки закатился от смеха.

— Ты о чем? — спросил Хьюланн, глядя поверх него. Тело его застыло. Руки и ноги не двигались.

— Что это за шум? — Мальчик удивленно посмотрел на Хьюланна.

— Шум?

— Какой-то хрипящий звук.

Хьюланн смущился:

— Ну, так мы выражаем веселье, радость. Смех. Как у тебя.

— Это похоже на бульканье в забитой чем-то водосточной трубе, — заметил Лео. — Нужели мой смех тоже такой противный для тебя?

Хьюланн снова засмеялся:

— А ты издаешь какое-то странное журчание. Я не замечал этого раньше. Похоже на то, как кричат некоторые птицы в моем мире. Огромные и волосатые. Ноги у них длинной около трех футов, а клюв маленький-маленький!

Они смеялись до тех пор, пока не устали.

— Сколько ты сможешь оставаться здесь сегодня? — спросил мальчик после нескольких минут приятной тишины.

Хьюланн снова почувствовал себя подавленным.

— Недолго. А ты — и того меньше. Ты должен уходить. Немедленно.

— Я же уже сказал, что не могу, Хьюланн.

— Никаких возражений! Ты должен сейчас же бежать отсюда, или я сделаю то, что обязан был сделать с самого начала. Я сдам тебя палачам.

Лео даже не шелохнулся.

Хьюланн встал.

— Уходи! — скомандовал он.

— Нет, Хьюланн.

— Уходи! Сейчас же уходи! — Он схватил мальчика с пола, удивившись, насколько тот был легким. Он тряс Лео до тех пор, пока на лице человечка не выступили пятна. — Сейчас же! Или я сам тебя убью! — И Хьюланн бросил его на пол.

Лео не сделал ни малейшего движения, чтобы убежать. Он посмотрел на Хьюланна, потом на разбросанную на полу одежду. И принялся подтягивать ее к себе и закрывать тело, чтобы удержать тепло. И вот уже незакрытыми остались только глаза, которые пристально смотрели на Хьюланна.

— Что ты со мной делаешь! — воскликнул Хьюланн. Гнев уступил место раздражению. — Лео, ты не должен заставлять меня делать это. Пожалуйста. Ты поступаешь очень плохо.

Ответа не последовало.

— Неужели ты не понимаешь, что делаешь? Ты делаешь из меня преступника... предателя.

Порыв ветра проник в развалины и закружила пыль вокруг них. Хьюланн не замечал этого. Мальчик начал глубже зарываться в свое гнездо.

— Лучше бы ты позволил крысе убить меня. Глупый ребенок! Зачем ты предупредил меня? Кто я тебе? Думаю, для тебя было бы лучше, если бы я был мертв, а не жив.

Лео слушал.

— Какой я глупец. Я предал свой народ.

— Война окончена, — напомнил Лео. — Вы победили.

Хьюланн согнулся от острой боли в желудках.

— Нет! Нет! Война не окончена, пока полностью не истреблена одна из сторон. И никому не будет пощады в этой войне.

— Не может быть, чтобы ты верил тому, что сейчас говоришь.

Хьюланн молчал. Конечно же он не верил — мальчик был прав. Возможно, он никогда не верил. И только сейчас осознал, что война была какой-то ошибкой. Человеку и наоли пока еще не удавалось сосуществовать даже в состоянии «холодной войны». Они были слишком чужими, чтобы найти хоть что-то общее для понимания друг друга. А тут этот ребенок. Такой доступный. Такой беззащитный. Они же общаются, и это значит, что вся теория о несовместимости людей и наоли разваливается прямо на глазах. Войны можно было избежать.

— Понимаешь, — вздохнул Хьюланн, — у меня нет выбора. Я должен открыть эти подвалы для того, чтобы их тщательно исследовали ученые из моей команды. Я не могу скрыть их наличие. Я буду протягивать сюда свет. Если ты не уйдешь, когда я позову остальных, это твои проблемы. Больше меня это не касается.

Он встал и принялся за работу, намеченную на этот день. Два часа спустя ему следует быть

у травматолога. Хьюланн торопился. Когда почти все подвалы были освещены, наоли вернулся и посмотрел на мальчика.

— Следующий подвал — последний, — произнес он. — Я уже все сделал.

Лео по-прежнему молчал.

— Тебе нужно уходить.

И снова тот же ответ:

— Мне некуда идти.

Хьюланн стоял, не сводя глаз с ребенка. Наконец, словно очнувшись, он начал выкручивать раскаленные лампочки, после поворачивал столбы, которые сам же и вбивал, сматывал провод и отнес все в дальний подвал, который находился у выхода. Вернувшись обратно, он положил свой фонарь рядом с мальчиком:

— Сегодня вечером у тебя будет светло.

— Спасибо, — ответил Лео.

— Я закончил свою работу.

Лео кивнул.

— Возможно, завтра я смогу завалить щель в развалинах, которая ведет в эту комнату, и попытаюсь сделать так, чтобы сюда никто не смог проникнуть. Тебя никто не потревожит.

— Я помогу тебе, — кивнул Лео.

— Знаешь, — лицо Хьюланна напряглось так сильно, что даже мальчик смог увидеть признаки невыносимого страдания, — ты... ты... мучаешь меня.

И он ушел, оставив мальчику свет.

— Входите, Хьюланн, — сказал травматолог Баналог, дружелюбно улыбаясь, впрочем, как все травматологи улыбаются своим пациентам. От врача прямо-таки исходили тепло отцовской нежности и чувство какого-то преувеличеннного благополучия, что не очень-то помогало, а только добавляло клиенту забот.

Хьюланн сел справа от Баналога. Травматолог занял свое привычное место за столом, откинувшись на спинку мягкого стула, и притворился расслабленным.

— Прошу прощения, что вчера забыл уточнить время нашей встречи, — извинился Хьюланн.

— Ничего страшного. — Баналог говорил спокойно и мягко. — Это только показывает, что чувство вины в вас не столь велико, как полагает Фазиссистемный компьютер. В противном случае вы не смогли бы продолжать работу так, как вы ее выполняли.

Баналогу было интересно, удалось ли ему скрыть столь явную ложь. Казалось, Хьюланн несколько оживился. Значит, его слова прозвучали весьма убедительно. И теперь травматолог был уверен в том, что археолог осознает вину и делает все возможное, чтобы не показать этого.

— Я и не предполагал, что у меня комплекс вины, пока Фазисная система не сообщила.

Баналог махнул рукой в знак того, что с Хьюланном не происходит ничего серьезного.

Дело в том, что пациент должен быть хоть немного расслабленным. Врач придвинул стул поближе к столу, положил на него руки и начал нажимать кнопки на своем многоцветном пульте управления.

Над головой Хьюланна что-то зашевелилось. Когда он поднял голову, чтобы посмотреть на источник шума, то увидел, как, подобно заходящему на посадку вертолету, на него спускается серый тусклый колпак медицинского робота. Он замер в двух футах над Хьюланном, распространяя во все стороны сияние. Диаметр колпака составлял'фута четыре.

Баналог снова нажал какие-то кнопки — и прямо из пола, невдалеке от Хьюланна выросло устройство в форме цилиндра, состоящее из различного вида крайне чувствительных линз и сенсоров, и остановилось на уровне глаз пациента.

— Я думал, что такое оборудование используется только в тяжелых случаях, — нервно проговорил Хьюланн, теряя самообладание, с которым вошел в этот кабинет. В голосе его появились признаки беспокойства. Казалось, он не в силах преодолеть охвативший его ужас.

— У вас сложилось превратное представление, — возразил Баналог так, будто занимаясь всем этим ему порядком надоело. — Для выявления тяжелых случаев у нас в арсенале имеются гораздо более изощренные технологии.

— А вы не боитесь, что я дам ложные показания?

— Нет, не боюсь. Не хочу вас обидеть, Хьюланн, это противоречит моим принципам, но не забывайте, что мозг представляет собой крайне интересное явление. Ваш собственный сверхразум может лгать вам. В то время как вы будете сидеть и рассказывать мне, что вы сами думаете по поводу вашего комплекса вины, эти приборы покажут объективную картину всех ваших внутренних тревог. Мы ведь и сами не знаем, что творится у нас в подсознании.

Приборы слегка загудели, как будто возвращались к жизни из вязкого сна. Некоторые сенсоры засветились зеленым и стали похожи на глаза наоли. Другие мигали желтыми и ярко-красными огоньками.

По телу Хьюланна поползли мурашки, когда он почувствовал, как в него проникают все знающие бесчувственные волны, считывающие информацию для травматолога.

— Значит, это необходимо? — спросил он.

— Не необходимо, Хьюланн. Но в противном случае все выглядело бы так, будто с вами не все в порядке. Но ведь вы же не чувствуете себя больным? Надеюсь, то, что с вами происходит, не так уж страшно. Это не необходимость, а стандартная процедура в подобных случаях.

Хьюланн кивнул и подчинился. Ему придется быть предельно осторожным и следить за

своими словами: отвечать по возможности честно — но в то же время не открывать всей правды.

Опрос начался издалека.

- Вам нравится ваша работа, Хьюланн?
  - Очень.
  - Сколько лет вы занимаетесь археологией?
  - Семьдесят три.
  - А до этого?
  - Я был писателем.
  - Как интересно!
  - Согласен.
  - О чем вы писали?
  - Книги по истории. Истории сотворения мира.
  - Археология в таком случае стала естественным продолжением вашей деятельности.
  - Полагаю, да.
  - Чем вас привлекает археология? Постойте, я хотел сказать, почему вам нравится вести раскопки?
  - Я испытываю искреннее волнение при воскрешении прошлого, когда неожиданно что-то находишь, а также удовольствие в процессе познания.
- Баналог проверил данные, которые выяснились у него на столе, и, чтобы не нахмуриться, снова посмотрел на Хьюланна и выдавил из себя улыбку:
- Связано ли ваше чувство вины с работой именно на этой планете?

— Я не понимаю, о чем вы.

— Ну, не чувствуете ли вы, будто отбываете что-то вроде наказания, реконструируя, так сказать, повседневную жизнь людей?

Так продолжался опрос. Тестирование... Зондирование... Вскоре Хьюланну стало ясно, что Баналог узнавал намного больше, чем пациент намеревался позволить ему узнать. Хьюланн старался отвечать как можно лучше, но и сдержать проницательного травматолога с его умными машинами не было никакой возможности.

Затем произошло самое страшное. Баналог подался вперед и доверительно сообщил:

— Конечно, Хьюланн, вы понимаете, что ваша подсознательная вина есть не что иное, как совесть.

— Я...

Баналог нахмурился и сделал знак замолчать перед тем, как Хьюланн начнет все отрицать.

— Да, да. Я вижу это, Хьюланн. Но есть и еще что-то, что вы скрываете от меня.

— Ничего.

— Пожалуйста, Хьюланн. — Лицо Баналога выражало страдание. — Это для вашей же пользы. Да вы ведь и сами все знаете.

— Да, — признал с неохотой Хьюланн.

— Тогда скажите мне.

— Я не могу.

— Вы будете чувствовать себя виноватым?

Хьюланн кивнул.

Баналог снова откинулся в своем кресле и долго молчал. Машины продолжали ковыряться в мозгу Хьюланна, пронзая его своими невидимыми щупальцами. Баналог отвернулся к окну и смотрел, как в тусклом свете падает снег. Снег шел уже целый день, и все основательно покрылось белым слоем пороши, хотя таять снег перестал только в полдень. Баналог обрабатывал детали, которые ему удалось обнаружить, систематизируя их в голове, пока не нашел следующий вопрос:

— Хьюланн, это имеет какое-то отношение к тому, что вы нашли во время раскопок?

Датчики на столе яростно замигали.

— Нет, — отрезал Хьюланн.

Баналог никак не отреагировал на ответ. Его внимание было поглощено данными машин.

— Что вы нашли?

— Ничего.

— Что же это такое, что вы считаете столь важным, что упорно скрываете, подвергая себя риску стирания памяти и реструктурирования.

Хьюланна охватил неподдельный ужас. Внезапно он увидел, как мир вокруг него рушится, осыпается, превращается в пыль, уносимую куда-то холодным ветром. Его прошлое будет стерто промывающими память технологиями.

У него отнимут первые двести восемьдесят лет жизни. У него больше не будет прошлого, о котором он сможет рассказать своим детям. Клеймо позора ляжет на десятки поколений его семьи.

Баналог приподнял голову, его веки скользнули вниз, скрывая шок в глазах.

— Хьюланн! Вы нашли в руинах человека! Живого человека! Нашли! — выдохнул терапевт.

А Хьюланн уже видел, как Лео вытаскивают из разбитого и обуглившегося здания. Затем возник образ испуганного детского лица. И финальная картина — маленькое, растерзанное, кровоточащее тельце на замерзшей земле, после того как палачи сделают свое дело.

Он вскочил с кресла с легкостью, которой сам от себя не ожидал. Эта легкость сохраняла ему первые двести лет жизни. Хьюланн не стал обходить стол, а прыгнул прямо через него, сметая на своем пути аппаратуру, которая яростно замигала, словно сопротивляясь.

Баналог пытался закричать.

Но Хьюланн врезался в кресло, где сидел травматолог, и они оба повалились на пол. Хьюланн успел заткнуть врачу рот правой рукой с такой силой, что тот был лишен всякой возможности позвать на помощь. Баналог пытался отбиваться. И, несмотря на то что он был старше лет на сто, ему почти удалось освободиться.

Тогда Хьюланн с размаху ударил его по голове. Врач рухнул на пол. Веки широко открытых зеленых глаз медленно сомкнулись.

Хьюланн ударил еще раз, для верности, но Баналог был уже без сознания. Какое-то время Хьюланн мог все обдумать и решить, что же ему делать дальше.

Делать дальше...

Он вдруг до конца осознал, в каком положении оказался. Горькая правда реальности ошеломила его. Хьюланн заметил, что слабеет от одной мысли о том, что сделал. Его прямо-таки выворачивало наизнанку. Наоли почувствовал, как второй, более восприимчивый желудок поднимается мощной волной, пытаясь попасть в полость первого. Но ему удалось справиться с этим. Подумать только, еще несколько мгновений назад он был кандидатом на стирание памяти и реструктурирование. Это было ужасно. Однако все происшедшее потом оказалось намного страшнее. Он стал предателем. Избил Баналога, чтобы избежать наказания и спасти человеческого детеныша. Ему этого не простят. Его уничтожат без суда и следствия.

Когда-то он думал: самое страшное, что с ним могут сделать, — это лишить прошлого. И такое наказание представлялось более страшным, чем стать просто предателем. Сейчас он понял, что ошибался. В конце концов, он мог бы дать детям наследие своих будущих

свершений. Но что ожидает детей перебежчика? Только безрадостное существование на протяжении нескольких столетий.

Что же можно сделать? Ничего. Ничто не поможет ему спасти имя своей семьи. Единственным утешением оставалось только то, что ему уже удалось воспитать нескольких детей. Хьюланн поднялся и начал обдумывать следующий шаг. Поначалу единственным достойным выходом казалось самоубийство. Но даже это не сможет вернуть ему доброе имя, и потому смерть не имела смысла. Теперь ему оставалась только собственная жизнь — и ее-то он и должен спасать.

И жизнь Лео. Тоже. Ведь, в сущности, именно из-за этого мальчика он разрушил всю свою жизнь. Позволить теперь, чтобы Лео убили, означало превратить все в фарс. Первое, что нужно было сделать, — это обезвредить Баналога, чтобы он не поднял тревогу до того, как Хьюланн и мальчик окажутся вне досягаемости Второй Дивизии.

Перенеся бессознательного травматолога под колпак, под которым еще недавно сидел он сам, Хьюланн поискал что-нибудь для того, чтобы связать его. Ничего подходящего не оказалось. В конце концов он содрал шторы с обеих сторон окна и разорвал их на полоски. Намочив эти полоски в туалетной комнате, примыкавшей к кабинету, Хьюланн привязал Баналогу к стулу. Сначала он связал Баналогу ноги, потом руки,

а затем обмотал его плечи, грудь и прочно прикрепил веревки за спинкой стула. Оставалось только привязать колени.

— Этого, пожалуй, будет достаточно, — сказал Баналог.

Хьюланн выпрямился и изумленно посмотрел на врача.

— Придется сильно попотеть, чтобы выбраться отсюда, — заметил Баналог.

Хьюланн хотел что-то сказать, но травматолог оборвал его:

— Не надо. Ты поступаешь так, как считаешь нужным. Ты болен, Хьюланн. Поэтому не знаешь, что для тебя лучше.

Хьюланн развернулся к двери.

— Погоди! Еще две вещи, о которых ты забыл. Сделай мне инъекцию сладкого наркотика для ослабления связи с Фазисной системой. И кляп в рот.

Не произнося ни слова, Хьюланн подошел к столу травматолога, нашел наркотик в центральном ящике и наполнил иглу большой дозой сильнодействующего препарата, после чего осторожно ввел состав в вену на шее Баналога. Затем засунул ему в рот кляп. Хотя, по мнению Хьюланна, все, что он делал, было бессмысленно. Что заставило Баналога действовать с ним заодно? Хьюланн едва удержался от искушения выдернуть изо рта Баналога плотно смотанный кусок драпировки и спросить об этом. У него не было времени. Бежать! Бежать без промедления!

Глава 3

Улица, где велись раскопки, выглядела пустынной в тусклом свете опускавшихся на город сумерек. Самое тяжелое оборудование, которое убрать с объекта было нелегко, накрыли чехлами из надувного пластика, чтобы уберечь от ветра. Снежный покров толщиной дюйма в четыре несколько сгладил искромсаные очертания развалин. На земле царила могильная тишина, периодически прерываемая завыванием ветра да шелестом снежных хлопьев, которые падали друг на друга подобно частичкам мокрого песка.

Хьюланн шел по укутанной белым саваном улице, стараясь по мере возможности не привлекать к себе внимания, хотя его темное тело хорошо выделялось на фоне снега. Он нашел дом, в котором его поджидал Лео.

Мальчик спал. Лицо его почти полностью закрывала одежда, и Хьюланн мог видеть только глаза и брови ребенка.

— Лео, — тихо позвал он мальчика.

Тот даже не шелохнулся.

«У меня еще есть время уйти, пока я не разбудил его и не сказал, что мы бежим, — подумал Хьюланн. — Сейчас, пока еще не поздно».

Но было уже поздно. Он и сам это прекрасно понимал. С того самого момента, когда он напал на себя подобного, чтобы защитить че-

ловека, назад дороги просто не существовало. Он стал предателем.

И снова перед глазами возникли картины, уже не раз виденные им. Лео вытаскивают наружу. Лео испуган. Лео мертв. Кровь на снегу. И еще Хьюланн вспомнил разъяренную крысу, висящую над ним, готовую упасть и разорвать его шею своими страшными когтями и зубами. А потом крик человеческого мальчика.

Хьюланн подошел к Лео, встал на колени и бережно потянул его:

— Лео.

Мальчик пошевелился, затем внезапно вскочил, полностью проснувшись. Его глаза были широко открыты, а рука сжимала нож, который наоли до этого не видел. Лео направил лезвие прямо на Хьюланна, но тут же расслабился, бросил нож на пол и снова засунул окоченевшие пальцы под свое импровизированное одеяло.

— А-а, это ты, Хьюланн.

— Нам нужно уходить, — сказал наоли.

— Уходить?

— Да. Поднимайся.

— Ты сдашь меня?

— Нет, — прошипел Хьюланн. — Меня раскрыли. Они узнали, что я скрываю тебя. Нам нужно уходить.

— Прости меня, — потупился мальчик.

— Ничего. Пошли. Быстрее.

Лео встал, сбрасывая с себя слой за слоем пальто, брюки, шляпы, свитера, которые грудой лежали на нем. Хьюланн поднял несколько вещей, подходивших, на его взгляд, мальчику по размеру, и приказал надеть все это поверх одежды, объяснив, что, возможно, им долгое время придется провести вне убежища.

— Но куда же мы пойдем?
— За пределы города.
— Там же ничего нет.
— Что-нибудь найдем.
— Что?
— Ты задаешь слишком много вопросов. А для этого у нас нет времени. Давай быстрее.

Они побежали, пересекая комнаты, к внешнему подвалу, где Хьюланн выключил свет. Взобравшись по ступенькам, беглецы быстро пересекли пустынное полуразрушенное здание до дверного проема, через который внутрь заносило снег. Лео съежился от холода. Он держался справа и немного позади наオリ. Хьюланн вышел на улицу. Его широкие ступни утонули в мягкой снежной пыли. Посмотрев по сторонам и прислушавшись, не идет ли кто, он подал мальчику знак следовать за ним.

Они шли по улице, стараясь по возможности держаться ближе к стенам домов, и, хотя прислушивались к малейшему шороху, который мог означать приближающийся патруль,

до них не доносилось ничего, кроме свиста режущей глаза снежной пыли и скрипа собственных шагов. Хьюланн прикрыл глаза веками, оставив только узкие щелки, но не переставал пристально следить за дорогой.

Они свернули с улицы налево. Там был сравнительно безопасный переулок, который представлял собой узкую тропинку, причудливо изогнутую и неровно вымощенную. Здания здесь вздымались очень высоко, а крыши были такими крутыми, что слой снега на них едва ли достигал толщины одного дюйма. Хотя было очень маловероятно, что их обнаружат в таком укромном и мрачном месте, тем не менее они прижимались к стенам, отбрасывавшим густые тени, и двигались крайне осторожно.

Хьюланн несколько раз менял маршрут, пока они не выбрались к следующей улице, выход на которую был заблокирован рухнувшей стеной какого-то здания. Там же лежала перевернутая военная наземная машина людей. Они проползли по кирпичам и осыпям известковых обломков, пока не добрались до танка.

— Зачем мы пришли сюда, если убегаем? — спросил мальчик.

— Без еды мы вряд ли далеко уйдем. И даже наоли иногда нужно согреться. А индивидуальные обогреватели? И оружие? Я не хочу отправляться в путь, пока у нас не будет всего этого.

— У тебя есть машина?

— Нет, она мне никогда не была нужна. Но я знаю, у кого машина есть, и, возможно, смогу ее достать.

Хьюланн имел в виду машину Фиалы. Фиала, помимо исследований, занималась еще и тем, что исполняла роль курьера между бригадами археологов в Бостоне. Раз в день она объезжала многочисленные объекты, где велись раскопки. Она передавала отрядам ученых необходимую информацию и собирала все артефакты, которые, по мнению глав экспедиций, могли принести больше пользы на других участках работы. Возможность того, что ему удастся уговорить Фиалу, была маловероятной, но другого выхода Хьюланн просто не видел.

— Жди здесь, — приказал он Лео. — Если я достану машину, то подгоню ее сюда и открою дверь с твоей стороны. Твоя задача — запрыгнуть внутрь как можно быстрее.

Лео кивнул в знак того, что все понял.

Хьюланн перекатился через насыпь, обогнул танк, затем с грохотом свалился с груды мусора и зашагал к построенному наоли комплексу, в конце которого находилась жилая башня, — там у него, как и у всех членов команды, имелась собственная комната. Хьюланн уже почти подошел к двери Фиалы, как вдруг понял, что весь его план изобилует прорехами такой величины, что сквозь них можно без труда пролезть самому. Возможно, Ба-

налог и испытывал к нему какое-то сочувствие, но где гарантия, что Фиала поведет себя точно так же. И что, если она заподозрит его и обратится за помощью к Фазисной системе? Сумеет ли он сделать что-либо, чтобы остановить ее? Это следовало хорошо продумать.

Поэтому Хьюланн поднялся в свою комнату, которая находилась несколькими этажа... и выше, чтобы собрать все необходимое. Первым делом он набил походную сумку едой, заказав ее на кухне и надеясь на отсутствие контроля по системе питания, — такой большой заказ мог привлечь внимание, а этого Хьюланн не мог себе позволить. Еще он не забыл положить индивидуальные источники обогрева и оружие для защиты от мутировавших форм жизни. Казалось, все было готово.

Под конец он прихватил свой запас галлюциногенного наркотика (в бутылочке оставалось еще две дозы). Неся провизию в одной руке и спрятав иглу с наркотиком в другой, Хьюланн спустился по лестнице, ведущей к комнате Фиалы.

Она открыла дверь только после третьего звонка. Фиала, как всегда, была очаровательна, и Хьюланна снова охватило желание, которое отозвалось приятной пульсацией в репродуктивной сумке. Вместе с тем он почувствовал вину за то, что собирался сделать.

— Хьюланн?

— Можно войти?

Фиала бросила взгляд на сумку, которую он держал в одной руке, и не заметила иглу с наркотиком, спрятанную в другой. Она сделала шаг назад, пропуская Хьюланна к себе.

Когда Фиала оказалась у него за спиной, он развернулся и резким движением ввел иглу в бедро, нажал посильнее. Яркая зеленая жидкость попала ей в кровь меньше чем за секунду.

Уже после первых капель наркотика Фиала перестала вырываться из его объятий, чтобы освободиться. Ее движения становились все более и более вялыми. Наркотик лишил ее и способности искать помошь через контакт с Фазисной системой.

— Что ты делаешь? — спросила она сквозь охватывающий ее сон, закрывая глаза.

Игла все еще торчала в ее теле. Хьюланн вытащил инъектор и положил его на мешок, стоявший возле письменного стола.

— Пешли, — приказал он.

Она позволила отвести себя в комнату и уложить на кушетку.

— Что тебе нужно от меня, Хьюланн?

— Ключи от твоей машины, — ответил он, глядя на нее сверху вниз. — Где они?

— Зачем тебе ключи? — Ее слова текли медленно и вязко, как сироп.

— Не важно. Если не хочешь говорить, где ключи, я обыщу всю твою квартиру. Мне при-

дется применить силу, Фиала. Если потребуется, я взломаю ящики в твоем письменном столе.

— Они в столе. В верхнем левом ящике.

Хьюланн подошел к столу и взял ключи. А когда повернулся, то обнаружил, что она уже открывает дверь в коридор.

В три прыжка Хьюланн оказался возле двери. Он буквально упал на Фиалу, оттаскивая ее от входа. Захлопнув дверь, он подмял Фиалу под себя, чтобы приглушить ее крик. Навалившись всем телом, Хьюланн левой рукой защемил Фиале все ее четыре ноздри. И когда она потеряла сознание, Хьюланн заткнул ей кляпом рот, как он сделал с Баналогом, и начал связывать ее.

Но она только притворилась, что была без сознания, и, как только Хьюланн начал подниматься с ее вялого тела, Фиала нанесла сильный удар твердым коленом по его репродуктивной сумке. От боли у Хьюланна перехватило дыхание, и он свалился на пол. В голове вспыхивали разноцветные блики. Желудки свело судорогой. Хьюланн напрягся, чтобы облегчить боль, но это мало помогло.

А Фиала была уже на ногах. Ее шатало из стороны в сторону. Наркотик уносил ее от реальности все дальше и дальше. Однако она снова нашла дверь.

Поборов тошноту, Хьюланн схватил ее за ноги и рванул назад от двери. Она упала на

него, и тут же начала рвать его тело когтями и зубами.

Хьюланн яростно боролся, пытаясь снова за- жать ей нос, чтобы лишить возможности дышать, пока она по-настоящему не потеряет сознание. Но Фиала запрокинула голову и укусила его.

Зрачки ее глаз стали огромными, так как наркотик начал действовать и работал против нее. Но полагаться только на его помощь Хьюланн не мог себе позволить.

Почувствовав кровь из его руки, Фиала из-дала довольный булькающий хрип.

Она впала в состояние аффекта.

Фиала выгнулась и почти сбросила с себя противника. Сожалея о том, что приходится это делать, Хьюланн со всего размаху ударил ладонью по ее самому уязвимому месту. От боли у Фиалы перехватило дыхание, и ей пришлось испытать то же самое, что совсем недавно чувствовал Хьюланн. Из ее горла вырывались нечленораздельные хрипы. Хьюланн ударил снова, посыпая в ее тело новую волну парализующей боли.

Затем он встал. Фиала больше не представляла для него никакой опасности. Она лежала, скорчившись на полу, поливая его бранью. Она несла какую-то чушь о том, как он купил право на управление бригадой ученых у командира Второй Дивизии и как она получила бы вместо него работу, которая по праву должна была принадлежать только ей.

Хьюланн уже не обращал на нее никакого внимания. Его голова и без того была забита проблемами, так что он был не в состоянии воспринимать, а тем более осмысливать то, что она выкрикивала ему.

Десятью минутами позже Фиала уже сидела привязанная к стулу, а ее рот, как и рот Баналога, украшал тщательно засунутый кляп. Она больше не понимала, что с ней делают. Представления о времени и пространстве у нее отсутствовали. Сладкий наркотик перенес Фиалу в более приятное место, чем это. А мурлыканье и воркование относились теперь к каким-то образам, возникавшим в ее одурманенном воображении.

Хьюланн вышел в коридор, нашел проем лифта, нажал на кнопку первого этажа и сделал шаг в пустоту. Он падал и падал вниз, пока поле лифта не начало замедлять его полет по мере приближения к цели.

Найдя вездеход, который был припаркован с остальными машинами позади башни, Хьюланн открыл дверь, забрался внутрь и вставил ключ. Мотор приятно заурчал, подавая первые признаки жизни. Роторы шасси откашлялись, зашипели и равнодушно начали отстукивать удары. Машина, оторвавшись от земли, плавно поднялась вверх.

Вскоре Хьюланн оказался над открытой площадью, где возле перевернутого танка его ждал Лео. Описав в воздухе широкую дугу, вездеход

опустился возле кучи булыжников. Откинувшись на спинку сиденья, Хьюланн нажал на кнопку двери, которая тут же открылась. Мальчик понесся вниз по склону, зацепился за обрывок алюминиевого троса и растянулся на земле. Но в следующее мгновение он уже снова был на ногах и продолжал свой бег. Наконец Лео скользнул в машину и захлопнул за собой дверь.

Хьюланн знал, что за пределы площади можно было выбраться только по одной улице. Он развернул машину в нужном направлении и вдруг увидел патрульного наオリ сквозь частично залепленный снегом прозрачный пол кабинны. Патрульный размахивал руками и что-то отчаянно кричал. Он еще не вошел в контакт с Фазисной системой, — Хьюланн обязательно услышал бы, — но мог сделать это в любую секунду.

Патрульный встал перед Хьюланном и закрыл выход к улице, идущей от площади. Его руки по-прежнему мелькали в воздухе, и слышался крик.

Хьюланн вдавил акселератор. Лопасти винтов начали с визгом набирать обороты.

Патрульный наконец понял, какую ошибку сделал, что не позвал на помощь раньше. Что-то изменилось в молчании Фазисной системы, и Хьюланн уловил, что наオリ приготовился объявить всеобщую тревогу.

Хьюланн еще увеличил обороты винтов и направился к патрульному.

«Внимание...»

Первые слова тревоги, поступившие из Фа-зисной системы, раздались в голове Хьюланна подобно взрыву.

Патрульный попытался прыгнуть в сторону, но сделал это слишком поздно. Столкнувшись с корпусом налетевшей на него машины, он был отброшен назад. Мощные стальные лезвия винтов вонзились в его плоть, нисколько не снижая своих оборотов.

Хьюланн даже не оглянулся. Его взгляд был прикован к дороге. Оборвать сигнал тревоги ему все-таки удалось. Даже если патрульного скоро обнаружат, никто не узнает, кто его сбил. Сбил? Нет, убил. Хьюланн убил патрульного.

Его начало охватывать странное оцепенение по мере того, как он стал осознавать свой пропступок. Он, тот, который никогда не хватался за оружие даже в минуты страшного гнева, совершил убийство.

Словно под воздействием гипноза, Хьюланн сосредоточенно вел машину. Он думал только о необходимости убежать и скрыться — ни о чем другом думать сейчас он просто не мог. Скрыться не только от наоли, которые бросятся на его поиски после того, как найдут Баналога и Фиалу. Он бежал от мертвого патрульного. И от своего прошлого. Быстрее, Хьюланн, быстрее! Его машина порхала во мгле, словно маленькое насекомое.

Они пролетали мимо многочисленных строений наоли. Время от времени вспышки света из их окон озаряли кабину, и Лео мог видеть, как по грубой серой коже Хьюланна катятся слезы.

Травматолог Баналог сидел привязанный к стулу. Ему удалось развернуться так, что можно было наблюдать, как за окном падает снег.

«Если Вселенная действительно так гармонично устроена, как показали многочисленные исследования, — размышлял он, — тогда насколько же важна каждая раса как часть всеобщего равновесия? Я имею в виду галактическую расу существ разумных. Одну из одиннадцати нам известных. Такую, как люди или наоли. Что будет, если полностью истребить людей? Ничего не будет? В таком случае мы слишком высокого мнения о себе самих. Не вернется ли это впоследствии снежным комом? Многое ли изменится, если исчезнут люди? Не будет ли этот снежный ком нарастать и нарастать из года в год, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие, а затем вернется и обрушится на самих наоли? Не обрекаем ли мы себя в конце концов на верную смерть, на проклятие? Возможно, мы просто выиграли какое-то время перед тем, как столкнуться с фактом своего собственного заката?»

Если бы сладкий наркотик не оказывал своего пагубного воздействия, доктор, пожалуй, поразмышлял бы об этом еще. Снег за окном становился розово-желтым.

Перед глазами поплыли какие-то лица.

Хьюланн...

Человеческий детеныш...

Это было так приятно. Баналог смотрел на них, отдавая себя во власть нереальности...

Охотник спит. Спит таким мертвым сном, каким спят только наоли. Он еще не знает, что скоро придет время выслеживать дичь.

В этот раз его добычей станет ящероподобный, а не человек. Такого он еще не делал. Ему понравится. Все в Охотнике было создано, чтобы разрушать. Он страстно желал снова оказаться среди себе подобных, сжимая в руках священный меч правосудия. Скоро он получит эту возможность.

А пока он спит...

Лео надолго затих, наблюдая за тем, как «дворники» расталкивают в стороны налипающий на стекло снег. Наконец он повернулся к Хьюланну и спросил:

— Куда мы летим?

— Я уже говорил тебе. Подальше от города.

— И мы останемся там на десять лет? Мы должны точно знать, куда едем.

— У нас нет цели.

Лео немного подумал и произнес:

— Убежище.

Хьюланн смотрел по сторонам и чувствовал, что теряет контроль над управлением машины. Он направил ее ближе к дороге и только тогда снова заговорил, не поворачивая головы и пристально глядя вперед:

— Маловероятно, что такое место вообще существует. Может быть, это просто миф. Допустим, где-то и есть заповедник для оставшихся в живых людей, до которых мы еще не добрались. Скорее всего, его местонахождение держится под строжайшим секретом.

— Убежище существует, — заверил его Лео. — Я слышал, как об этом говорили в последние дни сопротивления. Тогда по всему городу разыскивались некоторые лидеры и лучшие специалисты, чтобы спрятать их там.

— Ты знаешь, где это?

— Не совсем.

— Так что же это — ваше Убежище?

Лео со скрипом раскачивался из стороны в сторону в углу кабины между сиденьем и дверью. Он занимался тем, что играл с отверстием в сиденье, которое позволяет хвосту наоли свободно свисать на пол.

— Ну, я думаю, что это где-то на побережье. На Западном побережье. Вдоль Тихого океана.

— Побережье Тихого океана, знаешь ли, большое.

— Но мы знаем, откуда начинать поиски.

— Что говорить о поисках, когда мы даже не уверены, доберемся ли туда. И как не наткнуться на наоли по пути к этому побережью? Ведь нам придется пересечь всю страну.

Лео, казалось, мало волновали эти непреодолимые препятствия.

— Доберемся как-нибудь. Ты же наоли. Если придется, ты сможешь обмануть кого угодно.

— Вряд ли.

— Но если мы останемся здесь надолго, нас поймают. Нас обязательно поймают. Ты и сам это знаешь.

Хьюланн после некоторого колебания подтвердил:

— Знаю.

— И что тогда?

— А если меня не примут в твоем Убежище? Что мне делать?

Самым страшным для Хьюланна сейчас было остаться одному. Он не мог это сказать, но сама мысль об одиночестве приводила его в состояние шока. Предатель, убийца, без друзей, в чужом мире, стать частью которого не было никакой надежды.

— Я поговорю с ними. Ты другой, Хьюланн. Не такой, как все наоли. И я заставлю их поверить в это.

— Если так...
— Пожалуйста, Хьюланн. Я снова хочу оказаться со своими.

Хьюланн хорошо понимал желание Лео.

— Ну хорошо, — сдался он.

Они летели, ориентируясь по указателям автострады, в конечном счете направляясь на запад через огромный Североамериканский континент. За весь остаток ночи им не встретилась ни одна машина. Укачиваемый однобразным шумом работающего мотора, Лео снова заснул крепким сном.

Глава 4

Чисто машинально управляя вездеходом, Хьюланн дал волю своим мыслям, которые стремительно уносили его в прошлое. Казалось, что сейчас только сплошной поток воспоминаний мог хоть как-то ослабить охватившую его депрессию. Так что он приподнял монолит прошлого и начал восстанавливать события давно минувших дней, подвергая их тщательному анализу.

Первого представителя человеческой расы он встретил на борту наольского корабля «Тагаса», входившего в собственный флот центрального правительства. Хьюланн считался гостем правительства, так как писал тогда историю развития миров Галактики. «Тагаса» дер-

жал путь от своей родной планеты к планетам-колониям системы Нуцио. Многочисленные предания о покорении этих планет предоставляемые ценный материал для приключенческих романов. Хьюланн сразу же ухватился за столь редкую возможность оказаться среди тех, кто первым начнет здесь исследования.

«Тагаса» остановился в порту планеты Дала. Это был мир, в котором существовали только растения и отсутствовали какие-либо представители животного мира. После того как Хьюланн провел целый день в близлежащих джунглях, он вернулся в свою каюту совершенно ошарашенный. Он увидел змееподобные виноградные лозы; мясистые и лоснящиеся, они скользили по стволам деревьев, причудливо переплетаясь между собой. Таким образом они опыляли цветы, растущие на коре огромных сосен. Хьюланн наблюдал, как некоторые виды поедают другие. Какое-то растение весьма невежливо плонуло ему на палец, когда он попытался засунуть руку в одно из его мягких отверстий. Еще его поразило, как некоторые растения дышат, используя для этого свои цветы в форме мешков, похожих на легкие. Они выдыхали углекислый газ для поддержания непрерывности цикла, берущего свое начало на заре эры жизни.

— Невероятно древняя культура, — сообщил проводник, — которая и завела растительную жизнь так далеко.

— Здесь совсем нет животных? — недоверчиво поинтересовался Хьюланн.

— Ни одного. Наши, правда, обнаружили несколько насекомых — микроскопических клещей, живущих между первым и вторым слоем коры красноверхушечных сосен.

— А...

— Но то, что это настоящие насекомые, — под вопросом. Ребята из лаборатории обнаружили в них присутствие хлорофилла.

— Вы хотите сказать...

— Тоже растения. Но выглядят совсем как насекомые. Довольно активные. Обеспечивают свое развитие, высасывая питательные вещества из других растений. Передвигаются подобно животным.

Проводник — довольно пожилой наоли с весьма интересным украшением на шее (это было деревянное ожерелье с радужным камнем) — показал Хьюланну еще очень многое. Быстрый папоротник, например. Маленькие, причудливой формы зеленые существа собирались в пышные дрожащие купы. Если на них слегка подуть, они начинали беспокойно шевелиться. Быстрый папоротник устилал лес сплошным зеленым ковром. Он рос прямо на глазах у Хьюланна, выбрасывая крошечные побеги, раскидывая во все стороны листья, по форме напоминающие птичьи перья. Затем папоротник приобретал бурый оттенок, после чего чернел, засыхал и выбрасывал многочис-

ленные споры, чтобы вскорости умереть. В месте, где совсем не водилось животных и потому почва не удобрялась продуктами их жизнедеятельности, где не образовывался перегной за счет разложения трупов, растениям приходилось рассчитывать только на собственную смерть, чтобы дать возможность своему виду развиваться дальше. Но возрождаться в таком количестве! Хьюланна поразило, как такие крошечные существа образовывали столь богатое сообщество, — растениям требовалось много удобрений. Вполне естественно, что период жизни Быстрого папоротника, начиная от прорастания спор и заканчивая смертью самого растения после того, как появлялись новые споры, составлял четырнадцать минут. И все повторялось снова. К концу лета на Дале лесную землю покрывал пятифутовый слой черного органического материала. До начала следующей весны вся эта масса перегнивала и исчезала, а Быстрый папоротник по-новому начинал свою работу.

— Совсем нет животных, — повторял Хьюланн слова проводника, завороженно глядя на эти простейшие, но столь удивительные растения.

— Сейчас нет, — поправил его проводник, довольно рассмеявшись.

— О чём это вы?

— Я сказал, сейчас нет. Но когда-то были.

— Как вы это узнали?

— Мы нашли окаменелые останки животных, — сообщил проводник, ощупывая пальцем камень, свисавший с морщинистой шеи. — Причем тысячи. Хотя ни одно из них нельзя отнести к мыслящим существам. Крайне примитивные животные. Несколько мелких динозавров.

— И что же с ними случилось? — спросил Хьюланн, крайне увлеченный предметом разговора.

Старик махнул рукой по направлению к джунглям:

— Растения с ними случились. Вот что. Просто растения развивались немного быстрее. Полагаю, что животные в этом отношении оказались слишком медлительны. Когда на сцену вышли подвижные растения, они начали поедать живую плоть.

Хьюланна передернуло.

Ему показалось, будто смыкавшийся над головой лес являл собой не просто сообщество радующих глаз деревьев. Постепенно он приобретал формы чего-то зловещего и разумного. По пути на борт корабля Хьюланн несколько успокоился. Он даже остановился и упрекнул себя за эти юношеские предрассудки. И заявил:

— Но сейчас растения на планете Дала подчинены животным. Нам.

— Не будьте так уверены, — одернул его проводник. Он ткнул пальцем в радужный ка-

мень. Тепло его руки заставило черно-зеленый самоцвет запульсировать — камень увеличивался и уменьшался в зависимости от температуры.

— О чём это вы?

— Растения тоже пытаются к нам приспособиться. Своебразный способ охоты, конечная цель которой — полное истребление животных.

Хьюланна охватила дрожь.

— Сейчас вы говорите о тех предрассудках, за которые я только что перестал себя ругать.

— Это не предрассудки. Пару лет назад здесь появился так называемый Бетонный дикий виноград.

— И он...

— Вот именно. Питается бетоном. Как-то рухнула одна из стен центрального административного здания. Погибло около сотни наоли. Крыша провалилась под давлением этих растений. А чуть позже обнаружили одну забавную штучку, которой и оказались эти виноградные лозы, пришедшие со стороны лесов. Толщиной с кончик вашего хвоста. Они-то и продырявили стену. Причём они сначала укоренились под землей, а затем начали прорастать сквозь бетон, выедая стену изнутри и таким образом ослабляя ее. После нескольких таких случаев мы начали использовать в строительстве пластик и пластиковые металлы. — Проводник за-смеялся сухим старческим смехом, больше по-

хожим на кашель. — Полагаю, скоро появятся так называемые Пластиковые виноградные лозы. У джунглей достаточно времени, чтобы выработать и такую трансформацию.

Хьюланн вернулся на «Тагасу», грустно размышляя о создании научно-фантастической книги. Он собирался написать о том, что может произойти на Дале, когда растения наконец предпримут успешную в конечном итоге атаку против наольских колонистов. Впоследствии книга имела огромный успех у критиков, а также принесла Хьюланну большие деньги. Было продано около двадцати одного миллиона картриджей. Спустя пятьдесят шесть лет после публикации растения на Дале подняли восстание и одержали победу.

Так вот, когда после проведенного с проводником дня Хьюланн записывал на ленту свои заметки, из отсека капитана поступило неожиданное сообщение. Оно носило личный характер, поэтому Хьюланн не захотел отсылать его в Фазисную систему. Это была простая просьба прийти на встречу с несколькими людьми — они прилетели на Далу, чтобы заключить несколько торговых контрактов. Капитан пригласил их на борт своего корабля.

Хьюланн, который видел в своей жизни только семь из одиннадцати известных рас (некоторые существовали совершенно изолированно) и никогда не встречал до этого ни единого человека, с удовольствием откликнулся на

приглашение капитана. Это было больше чем просто желание. Люди представляли собой новое явление для многих миров, так как пришли в галактическое сообщество только двадцать лет назад.

Он отправился в отсек капитана крайне возбужденный — не в состоянии контролировать ни расширяющиеся от волнения первичные ноздри, ни легкое подергивание внутренних век. В конце встречи он вернулся в каюту разочарованный и немного напуганный.

Люди оказались холодными, рациональными существами, которые, по-видимому, уделяли крайне мало времени развлечениям. Они старательно жестикулировали, подражая наоли, и вели обычную в таких случаях беседу на ломаном наольском, чтобы выразить свое стремление к сотрудничеству. Но все приятное на этом заканчивалось. Люди постоянно направляли разговор только на деловые темы, если вдруг наоли отклонялись от интересующего людей разговора. Они только улыбались и никогда не смеялись. Возможно, это их последнее качество и делало людей такими ужасными. Когда жесткие натянутые усмешки играли на их лицах, Хьюланн задавал себе вопрос: что же скрывается за этим фасадом?

Поначалу сложность восприятия людей расценивалась вполне нормально. Ни одну из рас нельзя понять так просто и сразу. Обычно уходило около пятидесяти лет, чтобы наладить

культурные связи, начать плодотворные отношения и повседневное общение. Наоли полагали, что и с людьми уйдет столько же времени.

Прошли первые пятьдесят лет. Люди проникли в глубь Галактики, рассеиваясь по ней и основывая колонии на незанятых планетах (только наоли, глиммы, сардонии и джекстеры хотели занимать кислородоуглеродные планеты; остальные же расы рассматривали их в лучшем случае нежелательными для поселения, а в худшем — вообще непригодными для жизни).

По мнению наоли, заселение людьми планет Галактики происходило очень медленно, но те говорили, что у них свой метод освоения космоса. Так люди не совсем в вежливой форме просили не совать других свой нос в чужие дела.

Прошло еще пятьдесят лет, а люди, по мнению наоли (да и других рас тоже), оставались такими же замкнутыми, холодными и недружелюбными, как и прежде. Именно в этот период в отношениях между людьми и наоли и появились первые трещинки — конфликты вспыхивали по поводу способов ведения торговли, требований, предъявляемых колониям, а также из-за множества других более незначительных проблем. И ни в одном случае наоли и люди не смогли прийти к обоюдному соглашению. Люди начали применять силу. В гла-

зах наоли этот путь разрешения спорных вопросов был самым неприемлемым.

В конечном счете — война.

Не было необходимости убеждать Хьюланна, что война явилась единственным средством для выживания самих наоли. Он всегда носил в памяти воспоминания о людях на «Тагасе»: странные, волосатые создания с блуждающим взглядом на спокойных торжественных лицах, что так не сочеталось с практичным и злым содержанием их черепов.

Как это было давно.

А Хьюланн был Здесь и Сейчас. И рядом с ним спящий Лео. Почему этот мальчик не такой, как все остальные люди? Почему он такой понятный и доступный? Это был первый случай, насколько знал Хьюланн, тесного общения наоли и людей за все сто восемьдесят лет контакта рас. Его устоявшиеся представления о людях теперь потеряли всякий смысл — ведь они были рядом: он и мальчик.

Хьюланн резко оборвал поток мыслей. Они снова и снова уносили его к событиям последних двух дней, а ему не хотелось еще раз испытать чувство беспокойства из-за того, что произошло.

Он прищурился и всмотрелся сквозь мокрое стекло на дорогу и поля вокруг. Снег повалил еще сильнее, чем тогда, когда они покидали Бостон. Высокие, почти непроходимые завалы

замерзших водяных крупинок по обе стороны дороги заставляли врезаться в них, поднимая за собой белые вихри. Указатели вдоль дороги в некоторых местах снесло ветром. Лишь кое-где еще выглядывали оранжевые фосфоресцирующие колпаки. На щитки с указанием направления налип снег, и надписи практически невозможно было разобрать.

Если порывы ветра усилиятся, а дорогу полностью занесет сугробами, они завязнут. Их машина могла двигаться по снегу, только если он достаточно легок, когда его можно сдувать в стороны, чтобы обеспечить двигателям свободное пространство. Тяжелые же сугробы спешились в твердые бугры, что неизбежно должно было привести к беде.

И возле Уоррена, в провинции людей под названием Пенсильвания, когда они летели со скоростью сто девяносто миль в час по направлению к Огайо, несчастье не заставило себя долго ждать.

Хьюланн вглядывался в белую мглу, уделяя особое внимание автостраде, чтобы хоть как-то отвлечься от неприятных мыслей. И только его повышенное внимание спасло им жизнь. Расслабься он хоть на немного, и не заметил бы слабое свечение впереди.

А так сквозь редкие просветы снежной завесы Хьюланн разглядел-таки мутное зеленое мерцание, которое вскоре обернулось сверкающей рябью изумрудно-огненного озера.

Он резко ударил по тормозам, одновременно сражаясь с рулем, чтобы удержать машину от заноса на обочину или еще дальше.

Лопасти винтов жалобно завизжали и заскрипели, как будто вгрызались в металл. Вездеход как будто налетел на что-то, вздрогнул и развернулся задом наперед. Какое-то время их сносило спиной по направлению к мерцающему зеленому огню, но резкий поворот руля заставил вездеход вернуться к нормальному положению.

Хьюланну удалось справиться с машиной.

Спидометр показывал пятьдесят миль в час. Край гигантской воронки находился от них на расстоянии всего нескольких сотен ярдов. Хьюланн увидел огромную черную впадину, над поверхностью которой дрожали и взрывались разряды, порождаемые неведомой энергией.

Он нажал педаль тормоза до отказа и давил на нее как сумасшедший. Мотор заглох. Лопасти винтов с лязгом остановились. Хьюланн успел пристегнуться ремнями безопасности, чтобы избежать травмы.

От сильного удара слетел резиновый обод вездехода. Лишившись спасительной воздушной подушки, машина встала на дыбы, подпрыгнула и тяжело шлепнулась вниз. Хьюланна бросило вперед с такой силой, что у него перехватило дыхание, когда он ударился грудью о приборы.

Не успел он опомниться, как вездеход за скользил по дороге. Машина билась в конвульсиях, болтаясь на соскочившем резиновом воздушном фартуке. Хьюланн ошарашенно смотрел, как тот, свободно покрутившись в воздухе подобно змеевидной спирали, отлетел назад. Ничем не прикрытый металл днища машины слегка коснулся земли, высекая желтые и голубые искры.

Вездеход наклонился, затем выровнялся, покачиваясь из стороны в сторону, и в конце концов остановился.

Хьюланн сидел, склонив голову на руль, тяжело хватая ртом воздух, пока не почувствовал облегчение в груди. Здесь, наверное, был самый грязный и тяжелый воздух во всей Галактике, но сейчас он казался Хьюланну самым настоящим сокровищем. Соскользни они еще футов пятнадцать, и ему не пришлось бы вздохнуть больше ни разу — по краям воронки, совсем рядом, зловеще вспыхивали изумрудные молнии.

— Мы чуть не упали туда, — прошептал Лео из своего закутка напротив задней двери. — Так близко...

Хьюланн выпрямился:

— Очень близко. Возможно, ты даже и не подозреваешь, как близко.

Мальчик потянулся вперед и пристально всмотрелся через окно. Его взгляду открылось ошеломляющее зрелище — воронка, на

поверхности которой угрожающе вспыхивали зеленые огни. Некоторое время Лео завороженно наблюдал эту картину, пока наконец не спросил:

— Что это?

— Пошли, — вздохнул Хьюланн. — Я покажу тебе.

Они вылезли из машины, придавленные тяжестью зимней ночи. Вернее, уже зимнего утра. Лео, следуя за наоли, подошел к краю воронки и остановился, всматриваясь в бесконечность зеленого сияния.

— Что это было? Что здесь взорвалось?

— Это одна из разновидностей нашего оружия, — объяснил Хьюланн. — Но это не то, что вы называете взрывом.

Лео шагнул ближе к воронке, вытянув вперед голову, и откинул назад светлые волосы.

— Что там шумит?

Слышалось слабое шипение, прерываемое время от времени глухим звуком, похожим на рычание действующего вулкана.

— Это работает незнакомое для вас средство уничтожения, — пояснил Хьюланн. — Не совсем бомба. Вернее, не то, что вы называете бомбой. Вдоль ваших Великих Озер в начале войны тянулся обширный комплекс заводов, роботофабрик, производящих большое количество материалов, необходимых для ведения галактической войны. Железная руда добывалась не только из глубин вашей планеты, но также

привозилась с вашей Луны, с астероидных потоков вашей Солнечной системы. Это был грандиозный комплекс. И самый простой способ избавиться от него — это сбросить несколько канистр перерабатывающих биоснарядов.

— Не понимаю, — пробормотал Лео. — Нам ничего не говорили о том, что основные производственные центры на Озерах давно разбиты.

— Только семь лет назад. Это был заключительный удар, в противном случае мы еще на долго задержались бы на этой планете.

Непрерывные вспышки зеленого огня, погрывающие над поверхностью воронки, то поднимались вверх, то снова исчезали в бездне. Они описывали в воздухе зигзагообразные пирамиды, взрывались как шар горящего газа. Внимание Хьюланна и Лео на некоторое время было приковано к особенно ярким вспышкам с примесью пурпурного оттенка.

— Перерабатывающие биоснаряды, — продолжал Хьюланн, — содержат одну из самых вирулентных жизнеформ, известных во Вселенной. Эти бактерии обладают способностью нападать на определенный вид материи и перерабатывать ее в энергию. В лабораториях были разработаны различные штаммы этих бактерий, некоторые из них атакуют нелетучие полимеры, другие перерабатывают только железо или кальций, свинец и так далее. Мы

изобрели бактерии, помогающие расщеплять и перерабатывать в энергию практически все известные науке элементы.

— А свист...

— В состав сброшенных во время атаки конверсирующих бомб вошли только те штаммы, которые способны воздействовать на элементы, входящие в состав ваших основных зданий и почвы на поверхности Земли. Эти бактерии преобразуют все, что встречается им на пути, превращая все это в медленно текущую форму энергии. Причем это получается намного лучше, чем при атомном взрыве. В конце концов бактерии пожирают все, что только можно поглотить и переработать внизу, а также вверху, пока не достигают воды или какого-либо другого «неудобоваримого барьера».

— А этот зеленый свет только результат? — спросил Лео, отступая от края ямы, к которому незаметно для себя подошел слишком близко.

— Нет. Зеленый свет выделяющейся энергии — это только то, что мы можем видеть. Вне пределов диапазона твоего слухового восприятия, да и моего тоже, выделяется огромное количество звуковой энергии. Помимо этого, существует еще одна разновидность энергии, которую поглощают сами бактерии и которая необходима им для процесса конверсии и репродуцирования при условиях, выработанных для них в лаборатории.

— И это будет продолжаться до тех пор, пока здесь вообще ничего не останется?

— Нет. Мы не хотим разрушить весь этот мир. Через несколько дней сюда прибудет специальная бригада наоли, чтобы остановить расширение воронки и уничтожить бактерии.

— Но все равно они останутся в воздухе, — запротестовал Лео.

— Нет. Это было предусмотрено еще при их создании. Бактерии были выведены так, что связываются с любыми элементарными молекулами, на которые нападают. Действительно, порыв ветра может перенести на большое расстояние целые соединения железистых микроэлементов, а вместе с ними и железопоедающие бактерии. Но если бактерия не находит в течение какого-то времени какое-либо из этих «горячих» образований, чтобы уцепиться за него, она погибает. Существует множество встроенных для этого предохранителей.

— А почему для взрыва Озерных комплексов не использовали ядерное оружие?

Хьюланн мотнул головой:

— Ядерный взрыв не разрушит далеко спрятанные подземные предприятия. А бактерии — могут. Они проникают в почву, укрывающую эти объекты, а затем конвертируют структуру материалов, из которых сделаны установки.

Они смотрели на яму и на то, как на ее поверхности появлялись сверкающие языки зеле-

ного пламени. Время от времени их окатывали волны тепла, теперь было понятно, почему снег по краям воронки постоянно таял. Когда они напрягали слух, то до их ушей доносились звуки конверсируемой энергии, уносящейся за пределы восприятия.

— У нас не было никакой возможности победить вас, — наконец вымолвил Лео. Все вокруг светилось зеленым сиянием, отчего их лица выглядели пятнистыми.

— Никакой, — согласился Хьюланн.

Лео направился к машине. Хьюланн последовал за ним.

— Она взлетит? — спросил Лео.

Хьюланн склонился и осмотрел дно машины. От тяжелой резиновой прокладки не осталось и следа. Металлическая рама была повреждена в некоторых местах, но не так сильно, чтобы задевать лопасти винта, если от того хоть что-нибудь еще осталось. Он оглянулся на заснеженную трассу, но не увидел ни одного темного пятна, которым могли оказаться детали или роторы.

— Посмотрим, — сказал он.

Мотор закашлялся, захрипел, но завелся. Они приподнялись, прислушиваясь к работе винтов, хотя их и беспокоило легкое дрожание металлической рамы.

— Заработало, — обрадовался Хьюланн, — но куда же мы поедем? Как видишь, дорога кончилась.

— По меридиану, — предложил Лео. — Мы вернемся назад и попробуем обогнать кратер по объездным дорогам. Возможно, нам удастся выехать на хорошую трассу.

Хьюланн развернул вездеход вокруг какого-то бетонного возвышения в центре трассы и полетел назад, всматриваясь в белую пелену, надеясь найти хоть какие-нибудь признаки другой дороги, которая поведет их на Запад.

*Охотник скоро очнется ото сна.
Он возвысится и облачится в одежды славы.
Охотник выследит жертву.
Он никогда не знал поражения.
Он был рожден, чтобы охотиться. А добыча
родилась, чтобы припасть к его ногам.*

Следуя в объезд, они потеряли гораздо больше времени, чем если бы ехали по главной трассе, где укатанная поверхность была твердой и гладкой. Здесь же дороги были построены для транспорта на колесах, поэтому они были очень неровными и мало годились для их машины. Кроме того, они направлялись в горы в том районе Пенсильвании, где погода была еще более неблагоприятной.

Ветер оставил на вездеходе несколько зазубрин и сильно колотил по и без того потрепанной машине до тех пор, пока дрожь раненого

механического зверя не стала такой яростной, что два иллюминатора сзади, возле багажного отсека, разлетелись вдребезги. Стекло рассыпалось по всей кабине. Один осколок попал Лео в щеку — до крови. Другой угодил в тело Хьюланна, но не слишком глубоко, поэтому не причинил ему боли и не вызвал кровотечения.

Хьюланн старался удерживать количество оборотов винтового двигателя на низком уровне, чтобы держаться дороги, а также чтобы машину не уносило порывами ветра, которые были очень сильными даже на несколько футов выше. Когда их машина неожиданно взмывала вверх, Лео, волосы которого становились дыбом, внимательно наблюдал за тем, как Хьюланн борется со стихией. Наоли увеличивал скорость роторов и облетал опасные места сверху. Все это позволяло ему хоть как-то держаться курса.

А снег все не прекращался. Даже на самых мелких местах слой был не меньше шести дюймов, а сплошная облачность отнюдь не обещала, что конец всему этому наступит в ближайшее время. Пронизывающий ветер, который задувал в разбитый иллюминатор, высасывал все тепло из кабины. Падая на окаменевшую землю, снег забивал снежной пылью все углки и щели. Неподвижные снежинки начинали плясать сверкающими искрами, попадая в поток воздуха от работающих винтов. Но нанесенные ветром сугробы были тверды как лед и

никак не хотели пропускать машину, доставляя Хьюланну массу хлопот.

— Сколько, интересно, здесь снега? — спросил наオリ Лео, когда они облетали гору, в которой, очевидно, где-то был пробит тоннель.

Лео удивленно ответил:

— Может, фут, а то и два. Это нормально.
— Два фута?
— Запросто.
— Невероятно!
— У вас что там, на вашей планете, не бывает снега?

— Не так много!
— Подожди еще, — хмыкнул мальчик, усмехаясь.

Он подождал.

А снег все шел и шел. Сугробы. Метель. Не в силах сопротивляться, вездеход замедлял и замедлял ход, пока почти совсем не остановился. От бессилия Хьюланна охватила злоба: они ползли со скоростью всего десять миль в час. А за ними наверняка уже гонятся! Но Хьюланн прекрасно понимал, что их преследователи тоже погрязнут в сугробах и сбавят скорость. Это служило единственным утешением, но и оно вскорости рухнуло: Охотник — спустят ли на них Охотника? Похоже, что так оно и будет, хотя ситуация и вправду казалась уникальной в своем роде. Охотник дождется конца снегопада и появится на вертолете.

У вершины горы они сделали поворот и неожиданно столкнулись со снежным завалом высотой около четырех футов, который перегородил дорогу. Слева зияла пропасть. Хьюланн нажал на тормоз, но слишком поздно. Машина врезалась в плотную белую стену на скорости семь миль в час и невольно вонзилась в сугроб на несколько футов.

— Застряли, — сообщил Лео со знанием дела.

— Копать у нас нечем. Придется маневрировать.

Лео пристегнул ремни, уперся ногами в приборную доску и откинулся на спинку сиденья.

Хьюланн засмеялся.

— Готов! — доложил Лео.

Хьюланн включил мотор на полную мощность и дал задний ход. Машина закачалась и накренилась. Вездеход содрогнулся, но остался на месте, зажатый в снежных тисках. Хьюланн надавил на педаль акселератора до упора. Лопасти винтов бешено перемалывали снег в носовой части, но, казалось, это ничуть не помогало им освободиться от белого плена, а как раз наоборот.

Хьюланн ослабил нажим на педаль, пока винты не начали вращаться свободно, затем резко надавил снова. Вездеход встал на дыбы, как ретивое животное, и снова заерзал в непокорной белой трясине. Хьюланн отпустил

педаль, затем опять надавил. Машину подбросило, и она начала скатываться назад, скользя на обочину по направлению к ограждениям и длинным мертвым насыпям.

Хьюланн отпустил педаль, но в этот раз слишком быстро: мотор заглох, лопасти винтов замерли, и управлять машиной стало невозможно.

Они врезались в барьер ограждения, подпрыгнули и перелетели через него.

На какой-то головокружительный миг машина зависла над бездной, зацепившись за выступ. Их качало из стороны в сторону. Затем машина сорвалась вниз.

Стекла задрожали.

А они все катились и катились вниз...

Глава 5

До рассвета оставалось сто пять минут.

В городе, который назывался Атлантой в те времена, когда там жили люди, дававшие всему собственные имена, и который волей случая не был стерт с лица земли во время последней битвы, женщина по имени Сара Ларами пробиралась через завалы арматуры во дворе сталелитейного завода, прижимаясь к земле и стараясь иметь укрытие хотя бы с трех сторон. За ней гнался Охотник Релемар. Уже несколько дней. Она не знала, было ли слово «Охотник» его име-

нем или его звали Релемар среди подобных ему. Она знала только, что он был *не такой*, как остальные наоли.

Он передвигался крадучись, скрытно, как призрак. Спрятавшись на крыше бывшего супермаркета, она долго следила за тем, как он рыщет среди развалин. И иногда теряла преследователя из виду, несмотря на то что там, внизу, практически негде было спрятаться. Сара Ларами порадовалась, что это не она бегает там внизу. И вдруг поняла, почему до сих пор не потеряла его из виду. Охотник был не наоли. Не совсем наоли.

Он был кем-то или чем-то еще.

Специально выведенным животным.

Пока она так размышляла, скорчившись на крыше, Охотник неожиданно повернулся и внимательно посмотрел наверх, словно что-то подсказывало ему, где может быть жертва. Сара нырнула за парапет и затаилась. У нее тряслись руки, а в груди нарастал вопль ужаса, который она с трудом сдержала.

Время ползло.

Она осторожно выглянула из своего укрытия.

Охотник Релемар из Четвертой Дивизии оккупационных войск все еще стоял там, одетый в свои темные одежды, — единственный из наоли, кого она видела одетым, — и внимательно разглядывал темные здания вокруг, вслушиваясь, пытаясь ощутить ее присутствие.

Потом он двинулся с места и пересек площадь в сторону супермаркета.

...Долгий, громкий вопль, который положит конец этому ужасу, рвался из ее груди...

В последний момент он изменил направление пути и зашел в дверь соседнего здания.

Сара Ларами выдохнула и проглотила вопль. Затем поспешно спустилась вниз и бросилась прочь по улице, пока он не вышел из того здания.

И теперь, оказавшись на старом сталелитейном заводе, она пробиралась от станины к станине, пока не добралась до огромной цистерны, в которой решила заночевать. Она подошла в люку и попробовала открыть его, не производя особого шума. Тот скрипнул. Охотник Релемар чутко прислушивался к любым скрипам. Она пробралась внутрь и положила мешок с продуктами на металлическое дно. Маленький продуктовый магазинчик, на который ей посчастливилось наткнуться, когда-то торговал только фасованными деликатесами. Нельзя сказать, чтобы такая еда ей особенно нравилась, но теперь, когда от автоматических кухонь остались одни воспоминания, выбирать не приходилось.

Позади нее, в темноте цистерны, раздалось тихое поскребывание.

Крысы, подумала она. Скорее всего, они пробрались сюда через вход, на котором не было замков. Если бы цистерна была полно-

тью укомплектованной, ее уже давно бы опечатали. Сейчас крысы не беспокоили Сару так сильно, как раньше. Еще год назад она с пронзительным визгом убегала от них. Но теперь она уже научилась отбиваться от них. Конечно, не от мутантов, а от обыкновенных, дружелюбных, маленьких земных видов.

Она наклонилась, взяла в руки лампу и зажгла ее.

Цистерна заполнилась теплым мягким светом.

В поисках крысы она повернулась... и похолодела от ужаса. Лампа выпала у нее из рук и покатилась по полу, отбрасывая на стены танцующие тени, затем замерла и осталась лежать, даже не разбившись.

— Привет, — сказал Релемар-Охотник.

Он медленно приближался из дальнего конца цистерны.

Он улыбался. Или пытался улыбаться.

В этот раз подавить крик ей не удалось...

До рассвета оставалось девяносто четыре минуты.

Дэвид стоял в центре книжного магазина, рассматривая сотни картриджей. Время от времени он извлекал какой-нибудь со стеллажа, читал название и имя автора. Если что-либо его заинтриговывало, он вставлял слуховой аппарат в правое ухо (левое было повреждено), нажимал

кнопку на корпусе интересующего картриджа и прослушивал краткое содержание тома, а также несколько критических отзывов. Когда находка его устраивала, он бросал картридж в пластиковую сумку, которую держал в руках. И тут же принимался искать новое произведение, чтобы уравновесить по своей художественной ценности только что выбранное. Если он выбирал картридж с поэзией, то следующий выбор падал на приключенческие повести. Затем немногого публистики. Немного юмора. И какой-нибудь фундаментальный роман.

Дэвид был просто очарован. Здесь имелось все, что ему хотелось, — и задаром. Раньше с покупками такого рода у него возникали проблемы — потому что стоили хороших денег. Независимо от того, сколько он зарабатывал или отказывал себе в самом необходимом, он все равно не мог купить все, что хотел. Сейчас картриджи можно было брать бесплатно. Кто его остановит? Не владелец же. С ним давно уже покончено, а труп ликвидировали из соображений санитарных норм. Наоли очень щепетильны в таких делах.

Собрав все, что посчитал нужным (именно то, что его интересовало), он перекинул тяжелую сумку через плечо и вышел на улицу. Там Дэвид быстро направился к узким проулкам среди лабиринтов зданий. Такой маршрут как нельзя лучше годился для незаметного передвижения. Сейчас улицы практически ничем

не освещались, и глаза полицейских мониторов не имели возможности заметить его. Он пробирался по извилистым улочкам, вдыхая холодный воздух и наслаждаясь тем, как его дыхание на морозе превращается в пар, пока не достиг железнодорожной станции.

«Голубая стрела» поджидала хозяина на запасном пути, там, где Дэвид ее и оставил. Длинный, сверкающий и, как всегда, величественный поезд. Дэвид с восхищением осматривал его, мечтательно представляя себе предстоящее путешествие.

Лучшего способа пересечь континент не придумаешь. Такого роскошного средства передвижения он никогда не мог себе позволить. «Голубая стрела» была частным поездом — до войны, — и на ее создание ушли миллионы.

Он поднялся по ступенькам, толкнул ладонью дверь в кабину водителя. Светло-голубые и зеленые огоньки слабо мерцали на панели компьютера. Он перенес свои книги во второй вагон, служивший гостиной, и бросил сумку возле роскошного, обитого кожей кресла. Остальное пространство комнаты занимали продукты, необходимые в дороге.

Дэвид с одобрением кивнул, улыбнулся и вернулся в кабину, что-то насвистывая. Вытянувшись в удобном кресле у окна из органического стекла, он воспользовался моментом, чтобы насладиться бесшумной работой мощного двигателя.

Если бы все, что делали люди, отличалось выдержанностью и чистотой исполнения, подобно «Голубой стреле», то Земля никогда бы не потерпела поражения. Она бы просто не заслужила этого поражения.

Он снова посмотрел через окно на темный парк и на огни оккупированного города. Какими же все эти развалины казались жалкими и разбитыми по сравнению с «Голубой стрелой». Творение Человека Капитализма.

Капитализм был отличной системой до тех пор, пока человек пользовался ею. Но когда система развилась до такой степени, что стала управлять судьбой общества, а не наоборот — капитализм стал опасным. Подчинение интересам буйного роста капитализма привело к угрожающему загрязнению воздуха еще задолго до войны с наоли и послужило причиной кризиса перенаселения (по принципу: чем больше детей — тем больше покупателей). В первые дни войны никто не утруждал себя выяснением причин, по которым наоли захотели начать конфликт, потому как для ведения войны требовалось продукты производства. Игра шла под девизом: «Продай как можно больше товара».

Когда же стало ясно, что наоли побеждают, ненависть людей достигла таких размеров, что они уже и вовсе не желали садиться за стол переговоров. Бессмысленная война продолжалась — и вполне заслуженно была проиграна.

«Голубая стрела» была капиталистической игрушкой, которая доказывала, что система могла производить качественные вещи. Но человек, создавший «Голубую стрелу», был, на-верное, редкой пташкой: он правил своими деньгами, а не деньги им.

Дэвид развернул к себе пульт управления и посмотрел на клавиши. Немного подумав, он набрал:

«КАЛИФОРНИЯ. КРАТЧАЙШИЙ МАРШРУТ».

Компьютер издал булькающий звук, зажужжал и произвел три звуковых сигнала, после чего ответил:

«ЦЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕНА. МАРШРУТ НАМЕЧЕН. ПОДТВЕРДИТЕ КОМАНДУ».

Дэвид напечатал:

«ПОДТВЕРЖДАЮ».

«Голубая стрела» старательно набирала скорость, вырываясь за пределы темного железнодорожного парка, все быстрее и быстрее, пока не поплыла мимо пустого города, мягко скользя по гладким рельсам.

Дэвид едва справился с искушением дернуть за серебряный шнурок, чтобы свистящим гудком оповестить о своем отправлении. Ему очень хотелось остаться незамеченным.

И еще он просто разрывался между двумя желаниями. С одной стороны, его так и тянуло остаться созерцать вид из окна и наблюдать рассвет из водительского сиденья. А с другой — его ожидали картриджи. Решившись наконец, он вернулся в комнату, выбрал приключенческий роман и включил аппаратуру. Появились звук и изображение — звук глубоко раздавался в ушах, в то время как перед его глазами предстала вполне реальная картина описываемых событий. Каждый раз, когда эмоции переполняли парня, он, не в силах сдерживать себя, выключал звук и изображение и смотрел, как «Голубая стрела», слабо урча, катится по рельсам по направлению к Калифорнии и Убежищу...»

До рассвета оставалось сорок девять минут.

*Очень скоро Охотник поднимется.
И облачится в одежды Охотника.
И испросит благословения на святую месть...*

Глава 6

Сверхразуму Хьюланна пришлось ждать всего несколько мгновений, пока органический мозг вернется к жизни.

Когда Хьюланн полностью пришел в себя, он сразу же ощутил сильный холод. Если на-

оли воспринимает температуру воздуха вокруг так остро, значит, положение дел оставляет желать лучшего.

Что, впрочем, так и было.

При падении он вылетел из вездехода и скатился по склону заснеженной горы, ободрав до крови в нескольких местах свою грубую кожу. Сейчас он лежал в глубоком сугробе, который намело возле семи толстых сосен. Выглядывая из своей берлоги, он изучал стенки колодца, пробитого его телом. Тепло кожи наоли растопило белые кристаллы, но из-за сильного холода они снова замерзли. Хьюланна покрывала ледяная корка, которая то таяла, то снова замерзала. В местах разрыва кожа нестерпимо болела. Раны не кровоточили только потому, что кровь застыла на морозе.

Даже наоли не могут долго выжить в подобных условиях. Шатаясь, он приподнялся, затем выпрямился и изо всех сил рванулся вон из сугроба. Он стоял на морозном воздухе раннего утра, за полчаса до рассвета, пытаясь разглядеть в темноте хоть какие-то признаки Лео и вездехода.

Но ничего не увидел.

К тому же даже то, что он видел, периодически покрывала пелена клубов пара, извергаемых всеми четырьмя его ноздрями. Особенно нижними, которые брали на себя основную нагрузку при дыхании. Хьюланна это сильно раздражало (он не мог прикрыть вторичные

ноздри). А ведь ему нужно было сейчас действовать как можно быстрее и обдуманно.

Он поднял голову и начал осматривать гору, однако ее вершина была скрыта от глаз. Темнота и падающий снег ограничивали диапазон видимости на уровне тридцати футов.

Сколько же они летели с обрыва? В каком месте он вылетел из машины? Упал ли вездеход у подножия горы или завис где-то на полпути? Лео жив или мертв? Или умирает?

Хьюланн почувствовал, как его охватила паника после последних вопросов. Если Лео мертв или умирает, какая же у него теперь цель? Если Лео мертв и наоли не сможет помочь ему, тогда весь этот полет, все его преступление, с которого все началось, потеряли всякий смысл. Придется сдаться. Смысл утешен. Символ погиб.

— Лео! — громко позвал он, но слова унесло ветром, и они потонули в вое бушующей стихии.

Хьюланн развернулся, съежившись от встречного ветра, сложил у рта руки и позвал снова. Его ладони чуть приглушили крик, но они и помогли несколько ослабить рассеивание звука ветром. Хотя, если предположить, что Лео мертв или без сознания, толку от его криков не много.

Он стоял, широко расставив ноги, по колено в снегу, осматриваясь по сторонам, растерянный и испуганный. За все предыдущие по-

чи триста лет жизни он еще не оказывался в таком положении. Самые опасные ситуации пугали его не больше, чем крыса-мутант в подвале несколько дней назад. Да вдобавок ко всему, он находился сейчас в незнакомой стране, как в капкане, — без транспорта, полагаясь только на свои ноги, в то время как погода вокруг была до такой степени ужасной, что он не мог вспомнить что-либо подобное на своей родной планете. А где-то рядом был мальчик, возможно тяжело раненный, которого обязательно нужно найти. И даже если им удастся выбраться отсюда на дорогу, идти им будет некуда. У них нет друзей.

А ветер вокруг все кружил и кружил, задувая снег глубоко под чешуйки на его коже. В некоторых местах крошечные льдинки так и оставались там. Хьюланн стоял неподвижно, в то время как его глаза пытались различить какое-то слабое свечение вдали. Сейчас он больше напоминал статую, вылепленную сумасшедшим, чем кого-либо, хоть в какой-то мере наделенного разумом. Чужой среди чужого мира. Ему показалось, что даже ветер беснуется от одного лишь его присутствия, а снег падает только из-за того, что он просто стоит и всматривается в темноту.

Наконец он наугад пошел вправо. Ему подумалось, что это более подходящее направление, хотя и не было никаких признаков, по которым он мог это осознанно определить.

Хьюланн полагал, что машина при падении с горы должна была оставить след, и он надеялся, что наткнется на этот след, последует по нему и найдет вездеход или то, что от него осталось.

По мере того как он продвигался вперед, удары мягких молоточков ветра неустанно избивали его. Он мог идти только согнувшись, превратившись в таран, чтобы пробить себе дорогу сквозь сплошную снежную преграду, которую выстраивала на его пути стихия. Завывала выюга, охватывая его своим ледяным дыханием и унося во мглу. Он упорно пробирался к последней сосне, дальше деревьев не было.

Пройдя ярдов сто, он уже начал жалеть о таком выборе направления. К тому же он не обнаружил никаких признаков машины, только сплошное белое покрывало. Но его ведь не могло отбросить слишком далеко от машины. Хьюланн решил сделать еще двадцать агонизирующих шагов, после чего вернуться, чтобы поискать в другом месте. На семнадцатом шаге он оказался на краю обрыва.

Наоли чуть было не оступился. Когда он опускал ногу, то чувствовал, как носок провалился вперед, — явный признак пустоты. Очень осторожно он оттянул ногу назад и опустился на колени, глядываясь в неопределенную пелену снежной бури. Сосредоточившись, мало-помалу он начал различать очертания об-

рыва. Он не видел противоположного края. Тянулся обрыв на несколько сотен ярдов, но что там, на другом конце, и на каком расстоянии тот находится, определить не удалось.

Овраг был глубоким. Внизу проглядывали неясные острые очертания скал, то тут, то там выступавшие из-под белого покрываала.

Хьюланн поднялся и повернулся обратно. После ста новых шагов он увидел, что ветер уже стер его следы, и вынужден был полагаться только на немногие знакомые признаки в окружающей его пустыне, чтобы выбраться отсюда. И, даже ориентируясь по соснам, как по указателям, он два раза сбивался с пути. Он нашел сугроб, в котором очнулся, так как при падении оставил глубокую вмятину и ветер не успел замести ее снегом за прошедшие несколько минут. Здесь он прислонился на какое-то время к стволу дерева, пытаясь восстановить дыхание, силы и хоть немного потерянного тепла.

Он начал сдирать лед, покрывающий все его тело сплошной коркой, оставив нетронутыми только места суставов. Но вскоре бросил это бесполезное занятие, решив, что ледяной покров поможет сохранить плоть от жестокого ветра. Он не хотел думать о том, что мог бы избавиться ото льда, забрав тепло у своего организма.

После краткого трехминутного отдыха Хьюланн снова выпрямился, потянулся и отпра-

вился на осмотр еще неисследованных окрестностей слева. Сначала ветер дул со спины, и, казалось, он подталкивал Хьюланна, облегчая ему движение. Но вскоре эта иллюзия исчезла. Ветер обернулся огромным кулаком, безжалостно молотившим Хьюланна в спину, раскачивавшим его из стороны в сторону, чтобы бросить на землю и с воем закружиться над головой. Хьюланн насколько мог вжал свою продолговатую голову в плечи, хотя ледяной покров на затылке постоянно давал о себе знать.

В конце концов ему удалось различить на девственно чистой снежной мантии след вездехода, хотя снег уже начал заполнять его, а мощные удары ветра дополняли его работу, заметно сужая границы широкой полосы, оставленной машиной. Хьюланн посмотрел на верхушку горы. Интересно, как далеко отбросило Лео от машины? Наоли попытался вспомнить, как они падали, перелетев через обочину. Но все это было скрыто в полном тумане даже для его наблюдательного мозга. Ему оставалось только надеяться, что мальчик все еще находится в машине. И, зашагав по ее следу, он начал спуск, чтобы найти хоть что-нибудь.

Временами, когда путь становился слишком крутым, Хьюланн боялся оступиться и покатиться вниз, потеряв контроль над собой. В таких местах он становился на колени, переползая от одного ростка какого-нибудь кусти-

ка к другому, от одного выступа на скале к следующему. Здесь, наверное, машина зацепилась, а потом отлетела, продолжая скольжение.

Хьюланн нашел несколько искромсанных обломков.

Он прихватил с собой парочку и продолжал пробираться вперед, пока не понял, что это бессмысленно. Он откинул обломки в сторону, чтобы освободить руки.

Холодный воздух огнем жег легкие. В груди появилась какая-то странная боль, спазмы боли пронизывали весь торс с такой яростью, что это заставляло его останавливаться и скрежетать игловидными зубами так сильно, что на губах выступила кровь. Хьюланн понял, что нежные ткани легких обмраживались холодным зимним воздухом. Мягкая влажная внутренняя плоть твердела и трещала от такого испытания. Ему приходилось дышать чаще, неглубоко, чтобы воздух успевал хоть как-то согреваться по пути в легкие. Воздух с трудом проходил сквозь первичные ноздри, и Хьюланну пришлось напрячь мышцы первичной пары, чтобы протолкнуть блокирующий клапан дальше к пазухам носа.

Все вокруг стало загадочно серым. Приближался рассвет. Чуть позже наконец-то начало светать, и он различил впереди искореженный корпус машины.

Вездеход зацепился между двумя острыми скалами, которые возвышались подобно воро-

там в священную обитель. Сначала Хьюланн подумал, что кто-то нарочно установил здесь эти каменные монументы, но потом понял, что они были природными, хотя и очень странными образованиями. Машина висела на боку между двумя скалами, прижатая третьей, и была изуродована до неузнаваемости. Выбрав удобную позицию для наблюдения, Хьюланн смотрел на машину и видел только днище. Два ротора снесло, и все механизмы были оторваны. Да он и не ожидал увидеть машину в сохранности, чтобы продолжать на ней свое бегство. Хотя такая окончательная, полная смерть угнетала.

Хьюланн скатился по склону по направлению к машине и врезался в нее с задней стороны. Он ухватился за борт, тяжело дыша через вторичные ноздри. Когда он отышался, то осмотрел вездеход, отмечая выбоины и царапины, затем зашел со стороны водительской двери. Вторая дверь была прижата к земле.

Он ничего не видел внутри, в кабине для пассажиров царил густой мрак.

— Лео!

Ответа не последовало.

— Лео!

И снова тишина.

Хьюланн пролез, изворачиваясь, к двери, совсем обезумевший от горя. Чувство вины, которое только-только начало пропадать, вспыхнуло еще сильнее, чем до этого. Если

мальчик мертв, то это он, наоли, убил его. Да. Он. Потому что он был за рулем, потому что он был не достаточно внимателен, потому что он был наоли, а наоли всегда точно выполняют предписания, необходимые для успешного полета.

Дверь не поддавалась, зажатая изнутри изогнутыми и смещеными поврежденными частями. Машина лишь трещала по швам.

Хьюланн дергал дверь до изнеможения. Затем он снова позвал мальчика.

Тот не отвечал.

Он пытался уловить хоть какие-то признаки жизни в машине, но был оглушен бурей, усиливавшейся с каждой минутой. Ее завывания становились все более громкими и резкими.

Сделав еще несколько безуспешных попыток, Хьюланн осмотрел заднюю часть машины в поисках пролома в корпусе, чтобы пробраться внутрь. Он увидел, что ветровое стекло по всему периметру было разбито. По краям рамы осталось только несколько осколков. Он выбил их ладонью, затем, упервшись ногами о скалу и капот, пробрался в машину.

Лео, должно быть, отполз — или его отбросило — за сиденья в багажный отсек. Там осталось единственное безопасное место в тяжелой, искореженной машине. Хьюланн поднял вешмешок с ноги мальчика и перевернул его на спину.

— Лео, — позвал он мягко. Затем громче. Потом он уже кричал, хлопая ладонью по маленькому лицу.

Лицо мальчика оставалось мертвенно-бледным. Губы слегка посинели. Используя чувствительные подушечки на кончиках пальцев, Хьюланн ощупал кожу мальчика, чтобы определить температуру его тела, и установил, что она была ужасающе низкой. Он вспомнил, какая у людей низкая сопротивляемость к холоду. Двух часов на морозе было достаточно, чтобы причинить непоправимый вред их хрупкому организму.

Он порылся в вещмешке, вытащил мощный персональный обогреватель и нажал большим пальцем кнопки на гладком сером предмете, похожем больше на отполированный водой камень. И в ту же секунду почувствовал мощный поток тепла, которое даже ему было приятно. Он положил прибор возле мальчика и принял-ся ждать.

Через несколько минут снег, набившийся в машину, растаял и потек по наклонному полу, скапливаясь в углах. Синее лицо мальчика начало розоветь. Хьюланн посчитал, что самое время ввести стимулятор. Из разбросанных в мешке медикаментов он наполнил иглу сывороткой и ввел ее в пульсирующую вену на запястье мальчика, стараясь быть предельно осторожным, чтобы не причинить вреда, не рассчитав свои силы.

Мальчик зашевелился и вдруг вскочил как после ночных кошмаров. Хьюланн успокоил его, погладив по золотистой голове. Однако прошло еще десять минут после этих первых признаков возвращения Лео к жизни, когда мальчик осознанно открыл глаза. Они были налиты кровью.

— Привет, — сказал он Хьюланну. — Как холодно.

— Сейчас станет теплее.

Мальчик придвинул к обогревателю.

— Ты в порядке?

— Замерз.

— А кроме этого? Переломы? Раны?

— Не думаю.

Хьюланн прислонился к спинке пассажирского сиденья, а сам сидел на том, что должно было быть стеной. Он глубоко вдохнул через рот, почувствовал, что первичные ноздри все еще закрыты, и открыл их. Теплый воздух приятно разливался по легким.

Через некоторое время Лео встал, придерживая голову руками, и начал массировать виски.

— Нам нужно выбираться отсюда, — сказал Хьюланн. — За нами скоро пошлют. Нам нельзя терять ни минуты. К тому же наш единственный источник обогрева очень скоро выйдет из строя, если мы будем включать его на полную мощность. Нам нужно найти место, где укрыться и восстановить силы.

— Где?

— Выше в горах. Нет смысла спускаться вниз. Мы не знаем, есть ли там что-нибудь вообще. А наверху — дорога. Если мы выйдем на дорогу, следуя по дорожным ограничителям, то обязательно рано или поздно выйдем к какому-нибудь зданию.

Лео с сомнением покачал головой:

— Это очень высоко?

— Не очень, — солгал Хьюланн.

— Но я замерз. И устал. А еще я очень хочу есть.

— Мы используем обогреватель, — сказал Хьюланн. — И сейчас немного поедим перед дорогой. Тебе нужно как-нибудь справиться со слабостью. Мы должны спешить. Скоро пошлют Охотника.

— Охотника?

— Один из наших. Но не такой, как я. Он охотится.

Когда Лео заметил в глазах Хьюланна неподдельный ужас, он прекратил всякие пререкания. Наверное, существуют два вида наорли. С одними люди сражались — с такими, как Хьюланн. Хьюланн такой дружелюбный. А другие — охотятся. Может, это и объясняет, почему началась война. Но Хьюланн дал ему понять, что есть только один Охотник — или всего несколько. Тогда вообще непонятно, зачем эта война. Все это оставалось сплошной загадкой.

Хьюланн вытащил что-то напоминающее по составу пшеничный хлеб — хотя, подумал Лео, вкус несколько отличался, и в худшую сторону. Он не сказал этого вслух. Хьюланн гордился качеством продуктов, которые ему удалось раздобыть, и считал их некоторыми из немногих наольских деликатесов. В любом случае спорить с этим означало унизить его.

Они также съели несколько рыбных яиц, залитых кисло-сладким гелем. Это, отметил Лео, было действительно чем-то особенным. Он бы съел и больше, но Хьюланн указал на опасность того, что на переваривание пищи расходуется много тепла, и таким образом он потеряет тепло, необходимое для того, чтобы не умереть от холода. Поэтому было бы мудро использовать тепло более рационально.

После того как они закончили трапезу и по возможности согрелись, Хьюланн закрыл мешок и швырнул его в окно. Тот скатился по капоту и повис на скале. Затем наоли вылез сам, очутившись в снежном вихре, и вытянул Лео через разбитое окно. Они сползли на землю. Хьюланн подхватил сумку. Он поручил Лео нести обогреватель, не обращая внимания на протесты мальчика по поводу того, что наоли был абсолютно голым. Хьюланн пообещал, что будет периодически приближаться к Лео, чтобы ловить волны тепла.

Они направились вверх по склону горы. Несмотря на то что был уже день, видимость

улучшилась не намного. Они могли различать только расстояние в пределах тридцати шагов. Облака висели низко-низко и грозили оставаться в таком положении надолго. Но Хьюланн был доволен. По крайней мере, из-за темноты и сплошной стены из белых хлопьев Лео не сможет увидеть, как далеко от них вершина горы...

— Я пойду впереди и буду прокладывать дорогу, — сказал он Лео. — Держись ближе ко мне, шаг в шаг. Ползи, где я ползу, шагай, когда я встану. Договорились?

— Я могу выполнять приказы, — заявил мальчик высокомерно.

Хьюланн засмеялся, хлопнул Лео по плечу, повернулся и сделал первый шаг на пути к вершине...

...и одновременно с этим услышал первое слово тревоги по Фазисной системе.

Баналог напрягся всем телом, сидя на стуле, когда услышал, как в Фазисной системе прозвучали первые слова тревоги. Сладкий наркотик полностью прекратил свое действие еще час назад, но Баналог решил ждать по возможности дольше, перед тем как объявят тревогу и на поиски Хьюланна и мальчика выйдет Охотник. Сначала он подумал, что эта тревога касается не Хьюланна. Она исходила от женщины по имени Фиала, археолога и

весьма известного в технических кругах современного эссеиста. Но когда он убедился, после первых же слов сообщения, что Хьюланн и ее связал и заткнул рот кляпом, он не мог больше ждать. Он присоединил свой голос к ее голосу.

Спустя всего несколько мгновений после их сообщения в офисе появились наоли и отвязали его от стула, вытащили кляп. Один из военных офицеров, которого звали Зенолан, был очень большой, на фут выше Баналога, настоящий суперъяцер с головой в половину больше обычной. Он выхватил пустую иглу со следами наркотика из рук другого наоли.

— Сладкий наркотик? — спросил он Баналога, хотя это и так было ясно.

— Да.

— Когда?

— Вчера вечером, — солгал Баналог.

— Зачем он приходил сюда?

— Он приходил обследоваться.

Зенолан осмотрел свисавшее с потолка оборудование в приемной офиса:

— Обследование? Ночью?

— Был еще не поздний вечер, — пояснил Баналог. — А пришел он вечером потому, что забыл о назначенной встрече. Или он так сказал. Я часами пытался связаться с ним, чтобы напомнить. Но он не желал этого даже тогда. Пытался найти отговорки. Но я не принимал ни одну из них.

Врач посмотрел на Зенолана, пытаясь определить, какой эффект произвел на военного этот рассказ. Казалось, великан поверил.

— Продолжайте, — велел он.

— Затем он пришел сюда и попытался обвести машину вокруг пальца. Что конечно же невозможно.

— Конечно.

— Когда я раскрыл его секрет, — что он прячет мальчика, — он применил силу, ударил меня головой об пол, после чего я потерял сознание, не успев войти в контакт с системой.

— Вы уверены, что это произошло не раньше?

Баналог пришел в замешательство:

— Если бы это случилось раньше, наркотик уже давно бы прекратил свое действие и я бы вышел на контакт с Фазисной системой.

— Вот об этом я и говорю.

— Вы полагаете...

— Нет. — Зенолан мотнул огромной головой. — Забудьте об этом. Я просто не в себе.

Баналог фыркнул. Он знал, что лучше не переигрывать, изображая себя разгневанным. Преувеличенная ярость могла возбудить в них подозрение, будто он пытается что-то скрыть. Когда врач обдумывал свой следующий шаг, на столе зазвонил телефон. Интересно, подумал он, о чем же это частное сообщение, которое нельзя передать по Фазисной системе. Он взял трубку и услышал:

— Вы приедете ко мне через десять минут, — произнес вкрадчивый, холодный голос. — Мне нужно полное изложение вашей истории.

Это был Охотник Доканил.

Охотник Релемар вышел из цистерны в тысячу галлонов на территорию сталелитейного завода в городе, который когда-то назывался Атланта. Он вступил в контакт с Фазисной системой и проинформировал военное командование, которое руководило его действиями (и, естественно, любого, имеющего выход к зоне Атланты и системе Четвертой Дивизии), что выполнил задание. Затем он прервал контакт.

Он даже не оглянулся, чтобы посмотреть на то, что когда-то было Сарой Ларами.

Охотник засунул когтистые руки в карманы шинели и направился через двор к воротам.

В воздухе чувствовался легкий морозец, а он не мог ходить без одежды, как другие наоли.

Он был Охотником.

Он был другим.

Где-то в это время...

Фиала закончила подготовку необходимых документов, чтобы подать прошение на должность директора археологической бригады. Это назначение первой должна была получить она,

а не Хьюланн. А теперь не существовало больше никаких препятствий. Она не может не получить это место. Хьюланн и без ее помощи дал трещину. Сейчас она просто наслаждалась тем, что все произошло именно так.

Дэвид наслаждался рассветом из окна в кабине водителя в передней части мощного экспресса «Голубая стрела», в то время как поезд несся по двухмильному скату по направлению к равнине, где так легко набрать скорость. Это был самый красивый рассвет, когда-либо виденный им. Когда восхитительное зрелище закончилось и день вступил в свои права над миром, он решил немного вздремнуть в спальном вагоне.

Тело мертвого патрульного, погибшего под вездеходом Хьюланна, было накачено сладким наркотиком, завернуто в пурпурный саван, а затем сожжено...

Края воронки, где вели свою работу конверсирующие биоснаряды возле Великих Озер, продолжали расползаться, шипя и извергая сверкающий зеленый свет...

Глава 7

«Внимание!»

Сообщение обрушилось на Хьюланна с тяжестью огромного молота. Ощущение не было физическим. Оно ошарашило его сознание и

чувства. Наоли замер, продолжая принимать поступающие сигналы тревоги до тех пор, пока их не заменили официальные распоряжения и инструкции, следовать которым он не собирался. Толку от этого было бы мало или не было бы совсем.

— Что случилось? — спросил мальчик.

— Обнаружили, что меня нет, а также узнали почему.

— Как?

— Они нашли того травматолога, которого я связал, заткнув кляпом рот, и женщину, у которой я угнал вездеход.

— Но откуда тебе все это известно?

— Фазисная система.

Лео с недоумением посмотрел на Хьюланна и сморщился так, что его рот и глаза, казалось, сошлись к кончику носа.

— А что это такое?

— У вас этого нет. Только наоли обладают подобной системой, благодаря которой можно общаться, не разговаривая, следовательно, поддерживать связь друг с другом на любом расстоянии.

— Телепатия?

— Что-то вроде этого. Только все происходит механически. Когда ты становишься достаточно большим, чтобы покинуть питомник, в твою голову вживляют маленький прибор.

— Питомник?

— Возле каждого дома в определенном месте обязательно находится специальный питомник, где... — Хьюланн вдруг замолчал, прищурив большие глаза. — Забудь об этом. По крайней мере, сейчас. Все объяснить не так уж просто.

Лео пожал плечами.

— Возьмешь обогреватель? — спросил он.

— Пусть он побудет пока у тебя, — отказался Хьюланн, — нам нужно идти.

Едва он сказал это, как вдруг послышался грохот, раздавшийся где-то поблизости. Он был похож на металлический скрежет, после чего по всей округе разносилось гулкое эхо.

— Что это было? — настороженно поинтересовался Хьюланн.

— Кажется, где-то там. — Мальчик махнул рукой влево.

Грохот повторился, на этот раз не так сильно, хотя скрежет металла стал более отчетливым. Казалось, что столкнулись две какие-то железные громадины.

Хьюланн старался подавить в себе страх, утешаясь мыслью о том, что вряд ли Охотник мог оказаться здесь так быстро. Охотник мог получить сигнал тревоги не раньше, чем Хьюланн. Так что у них в запасе оставалось еще достаточно времени.

Он повернулся и направился в сторону раздававшихся ударов. Лео, не отставая, следовал за ним. Не прошли они и сорока футов, как вдали сквозь пелену снега показались неясные конту-

ры вышек, между которыми качался квадратный корпус вагончика.

— Канатная дорога, — с удивлением сказал Хьюланн больше себе, чем Лео.

Он был поражен этим зрелищем, хотя не раз уже слышал, что земляне строили эти сооружения там, где невозможно было установить лифт.

— Она должна куда-то вести, — предположил Лео. — Возможно, наверху поселок. Мы смогли бы там укрыться.

— Возможно, — безразлично произнес Хьюланн, приковав свой взор к качавшемуся желтому вагончику; его движения, если прищурить глаза, напоминали танец какой-то огромной желтой пчелы на ветру.

— Ты говорил, что нам надо торопиться... — Голос Лео прервал его наблюдения.

Хьюланн перевел взгляд на мальчика, затем вновь на вагончик, который все еще пошатывался на едва заметном канатном волоске, и произнес:

— Может быть, нам действительно лучше прокатиться, чем идти.

— Тогда нужно спуститься вниз, к тому месту, где можно сесть. Все же легче, чем подниматься вверх.

Неистовый ветер то завывал, то умолкал. Казалось, с еще большей силой, чем прежде, проносился он меж деревьев, безжалостно расстреливая их снежной дробью.

— Я думал, наш путь будет короче, — вздохнул Хьюланн.

— Ты что, тогда солгал мне? — удивился мальчик.

— Выходит, так.

Лео усмехнулся:

— Или ты сейчас лжешь, — наверное, ты просто хочешь прокатиться по этой дороге?

Знак стыда, свойственный наоли, проявился на лице Хьюланна. Мальчик вяло поковылял к ближайшей вышке.

— Хорошо, давай попробуем, — крикнул он, — хотя она может и не работать. Но ты все равно не успокоишься, пока сам не убедишься.

Приблизившись к покрытой ледяной коркой металлической глыбе, они посмотрели вверх на желтую пчелу, которая, казалось, поджидала их под небесами. Они невольно отпрянули, когда вагончик вновь ударился о корпус вышки, издав режущий слух металлический скрежет.

— Вон, смотри! — воскликнул Лео. — Нам не придется спускаться на самый низ.

В двухстах ярдах от них на середине горы располагалась промежуточная посадочная станция. Ее лестница обвивалась вокруг вышки, опираясь у самого верха на длинную сваю и выходя таким образом на платформу, которая служила для посадки и высадки пассажиров. Из-за снежной пелены все сооружение

приобретало какой-то призрачный вид и напоминало полуразрушенную башню замка, чудом уцелевшую со времен древней цивилизации.

Лео был уже в сорока футах от напарника; съежившись на ветру и бережно прижимая к груди обогреватель, он спускался по крутым склонам, рассекая ногами снег и поднимая клубы белой пыли. Хьюланн, сбросив оцепенение, последовал его примеру. Лео поджидал его у лестницы, пристально глядя на металлические ступеньки. Он облизал губы и прищурился. Что-то беспокоило его.

— Лед, — наконец произнес Лео.

— Что?

— Лестница покрыта льдом. За ней не ухаживали еще с войны, поэтому подниматься будет тяжело.

— Но здесь всего лишь тридцать ступенек, — возразил Хьюланн.

Мальчик засмеялся:

— Я и не говорил, что это невозможно. Давай попробуем. — И Лео ухватился за перила и начал подъем.

Они не преодолели и полпути, как он успел два раза поскользнуться, сильно ударяясь об обледеневший металл, а однажды чуть не завалился на спину. Если бы Хьюланн не оказался рядом, чтобы поддержать его, Лео давно бы уже валялся внизу с разбитой головой после многочисленных ударов о ступеньки, по которым пытался карабкаться, цепляясь за преда-

тельски гладкий лед. Хьюланн же уверенно держался на льду благодаря, как это выяснилось позже, своим прочным когтям на больших пальцах. Они рассекали лед, оставляя за собой на гладкой поверхности борозды, которые помогали взбираться наверх и мальчику.

Поднявшись, они разыскали пульт управления. Кнопки и рычаги заледенели, все щели между ними были занесены снегом. На помощь пришел серый камень обогревателя. Постепенно они высвободили из ледяного плена все необходимые рычаги. Внимательно изучив все указания, чтобы быть уверенным в том, что и где нужно включать, Хьюланн нашел нужный рычаг и что было сил потянул его на себя. Раздался грохот, который заглушил даже стон выюги. Низкий, сердитый звук, он был подобен гневу бога. Грохот постепенно нарастал все больше и больше, пока не перерос в монотонный гул надвигающейся лавины.

И тут наконец они увидели, как желтый вагончик медленно приближается к ним. Теперь им был понятен источник искусственного грома. От длительногоостояния трос покрылся толстым слоем льда, который с треском раскалывался по мере продвижения вагончика. Длинные полупрозрачные обломки льда падали на белую землю. Желтая пчела подкатила к посадочной площадке, но остановилась чуть дальше Хьюланна и Лео, продолжая покачиваться от сильного ветра.

И все-таки вагончик сравнялся с платформой, но прежде, чем войти в него, Хьюланну и Лео пришлось оббивать лед на двери, так как ее невозможно было открыть. Сделав это, они запрыгнули в блестящий салон. Хьюланн не ожидал увидеть дюжину пассажирских сидений, обтянутых мягкой блестящей черной кожей. Хотя вид салона любого космического корабля наоли впечатлял куда больше, чем эта простая кабина.

Лео что-то крикнул с дальнего конца вагончика, длина которого была не больше пятнадцати футов. Мальчик стоял у пульта управления, такого же, что и на посадочной площадке. Хьюланн подошел к Лео.

— Нам повезло, — сообщил мальчик, указывая на главный рычаг на пульте.

Над рычагом имелась табличка, указывающая маршрут. На ней было написано «АЛЬПИЙСКИЙ ПРИЮТ».

— Что это?

— Гостиница, — ответил Лео. — Я помнил о ней, но не знал, что мы совсем рядом. Там мы сможем хорошо отдохнуть.

Хьюланн снова потянул рычаг.

Пчела оттолкнулась, загудела и поползла назад к вершине горы.

Они смотрели сквозь лобовое стекло, крепко ухватившись за планку, которая была протянута в целях безопасности вдоль стен вагончика и обрывалась возле сидений. Снег

хлестал по вагончику, сыпался вокруг, когда они въехали в белую гущу облака. Было довольно странно подниматься вверх, набирая при этом скорость, без помощи ветра. Хьюланн крепко держался за поручни. Его взору открывался великолепный вид.

Серая змея каната уходила все дальше и дальше, теряясь в снежной мгле. Земля, протираясь во все стороны, теряла свои очертания под снежным покровом и напоминала спящего под огромным белым одеялом гиганта. Гигантские темные сосны были подобны щетине, выступавшей из-под холодной пены снега. Вот начала приближаться следующая вышка с распростертыми металлическими руками. Она, казалось, была готова принять долгожданных гостей. Когда они проехали мимо, вышка вдруг пошатнулась и качнула вагончик, заставив тем самым весело заплясать весь пейзаж под ними. Темная стая птиц пролетела мимо них, прорезая бурю своими мягкими перьями. На стекле от теплого дыхания Хьюланна и Лео оседал белый налет, и мальчику постоянно приходилось его вытираять.

Хвост Хьюланна вдруг щелкнул и плотно обвился вокруг левого бедра.

- Что-то случилось? — спросил мальчик.
- Нет, ничего.
- Ты выглядишь так, будто чем-то расстроен.

Черты Хьюланна исказила гримаса. На его ящерообразном лице пропустило выражение необъяснимого страха.

— Как высоко, — произнес он слабым голосом.

— Высоко? Да здесь каких-то сто футов!

Хьюланн печально посмотрел на канат, который мерно убегал назад, и ответил:

— Если мы оборвемся, то и этих ста футов будет более чем достаточно.

— Ты же летал на машине, которая вообще ни к чему не крепилась.

— Самая большая высота, на которую она поднимается, — это пятнадцать футов.

— Ну а ваши звездные корабли? Мы уж точно не поднимемся выше, чем они.

— Они не могут упасть, так как в космосе нет притяжения.

Лео засмеялся, перегнувшись через поручни. Когда мальчик поднял лицо, то оно было красным, а на глазах выступили слезы.

— Это что-то новенькое! — выдохнул он. — Ты боишься высоты. А знаешь ли ты, что наоли вообще ничего не должны бояться? Ты разве не знал об этом? Наоли — свирепые воины, твердые и безжалостные противники. Нигде не говорится, чтобы им было разрешено чего-то бояться.

— Знаю, — тихо отозвался Хьюланн.

— Мы уже почти у цели! — воскликнул Лео. — Потерпи еще минутку-две, и все пройдет.

И правда, крупные габариты посадочной станции уже выделялись сквозь густой снег. Ярко выкрашенная, в швейцарском стиле, с выступающей над дверным проемом резной крышей и большими окнами, которые, словно мозаика, делились на маленькие рамы при помощи пересекавшихся полированных реек. Беглецы уверенно скользили вверх по канату. И казалось, что станция сама приближается к ним, как будто они были ее главной целью.

Но за какой-то десяток футов от цели вагончик вдруг дернулся и подскочил, сильно подбросив своих пассажиров. Раздался хруст, похожий на тот, который они слышали, преодолевая первые двести футов необъезженной колеи. Но только этот был более неприятным и даже страшным. Им показалось, что вагончик остановился, накренился вперед и стал медленно скользить обратно. Во время второго, более сильного толчка Хьюланн потерял равновесие и упал, несмотря на то что крепко-накрепко цеплялся за поручень.

— Что это? — спросил мальчик.

— Не знаю, — ответил наоли.

Вагончик упорно пытался приблизиться к уже видимой станции, но очередной удар снова отбросил его назад. Сильно раскачиваясь, он заскользил обратно. Это напоминало чертово колесо, американские горки, потерявший управление летательный аппарат, ошеломляющий, ужасный взрыв движения, звука и го-

ловокружительного света — все вместе. Хьюланн почувствовал, как переработанное содержимое его двухкамерного второго желудка вот-вот подступит к горлу, готовое вырваться наружу. Потребовались все усилия, чтобы сдержаться.

Лео, пытаясь удержаться за поручни, вдруг отпустил их и, покатившись в переднюю часть вагончика, сильно ударился при этом головой о дальнюю стенку. Хьюланну послышалось, что мальчик вскрикнул от боли, но грохот мотора пчелы и стонущий гул каната заглушили его крик.

Вагончик вновь двинулся вперед и вновь подпрыгнул, отчего его снова отбросило назад на несколько футов. Кабина закачалась словно маятник. Лео, сжавшись, откатился к краю пульта управления, недалеко от Хьюланна.

Наоли заметил, как алая кровь заструилась из угла рта мальчика. Лео протянул руку, чтобы ухватиться за что-нибудь, зацарапал голыми пальцами гладкий холодный металл. Вагончик резко вздрогнул, и мальчик вновь заскользил по полу назад.

Колебания маятника-вагончика были настолько частыми и высокими, что у Хьюланна начала кружиться голова, как у ребенка на забавном аттракционе. Хотя ему было не до забав.

Лео, сгруппировавшись, чтобы предохранить самые уязвимые места от повреждения,

отскочил после очередного удара от стены и вновь оказался рядом с пультом управления. На левой щеке его расплывался кровоподтек, который становился все темнее и темнее.

Хьюланн, держась за поручень, потянулся и зацепил куртку мальчика, пронзив ее всеми шестью когтями, пытаясь надежно ухватить ее. Вагончик наклонился в очередной раз, но Лео уже не пришлось катиться к передней стенке. Хьюланн использовал свои мощные, хотя и недостаточно тренированные мышцы, стремясь удержать его. Подтянув одной рукой мальчика к своей судорожно вздывающейся груди, он выпрямился, опираясь на другую руку. Затем крепко прижал его к себе, когтями удерживая за одежду. Лео ухватился за поручни и держался за них так крепко, что суставы на его руке побелели.

— Мы должны остановить вагон! — крикнул он Хьюланну. Лицо Лео сморщилось, он стал похож на маленького старичка. — Он может слететь в любую минуту.

Хьюланн кивнул. Теперь он вновь смотрел через окно и не мог отвести глаз от того, что видел, как человек, загипнотизированный крадущимся за ним львом. Посадочная станция то удалялась, то приближалась. Казалось, будто сами здания двигались перед ними, и одновременно плясали внизу сосны, исполняя какой-то жуткий ритуальный танец, а вагончик катался взад-вперед на канате. Небо так-

же то приближалось, то удалялось вместе с серовато-голубыми облаками.

— Отключи его, — настаивал Лео. Мальчик боялся отпустить любую из рук, так как его снова могло отбросить и понести через весь салон.

Хьюланн потянулся к пульту управления. Вагончик снова двинулся вперед, но, столкнувшись с каким-то препятствием, откатился назад, раскачиваясь еще больше. Хьюланн вырубил все системы — и вагончик, прекратив штурмовать препятствие, повис на тросе. Постепенно колебания начали утихать, становясь более безопасными. И только ветер нежно покачивал пчелу.

— Что же нам теперь делать? — спросил потрясенный Хьюланн.

Лео, ослабив руки, посмотрел на поручни, словно ожидая увидеть на том месте, где он держался, какой-то изгиб, затем сжал кулаки, стараясь избавиться от судороги.

— С тросом что-то не в порядке. Мы должны проверить.

— Но как?

Лео внимательно изучал потолок.

— Там какой-то специальный люк.

В задней части салона, по левой стороне, перила вели к вентиляционному люку на потолке.

— Тебе придется это сделать самому, — сказал Лео. — Меня снесет ветром.

Продолговатая голова Хьюланна кивнула в знак согласия. Его хвост все еще крепко обвивал левое бедро.

Глава 8

Баналог застыл в массивном зеленом кресле в тускло освещенном кабинете Охотника Доканила. Если бы он был ученым, обладающим знаниями более низкого порядка, чем те, которыми он располагал, он не смог бы противостоять натиску столь изощренного допроса, какой применил Охотник. Он легко бы допустил неточность в деталях, или выдал бы себя тем, что начал заикаться, или на его лице непроизвольно промелькнула бы тень страха. Но травматолог был наоли, обладающим огромными познаниями в области работы мозга, его физического функционирования. Баналогу были известны самые тонкие процессы, протекающие в сверхразуме. Он знал, как управлять своими эмоциями до такой степени, что это было неподвластно ни одному из наоли — кроме Охотника. И врач подавил страх, завуалировал свою ложь, стал настоящим воплощением искренности, честности и профессиональной заинтересованности. Баналог предполагал, что ему удалось обмануть Доканила. Он, конечно, не мог быть полностью уверенным в этом; никто никогда не мог знать наверняка, о чем думает Охотник. Но

Баналогу казалось, что ему удалось убедить Охотника в правдивости своих показаний.

Доканил стоял у единственного в комнате окна. Тяжелые складки бархатных штор янтарного цвета были перевязаны толстым шнурком. За окнами все было серым и унылым в слабом свете раннего утра. Снег продолжал падать. Казалось, Доканил смотрел сквозь снег, сквозь развалины, пытаясь проникнуть взором в какой-то только ему известный уголок во Вселенной.

Баналог наблюдал за этим странным созданием, с трудом скрывая любопытство. Его поражала в Охотнике каждая деталь, как, впрочем, и всегда. Это был неподдельный профессиональный интерес. Как же ему хотелось подвергнуть Охотника анализу, как хотелось добраться до самых глубин его сознания, чтобы посмотреть, что там происходит. Но Охотники не нуждались в осмотре и консультациях травматолога. Они всегда полностью контролировали все свои действия сами. Или так гласит легенда...

Доканил был одет в плотно облегающие синие брюки, заправленные в черные ботинки. Торс прикрывала мантия, по покрою напоминавшая свитер и доходившая ему до длинной толстой шеи. Синий цвет одежды был таким темным, что его вполне можно было назвать черным. Талию Доканила стягивал ремень с тусклой серебряной пряжкой, на которой красовались знаки отличия его профессии: вытянутая ладонь с выпущенными когтями, готовая схва-

тить врага. Все это обрамляло кольцо из таких же злобных когтей, но поменьше. На спинке стула Охотника висела его шинель. Тяжелая, ворсистая, похоже, она была сделана из черного мехового бархата. Плечи шинели украшали кожаные полоски. На талии — черный кожаный пояс. Вместо привычных заклепок — пуговицы размером с глаз наоли, которые были отлиты из тяжелого черного металла, и на каждой — изображение свирепого когтя, а вокруг все тот же зловещий орнамент, что и на пряжке.

Баналог содрогнулся.

Он знал, что Охотники носят одежду из соображений практичности, — Охотники, чья профессия была предопределена еще до их рождения, были во всех отношениях более чувствительными к внешним раздражителям, чем другие наоли. Температура их тела не могла легко приспосабливаться к изменениям в атмосфере, как это происходило у остальных. Сильная летняя жара вынуждала их скрываться в тени по возможности дольше и пить очень много жидкости, чтобы восполнить потери организма. Жестокой зимой им приходилось искать защиты от снега и ветра под покровом зданий, как это делали хрупкие люди.

От всей их одежды веяло чем-то зловещим. Не потому, что ее носили именно Охотники, — а из-за самой формы мантий, которую они для себя выбрали. А может, это у него просто детский страх перед неизвестным? Баналог думал,

что нет. Он не мог определить, что конкретно беспокоило его в этой форме, однако его не покидало чувство беспокойства.

Доканил повернулся спиной к окну и посмотрел сквозь полумрак комнаты на травматолога. Охотникам не нужно было много света для того, чтобы хорошо видеть.

— То, что вы мне только что рассказали, не представляет особой ценности, — заявил он.

Его голос был вкрадчивым и цепким. Ему, как и Баналогу, удавалось сдерживать себя, чтобы не перейти на низкий шипящий свист.

— Я попытался...

— Вы рассказали мне о чувстве вины. О том, что такой вид травматизма встречается все чаще, и именно это подтолкнуло Хьюланна действовать подобным образом. Я понимаю, о чем вы говорили, — хотя я не понимаю сути этой травмы. Но я должен получить больше информации, больше теории о том, как будет действовать этот индивидуум сейчас, когда он в бегах. Чтобы поймать его, я не могу использовать обычные методы.

— Разве раньше вы не охотились за наали? — изумился Баналог.

— Это случается крайне редко, как вы знаете. Но один раз — да. Однако тот был обычновенным преступником и вел себя согласно определенным моделям поведения, свойственным нашим врагам. Но он не был предателем. Я не понимаю Хьюланна.

— Не знаю, что еще можно рассказать.

Доканил пересек комнату, остановился возле Баналога и посмотрел на него с высоты своего огромного роста, заслоняя массивным продолговатым черепом и без того тусклый свет лампы.

Охотник улыбнулся. Его улыбка оказалась самым страшным, что Баналогу приходилось видеть за всю свою жизнь.

Под сине-черным свитером Доканила поигрывали, как живые, тяжелые, неестественной величины мышцы.

— В дальнейшем вы будете мне помогать, — прошипел он Баналогу.

— Как? Я же вам все рассказал...

— Вы будете сопровождать меня на охоте. Давать советы. Анализировать действия Хьюланна и пытаться предугадать его следующий шаг.

— Не понимаю, как я...

— Я воспользуюсь Фазисной системой, чтобы определить его местонахождение. Думаю, это сработает. Но сработает или нет, мы все равно начнем. Будьте готовы через час.

Охотник развернулся и направился к двери, ведущей в соседнюю комнату.

— Но...

— Через час, — повторил Охотник, вышел в тамбур и закрыл за собой дверь, оставив Баналога одного.

Тон его голоса не позволял даже подумать об отказе.

На самом отдаленном северном лепестке континента в форме маргаритки на планете в системе наоли, рядом с бухтой, берега которой клемнями охватывали зеленое неспокойное море, стоял Дом Джоновела, представлявший собой респектабельную древнюю постройку. Глубоко в скалах были вырублены подвалы этого почтенного дома, где прятался питомник выводка семьи Джоновела. В этом подземелье и протекал процесс развития детенышей. Их было шестеро — слепых, глухих, немых. Они уютно устроились в теплой влажной грязи родительского гнезда. Каждый был не больше человеческого пальца и напоминал скорее какую-то рыбку, чем наоли. Их конечности еще не сформировались, зато хвостом обзавелся каждый. Руки были тонкими как нити. Крошечные, как почки деревьев, головки не составляло труда раздавить между большим и указательным пальцами.

Они лежали и развивались в искусственной утробе, наполненной вязкой слизистой биомассой, которая поддерживала жизнедеятельность зародышей после того, как они прошли первую стадию своего развития в материнском чреве. Хорошо развитый янтарно-красный ганглий соединял их с утробой, которую оплетали сосуды с темной, как вино, кровью, что обеспечивало снабжение зародышей питанием и устранило продукты переработки. Искусственные утробы постоянно пульсировали,

тщательно регулируя тончайший процесс жизни. Через два месяца все это будет не нужно. Дети Джоновела свободно выползут наружу. Избавившись от своих пациентов, утробы вскоре умрут, впоследствии биомасса разрушит их и подготовит свой состав для полноценного развития следующего выводка. Едва дети начнут двигаться, они начнут и произносить слова, поначалу не имеющие никакого смысла; они больше не будут ни слепыми, ни глухими. Питались детеныши плесенью, покрывавшей влажные стены, а также высасывали необходимые для жизни вещества с поверхности биомассы.

По истечении шести месяцев в их мозг хирургически имплантируют фазиссистемный контакт, который будет способствовать ускоренному получению знаний без словесного обучения.

Ретаван Джоновел стоял в зале над гнездом питомника и смотрел на своих шестерых отпрысков. Они были его первым выводком за пятьдесят один год. И, черт возьми, их должно было быть девять!

Девять! Не шесть!

Но должны же откуда-то появляться и Охотники...

Вскоре после того, как Ретаван и его супруга покинули питомник после шестнадцати проведенных там дней спаривания, центральное правительство уполномочило Гильдию

Охотников заняться тремя оплодотворенными зародышами, вытянув их из женской утробы для развития в искусственных условиях в подвалах Охотничьего Монастыря.

Ему следовало ожидать, что это рано или поздно случится. Ветвь Джоновелов была древней и чистой, как раз то, что так нравилось Охотникам. Если бы они не пришли за этой частью потомства, они пришли бы в следующий раз.

А пока...

Шесть бездумных маленьких существ пищали и барахтались внизу.

Ретаван Джоновел послал Охотников подальше, а также и потребность в них, которая делала их существование реальностью. Он покинул гнездо питомника, аккуратно закрыв за собой железную дверь. До него все еще доносились тепло, запах и шум...

Светловолосый человек стоял в расщелине высокой скалы, позволяя ветру разевать свою роскошную шевелюру. Как приятно было стоять на открытом пространстве в своем родном мире после долгих лет, проведенных в глубинах крепости, где известны только мрак и искусственный свет. Он наблюдал, как хлопья морской пены с трудом достигают берега, ссыпаясь с белых гребней и рассыпаясь при столкновении с утесами всего в трехстах футах от

него. Это было поистине восхитительное зрелище.

Как ему не хватало всего этого!

Он невольно поднял глаза в поисках нальского вертолета. Но небо было чистым. На берег накатывались волны...

...разбиваясь о скалы и расплескивая пену.

Море поражало своей мощью. Возможно, этот мир сможет выжить. Возможно, и человек сможет. Нет, не возможно. Они выживут. Они, без сомнения, выживут. Любое сомнение приведет к гибели.

Облака унесло прочь. Светило яркое солнце, тепло которого он ощущал на своем лице, вопреки холодному, пронизывающему ветру. Постояв так еще некоторое время, человек вошел в извилистый тоннель в скале. Когда он оказался в нужном месте, то подал условный сигнал и терпеливо дождался ответа. В скале медленно открылась дверь. Человек вошел в Убежище и вернулся к унылому бремени своих обязанностей.

Глава 9

Хьюланн толкнул вентиляционный люк вверх и вправо. В ту же секунду оглушительный порыв ветра ворвался в образовавшуюся щель. Лео, который стоял у подножия ступенек, задрожал и обхватил себя руками, чтобы

сохранить тепло. Хьюланн сделал два шага вверх по ступенькам, пока голова не появилась над крышей вагончика. Он осмотрел навес в поисках каких-либо повреждений, хотя не был уверен, что сумеет отличить их, даже если и заметит. Жуткий холод пробирался под толстую кожу, а ветер, казалось, так и стремился оторвать плоские уши. Хьюланн попытался придумать, как по-другому осмотреть вагончик, не вылезая на крышу. Но вскоре понял, что другого пути просто не существует. Он полностью вылез из вагончика и встал на четвереньки, стараясь удержаться на ветру.

Пробравшись по обледеневшей крыше к навесу, Хьюланн ухватился за него обеими руками. Он тяжело дышал. Ему казалось, что он прополз дюжину миль, а не восемь-девять футов.

Хьюланн оглянулся на путь, который они уже проделали, а также на трос. Все было в порядке. Он развернулся и посмотрел в сторону посадочной станции. Вот в чем дело! На расстоянии около двух футов от вагончика на тросе висел нарост льда с темной сердцевиной около четырех дюймов толщиной и с полфута длиной. Колеса налетали на лед, и их раз за разом отбрасывало назад.

Они просто каким-то чудом убереглись от того, чтобы сорваться с троса и разбиться об острые скалы внизу.

А внизу...

Хьюланн глянул вниз через край кабины и тут же убрал голову. Пропасть под ними пугала даже изнутри. А сверху, с его насеста, расстояние до земли казалось и вовсе ужасающим.

Он понял, слегка удивившись, что из него никогда не получился бы мятежник. Он не был эмоционально готов к побегу, риску, преступлению. Как же он ввязался во все это? Чувство вины — да. Он просто не хотел отдавать ребенка на растерзание палачам. Но какой мелкой и незначительной в этот момент казалась ему смерть мальчика. Он был готов сейчас сдать сотни таких мальчиков, лишь бы только избавить себя от того, что делает. Но он прекрасно понимал, что бездействие подобно смерти.

— Что там? — позвал его Лео.

Хьюланн обернулся. Мальчик уже тоже поднялся по ступенькам и высунул голову из отверстия на крыше. Его желтые волосы казались почти белыми. Они развевались на ветру во все стороны и падали на лицо, закрывая его.

— Кабель обледенел. На нем огромный кусок. Я не знаю, что это. Очень необычно.

— Придется вернуться обратно, — помрачнел Лео.

— Нет.

— Что?

Вагончик сильнее обычного качнуло порывом налетевшего ветра.

— Нам нельзя назад, — пояснил Хьюланн. — Я мог бы попробовать залезть на половину горы раньше. Но не сейчас. Нас здорово потрепало. Мы ослабели. Боюсь, что даже я начинаю замерзать. Я нечуствую ног. Мы доберемся до станции по тросу или вообще никак туда не попадем.

— Но мы же упадем и разобьемся. Мы скользнем, перелезая через лед.

— Я собираюсь разбить преграду.

По лицу мальчика, искаженному от холода, скользнуло выражение недоверия.

— Далеко это от вагона?

— Пару футов.

— А ты сможешь устоять на крыше?

— Не думаю, — ответил Хьюланн.

— Ты хочешь сказать, что собираешься...

— Проползти, повиснув на тросе, — закончил Хьюланн.

— Ты упадешь. Ты же боялся высоты даже внутри кабины.

— У тебя есть мысль получше?

— Давай я, — предложил мальчик.

Вместо ответа Хьюланн выпрямился, ухватился руками за трос и потихоньку начал переступать по крыше к краю.

— Хьюланн!

Он не ответил.

Хьюланн был не из тех, кто всегда готов совершить что-то героическое или испытывает потребность действовать исходя из соображе-

ний безрассудного мужества. В этот момент им двигал только презренный страх, в котором не было ни капли мужества. Если он не разобьет лед, они погибнут. Или им придется вернуться назад на посадочную станцию на середине горы и пробивать себе дорогу вверх по склону. Хотя выюга, казалось, не усилилась, скорость ветра достигала тридцати миль в час, и поэтому Хьюланну было труднее справляться со стихией, чем раньше. И чем больше они выбивались из сил, тем яростнее, казалось, дул ветер, словно ожидая, что они вот-вот упадут, заснут и погибнут. Безрассудно было бы вытаскивать из кабинки мальчика и заставлять выполнять эту работу на тросе, так как он обязательно свалится и разобьется о скалы. Тогда бегство потеряет всякий смысл. Тогда лучше будет просто умереть.

Он уцепился за кабель обеими руками, его ноги оторвались от крыши. Мышцы сократились, кровь в венах стучала от напряжения.

Даже висеть прямо не получалось, Хьюланна сносило влево. Ему приходилось бороться с ветром, со своим весом и с нарастающей болью в руках.

И еще он обнаружил, что его руки прилипают к тросу.

Легкие горели на обжигающем ветру. Было бы лучше прикрыть первичный отдел ноздрей, но ему не удавалось это сделать, и потому он продолжал дышать всеми четырьмя. А ему так

необходимо было сохранить себя для последующей борьбы.

Верхний слой чешуйчатой кожи рук безжалостно сдирался, но Хьюланн почти не чувствовал боли — главным образом потому, что раны были поверхностными, но также потому, что плоть на морозе онемела.

Чуть позже он достиг злосчастной ледяной глыбы. Пристально взглянувшись в нее, он увидел внутри что-то темное, неправильной формы. Он даже не строил предположений о том, что бы это могло быть, — ему просто было некогда. Хьюланн рывком отодрал одну руку от троса и подержал ее наготове в нескольких дюймах от ледяного железа, чтобы в случае, если одна рука не выдержит, снова ухватиться двумя. И хотя его нервы были на пределе, а рука готова вывалиться из плечевого сустава, он понял, что сможет удержаться и с помощью одной руки. Тогда Хьюланн поднял свободную руку и выпустил когти, чтобы со всего размаху сбить ледяную глыбу.

Но жесткие когти бритвой скользнули по льду, отколов лишь небольшую часть наледи, которая тут же исчезла в снежной бездне.

От удара трос задрожал. И вибрация эта передалась в руку, на которой он висел, отчего она заболела еще сильнее.

Он еще раз попытался сбить глыбу.

В нескольких местах пробежали трещинки. Хьюланн подтянулся поближе. Теперь у него

появилась возможность вонзить когти в трещину и поработать ими как рычагом. Лед раскололся. Два больших куска отвалились. И он увидел причину обледенения. Какая-то птичка зацепилась за трос при полете и застряла на нем, примерзла. Она болталась здесь слишком долго, постепенно покрываясь льдом.

Он отбил еще несколько кусков, затем сдернул искалеченную птицу и посмотрел на нее. Ее глаза совершенно застыли на морозе, стали белыми и невидящими. Он выбросил ее, ухватился за трос обеими руками и провел голово-кружительный спуск к спасительной крыше. Затем были вагончик, посадочная станция и, наконец, убежище под крышей благословленного «Альпийского приюта».

Охотник Доканил удобно расположился в сером врачающемся кресле перед скоплением мерцающих огней и подрагивающих стрелок перед многочисленными шкалами. По обе стороны от него сидели техники Фазисной системы, которые наблюдали за ним уголками глаз, как наблюдают за зверем, хоть и дружелюбным, но которому нельзя полностью доверять, несмотря на все гарантии.

— Когда? — спросил он у всей команды.

— В любой момент, — отзвался главный техник, бесшумно порхая перед экраном монитора, прикасаясь ко всевозможным кнопк-

кам и рычажкам, нажимая некоторые из них, чтобы получить хоть какую-то уверенность.

— Вы должны найти все, что только можно найти, — приказал Доканил.

— Да, да, конечно, — ответил техник. — Ага, вот мы где...

«Хьюланн», — произнес безмолвный голос.

Он проснулся. Хотя и не полностью. Голос что-то мурлыкал, затуманивал рассудок и задавал некий вопрос. Хьюланн чувствовал, как вторгаются в его сверхразум в поисках чего-то. Чего?

«Расслабься», — прошептало у него в голове.

Он начал расслабляться...

...и последовал оглушающий гром.

«Откройся нам, Хьюланн».

— Нет.

Каждый наоли по желанию мог прервать контакт с Фазисной системой. В самом начале ее деятельности, века и века тому назад, центральное правительство решило, что, если наоли не будут иметь возможность уединиться, Фазисная система может превратиться в тиранию, от которой нельзя скрыться. Хьюланн сейчас внутренне поблагодарил столь мудрое предвидение.

«Откройся, Хьюланн. Так будет лучше».

— Уходите. Оставьте меня.

«Приведи мальчика, Хьюланн».

— На смерть?

«Хьюланн...»

— Уходите. Сейчас же. Я не желаю слушать.

Хоть и неохотно, но контакт начал ослабевать и вскоре пропал совсем, оставив Хьюланна наедине с самим собой.

Хьюланн сел на краю дивана, на котором спал в темном вестибюле гостиницы. В нескольких шагах от него, слегка похрапывая, спал Лео, свернувшись калачиком и глубоко втянув голову в плечи. Хьюланн размышлял о вторжении Фазисной системы. Очевидно, они проникли в его сознание, чтобы установить, где он сейчас находится. Наоли попытался вспомнить первые несколько мгновений контакта, чтобы проанализировать, удалось ли им получить то, что они хотели. Не похоже. Для того чтобы получить необходимую информацию, им потребовалось бы несколько минут. А за пять-шесть секунд вряд ли что-нибудь узнаешь. И они бы не вынуждали его бросить мальчика, если б им удалось обнаружить их местонахождение.

Не дожидаясь, пока его мысли вновь обращаются к семье в родной системе, к детям, которых он никогда больше не увидит, Хьюланн снова растянулся на диване, во второй раз отключил свой сверхразум от органического мозга и ускользнул в адский уголок мертвого сна...

— Ну и?.. — спросил Доканил главного техника.

Тот передал Охотнику распечатку результатов и сообщил:

— Не много.

— Докладывайте!

Приказ прозвучал неприятным резким голосом, не принимающим никаких возражений.

Техник откашлялся:

— Они направились на запад. И уже ми-нули конверсирующую воронку у Великих Озер. Это очень четко зафиксировалось в его сознании. Они сошли с главной трасы в квадрате К-43 и следуют по второстепенному шоссе в Огайо.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Это немного.

— Для Охотника достаточно, — заметил техник.

— Это верно.

Доканил покинул комнату и вышел в коридор, где его ожидал Баналог. Он посмотрел на травматолога так, будто совершенно не знал его и был только слегка заинтересован. Баналог проследовал за Охотником до конца холла, распахнул стеклопластиковую дверь и вышел на морозный воздух. Их ждал вертолет. Большой, с жилыми отсеками и достаточным запасом всего необходимого на время охоты.

— Вы нашли их? — спросил врач Доканила, когда они садились в кабину машины.

— Более-менее.

— Где они?

— На Западе.

— Это все, что вам известно?

— Не совсем.

— А что еще?

Доканил с недоумением посмотрел на травматолога. Этот взгляд заставил Баналога съежиться и отпрянуть назад, тесно прижавшись к двери кабины.

— Мне было просто любопытно, — объяснил травматолог.

— Сумейте побороть ваше любопытство. Все остальное положено знать только мне. Для вас это не может иметь никакого значения.

Он завел двигатель, и машина поднялась над развалинами Бостона, через ветер, снег, в суровое зимнее небо.

Глава 10

Точка зрения:

В системе Нуцио, на четвертой планете, врачающейся вокруг гигантского солнца (эта планета когда-то называлась Дала, а теперь никак не называлась), стоял ранний вечер. Только что прошел короткий проливной дождь, воздух был

насыщен прекрасным голубым туманом, который медленно оседал на глянцевые листья густых лесов. Не слышалось ни единого крика животных. Лишь временами прорезалось слабое завывание — но и оно не было порождением какого-либо животного...

Возле спокойного моря, где когда-то жили звери, джунгли с удовольствием оплетали стальные балки, превращая их в пыль. Металл уже был напрочь изъеден во многих местах...

Сотней футов ближе к воде ползающий дикий виноград подобно змее просунул свой полный жизни зеленый побег в пустую желтую глазницу продолжавшего блестящего на солнце наольского черепа...

Глава 11

Иная точка зрения:

В городе Атланта стоял полдень. Ярко светило солнце. По небу изредка медленно проплывали облака, время от времени заслоняя его собой. В сталелитейном заводе в западном конце города все было спокойно — и только крысы скреблись внутри огромной цистерны в заднем конце двора. Их было около дюжины, они с визгом и шипением набрасывались друг на друга. Цистерна когда-то приютила Сару Ларами. Крысы пирорвали...

Глава 12

На границе Пенсильвании с Огайо Охотник Доканил провел последние приготовления перед тем, как начать тщательнейший поиск на открывшихся перед ними просторах континента. Он извлек шесть металлических сенсорных пластинок из ячеек на панели приборов. С одной стороны каждой торчало с дюжину полудюймовых иголок из медного сплава, отточенных и заостренных строго согласно инструкции. Доканил вдавил пластинки в свое тело в местах скопления нервных узлов. Чтобы проделать все это, ему пришлось закатать рукава; на брюках вдоль ног для той же цели были вшиты молнии. Затем он подключился к внешним локаторам снаружи вертолета. И застыл, откинувшись в кресле. Шесть змеек проводов отходили от него, заканчивая свой путь на панели с приборами. Теперь он больше походил на какой-то автомат или часть машины, а не на живое существо.

Баналог наблюдал за соседом с восхищением и ужасом. Он был странно очарован, как был бы очарован любой наблюдающий за Охотником, когда тот занят своей работой. Врача пугало, с какой легкостью это существо стало частью машины. Казалось, Охотник совершенно не пострадал от болевого шока, вживляя датчики в собственное тело. Напротив, ему, по-видимому, даже доставило удо-

вольствие соединение с вертолетом и с его электронными ушами, глазами и носом. Механические средства не только увеличили остроту его восприятия, укрепили его тело, но и изменили его всего, и сейчас он представлял собой какого-то мифологического героя из древних легенд...

Доканил закрыл глаза, в них уже не было необходимости. Камеры снаружи вертолета передавали все необходимые данные о том, что происходит внизу, прямо ему в мозг, супермозг, который истолкует все показания датчиков намного подробнее и лучше, чем се-
рое органическое содержимое в голове сред-
него наоли.

Вертолет пронесся вверх вдоль склона горы, следя дороге, которая, как сообщили радары, пряталась под вздывающимися волнами неспо-
койных снежных дюн.

Баналог никогда в жизни не видел столько снега. Снег пошел только вчера днем, и за какой-то день его навалило не меньше фута в высоту. Метеорологи оккупационных сил со-
общили, что в ближайшее время конца сне-
гопада не предвидится. Метель поражала не только рекордной продолжительностью и ко-
личеством осадков (по мнению наоли), но так-
же и своими невероятными размерами. Снег рас пространялся почти по всей территории бывших так называемых Соединенных Штатов, от среднезападной полосы до самого побере-

жья Новой Англии. Все это могло бы захватить воображение Баналога, если бы не Охотник, который занимал сейчас все его мысли.

Вертолет продолжал полет всего в двадцати пяти футах от земли.

Они почти достигли вершины горы, как вдруг Охотник открыл глаза, всем телом подался вперед, отключил автопилот и взял управление машиной на себя.

— Что там? — поинтересовался Баналог.

Доканил не ответил. Он круто развернул вертолет, направил машину на сто футов ниже по склону и завис в воздухе.

Баналог высунулся из ветрового окна и принялся изучать местность, которая привлекла внимание Охотника. Он увидел только несколько дорожных ограничителей, засыпанных снегом, спутанный кабель, соединяющий их, и огромный сугроб.

— Что это? — снова спросил Баналог. — Я должен по возможности помогать вам.

Ему показалось, что на губах Охотника промелькнула улыбка, — по крайней мере, это было похоже на то, что Охотники считают улыбкой.

— Вы будете помогать мне предугадывать последующие шаги Хьюланна. Идти по следу я могу и без вас. Но раз уж вам так интересно... Видите ограничители и кабель между ними?

— Да.

— Ограничители искривлены, как если бы их сдвинули. Их очертания несколько изменены. Кабель разорван. Посмотрите, как он болтается. Что-то врезалось в ограничители в этом месте. Возможно, беглецы уже погибли. Видите сугроб впереди? Они пытались обогнуть его и слетели с обрыва.

Баналог облизал губы. Ему так хотелось оплести хвостом ногу, но он знал, что Охотник обязательно заметит это.

— Я и не думал, что вы способны улавливать столь мелкие подробности.

— Еще бы, — хмыкнул Охотник Доканил.

Он провел вертолет вдоль заснеженной линии ограждений, затем они начали спускаться по склону, огибая сосны в просветах между ними. Но Баналог ничего не замечал, пока они не приближались к очередной сосне, передвигаясь неровными зигзагами, чтобы погасить удары ветра, который яростно трепал машину. Они двигались не навстречу ветру, а вместе с ним.

— Там, — решил Доканил.

Баналог посмотрел в сторону, куда показывал Охотник:

— Что там? Я ничего не вижу.

— Между двумя скалами. Машина.

И лишь когда травматолог пристально всмотрелся, напрягая зрение, пока глаза не заслезились, он смог различить измятые обломки корпуса вездехода, выглядывавшие из-под сне-

га не более чем на несколько квадратных дюймов.

— Вездеход лежит на боку, — заметил Доканил. — На нем они и сбежали.

— Они погибли?

— Не знаю, — последовал ответ. — Сделаем остановку и посмотрим.

Лео проснулся от шума работающего пропеллера вертолета. Он сел на край роскошного дивана фешенебельной гостиницы и начал вслушиваться. Шум прекратился, но мальчик был уверен, что тот ему не приснился. Некоторое время он неподвижно сидел, напряженно вылавливая любой подозрительный звук. Потом встал и направился к окнам, переходя от одного к другому. Но ничего, кроме деревьев и снега, он не увидел.

Шелест винтов раздался снова.

Вертолет. Совсем рядом.

Лео подбежал к спавшему Хьюланну и затормошил наоли за плечо.

Хьюланн не реагировал.

— Хьюланн!

Тот по-прежнему не шевелился.

Шум вертолета то исчезал, то снова появлялся. Мальчик не мог понять, приближается тот или нет. Но он знал со всей определенностью, что пассажиры этой машины ищут именно его и Хьюланна. Он продолжал будить

спящего наоли, но безуспешно. Вырвать наоли из тисков его мертвого сна можно лишь тремя способами...

Доканил выбрался из разбитого вездехода и исследовал искореженный корпус машины снаружи, затем спрыгнул на землю по колено в снег, но, несмотря на сугробы, он продолжал двигаться с грациозностью и невозмутимостью кошки.

— Они мертвы? — спросил Баналог.
— Их там нет.

Баналог с трудом скрыл чувство облегчения. Ведь по правилам игры ему нужно страстно желать, чтобы Охотнику сопутствовал успех и чтобы ничего не играло изменникам на руку. Тем не менее невольно он испытывал совершенно противоположное чувство. Он очень хотел, чтобы беглецам удалось скрыться, найти прибежище и спастись. Глубоко внутри он помнил о том, что предрекала расе наоли Фа-зисная система в случае, если человечество выживет. Спустя сотню-другую лет они найдут способ, чтобы продолжить сопротивление. И если другие наоли начнут поступать с людьми так же безответственно, как он сам, то впоследствии это станет опасным для самой их расы. А еще... Он не мог прекратить самоанализ. Он не имел права...

Они снова сели в вертолет.

Доканил вытащил металлические пластины из ячеек и подсоединил себя к внешним датчикам. Соединительные провода закачались в ритм дыханию. Едва острые медные иглы про-никли в плоть Доканила, он завел машину и, переведя ее на ручной режим управления, направил вертолет в серую мглу.

— Что теперь? — спросил Баналог.
— Мы прозондируем гору.
— Прозондируем?
— Вам просто неизвестны технологии поисковых работ.
— Неизвестны, — согласился доктор.
Охотник промолчал.

В конце концов, после того как их побросало то вперед, то назад, то вверх, то вниз, они преодолели сравнительно небольшой склон, и Доканил остановил вертолет над посадочной станцией, которая являлась частью подвесной дороги, бегущей от подножия горы к самой ее вершине.

— Там, — прошипел он взволнованно, если Охотники вообще умеют волноваться.

И снова Баналог ничего не увидел.

Доканил спросил:

— Лед — видите? Обломан со ступеней. И недавно подтаял.

Вертолет миновал платформу. Доканил сделал еще один круг.

— Они воспользовались канатной дорогой. Заметьте еще, что лед разбит только на пути к

вершине, а трос, ведущий вниз, остался обледеневшим. Они тоже направились вверх.

Охотник развернул вертолет, и они заскользили к вершине.

Ниточка троса внизу сопровождала их.

Посадочная станция, выстроенная в швейцарском стиле, лежала впереди, постепенно она начала вырисовываться на фоне бесконечного снега...

Лео когда-то слышал рассказы о наоли и о том, в какое состояние они впадают, когда засыпают или выпивают алкогольный напиток. Он знал, что существует несколько способов разбудить их, но не знал, какие именно. Однако среди явных небылиц он слышал о том, что можно применить боль, он слышал это от космонавтов, побывавших в других мирах Галактики. Он не хотел причинять Хьюланну боль. Но у него не было выбора.

Было уже хорошо слышно, как пропеллер прорезает воздух, вертолет все ближе и ближе подлетал к ним, описывая круги над подвесной дорогой. Шум то нарастал, то затихал, чтобы снова вернуться.

— Хьюланн!

Наоли не отвечал, и у Лео было слишком мало времени, чтобы найти какой-нибудь другой способ разбудить Хьюланна, кроме того, в котором он был более-менее уверен. Мальчик

пробежал через вестибюль, затем по коридору до ресторана. Столики были расставлены в ожидании посетителей, картину портил лишь толстенный слой пыли, скопившейся на столовых приборах. Лео прошмыгнул между столиками по направлению к двустворчатой двери в дальнем конце зала. Там находилась кухня. В мгновение ока он нашел нож и вернулся в вестибюль.

И упал на колени перед кушеткой, где спал Хьюланн. Когда он подносил нож к телу наоли, его руки задрожали и нож выпал на пол, словно сверкающее лезвие раскалилось при со-прикосновении с кожей наоли. Лео растерянно смотрел на нож, валявшийся на ковре, и не мог заставить себя поднять его.

Шелест работающего мотора вертолета изменился. Поднялся до уровня рева. Преследователи приближались к отелю.

Лео схватил нож обеими руками (так у него было больше уверенности, что он его удержит) и проколол кожу Хьюланна в области бицепса.

Наоли продолжал спать.

Мальчик воткнул нож глубже. На лезвии ножа показалась струйка крови, побежавшая по руке Хьюланна на кушетку.

Лео стало дурно.

Гул мотора усилился раза в три по сравнению с тем, когда вертолет поднимался над уступами горы к посадочной станции.

Лео повернул нож, раскрывая рану.
Во все стороны брызнула кровь.
Вертолет миновал гостиницу, развернулся и
пошел на посадку.

Комната наполнилась шумом.

Лео заскрежетал зубами и начал яростно
проводорачивать лезвие ножа в плотной, как ре-
зина, плоти.

Внезапно Хьюланн сел и выбросил руку в
сторону мальчика, задев того по голове, отче-
го Лео отлетел и растянулся на полу.

— Они здесь! — закричал мальчик, совсем
не обидевшись, что его ударили.

— Я думал, что ты...

— Они здесь! — не унимался Лео.

Теперь и Хьюланн услышал, как вертолет
Охотника пронесся низко над крышей гост-
иницы. Наоли встал, дрожа всем телом. Это
мог быть только Охотник, никто другой не
смог бы найти их так быстро. Охотник Дока-
нил. Да, так его звали.

Темно-синие бархатные брюки и рубашка...
Черные ботинки... Тяжелая шинель... На ше-
стипальых руках — перчатки с отверстиями на
концах, для того чтобы полностью выбрасы-
вать смертоносные когти... Высокий череп...
Мертвые, неподвижные глаза... И вытянутый
коготь в обрамлении таких же железных ког-
тей...

Пока Хьюланн стоял с проносившимися в
памяти кошмарными видениями, вертолет опу-

стился на дорожку перед гостиницей, всего в сотне ярдов от дверей в вестибюль.

— Что же делать? — взмолился Лео.

— Бежим! — Хьюланн развернулся и широкими шагами направился на задворки гостиницы.

Он и сам не был уверен, туда ли бежит. Им двигала паника. Именно она уносила его от Охотника Доканила, помогая выиграть несколько лишних минут, чтобы все обдумать.

Лео поспешал сзади.

Они пронеслись сквозь обеденный зал и оказались перед входом в теннисный зал с прозрачной пластиковой крышей, открывавшей вид на небо. Здесь же расположились несколько магазинов для постояльцев гостиницы, а также несколько ресторанчиков, парикмахерская, антикварная лавка и маленький театр на сотню мест. Они пересекли теннисный зал и направились к административным помещениям. Там сейчас было пусто. Настежь открытые двери. Сплошной слой пыли покрывал кипы докладных и важных письменных отчетов.

Наконец Хьюланн и Лео выбрались к задней части гостиницы, распахнули пожарный выход и вывалились на снег. Они проспали всего несколько часов, но, когда их вновь охватил снег и ветер, беглецам показалось, что прошла лишь пара минут с того момента, как они покинули вагончик подвески.

Прямо перед ними вздымалась вершина горы. Разнообразные указатели отмечали направление лыжных спусков, санных путей и многое еще чего любопытного. В сотне футов от гостиницы они заметили приземистое здание, расположенное на небольшой террасе. Там не было окон, только подвижная дверь, откатывающаяся вверх.

— Туда, — распорядился Хьюланн.

— Но они же доберутся и сюда, после того как перероют всю гостиницу.

— Мы не собираемся оставаться здесь надолго. Думаю, это гараж. Лыжники должны же на чем-то добираться, кроме как пешком, к началу спуска.

— Да, наверное, — признал Лео, улыбнувшись.

Хьюланн не видел повода для улыбки, и его несколько удивило восхищение мальчика столь незначительными сокровищами, спрятанными в том здании. Даже если это и в самом деле гараж, там может не оказаться ни одного средства передвижения. А если машины и есть, они могут не работать. А если они побегут, все равно маловероятно, что им удастся скрыться от Доканила и его вертолета.

Мальчик первым достиг двери, опустил регулировочную ручку на черной панели, дверь заворчала и поплыла вверх, впуская их. Внутри здание напоминало склеп. Такое же мрачное и холодное, осыпанное изморозью и пы-

лью. Но машины там все-таки нашлись. Тяжелые вездеходы для передвижения при любых заносах.

Они сели в первый попавшийся, но тут же обнаружили, что он не заводится. Второй оказался в таком же состоянии. То же повторилось и с третьим. И лишь четвертый вездеход пару раз прокашлял, затем поперхнулся, как человек со ртом, полным какой-то гадости, и с недовольным ворчанием вернулся к жизни.

Хьюланн вывел неповоротливого железного зверя из гаража и удивился, когда заметил, что двигаются они почти бесшумно. Что может быть лучше для тех, кто убегает от погони? Тем временем у Хьюланна появилась мысль, которая заставила его повернуть машину назад к отелю.

— Куда ты едешь? — удивился Лео.

— Посмотреть, может, они оставили вертолет без охраны.

Лео довольно усмехнулся. Невольно Хьюланн проделал то же самое.

А Доканил и травматолог уже стояли в пустынном вестибюле и тщательно осматривали богатую драпировку портьер и шикарную мебель. Время от времени Охотник подходил то к стулу, то к дивану, чтобы обследовать их. Баналог не мог даже предположить, что тот ожидал найти.

— Они были здесь? — спросил он Охотника.

— Да.

— Они все еще?..

— Возможно.

— Нам придется осматривать всю эту огромную гостиницу?

— Нам не нужно искать их везде, — ответил Доканил. Он склонился над ковром, внимательно изучая его. — Пыль. Здесь. И здесь. Следы ведут туда. Здесь кто-то проходил.

— Я не вижу...

— И не увидите.

Доканил стянул перчатки и засунул их в карманы своей широкой шинели. Баналог бросил взгляд на его руки. Хотя они и были несколько больше, чем у остальных наоли, они не казались такими уж смертоносными. Но травматолог знал, чем они отличались. Они представляли собой самое страшное оружие в Галактике.

Доканил зашагал к задней части здания...

...и в ту же минуту остановился, так как со стороны фасада гостиницы до их ушей донесся жуткий скрежет.

— Вертолет! — воскликнул Баналог.

Но Доканил уже пробежал мимо травматолога по направлению к двери. Его огромная темная фигура напоминала демона, каким его представляли себе люди. Демона из Преисподней, пролетающего в страхе перед гневом Все-

могущего. Охотник пронесся сквозь двери на крыльцо. Баналог отставал всего на несколько шагов.

Вертолет лежал на боку, опрокинутый с посадочных полозьев. Он был протаранен тяжелым, рассчитанным на десять пассажиров вездеходом, который как раз разворачивался, чтобы вернуться и на полном ходу врезаться в переднюю часть вертолета. Во все стороны разнесся грохот, который потряс землю, заставив задрожать даже крыльцо, на котором они стояли. Носовая часть вертолета съежилась, затрещали приборы...

Доканил прыгнул в снег и побежал, преодолевая сразу по нескольку ярдов за шаг, двигаясь с легкостью, которая казалась Баналогу невозможной. Охотник пытался догнать вездеход, на котором ехали Хьюланн и человек.

Но машина уже удалялась от развороченного вертолета в сторону гостиницы в попытке обогнать дом сзади и скрыться за отрогом горы.

Доканил изменил направление и побежал наперерез беглецам намного быстрее, чем это позволял такой глубокий снег.

Хьюланн резко увеличил скорость. И из-под гусениц вездехода в Охотника полетели комья снега и грязи.

Однако, чтобы набрать нужную скорость, машине требовалось какое-то время, тогда как специально выращенные, должным образом

сконструированные мышцы Охотника превратились в мощный двигатель за долю секунды. И уже нельзя было определить, кто первым достигнет конца стены гостиницы.

Баналог был в ярости оттого, что ничего не может сделать. Но если бы он обладал властью решить судьбу этого состязания, кому бы он отдал победу? Кого бы выбрал? Хьюланна и мальчика? Чтобы пойти наперекор интересам своего народа? Или Охотника, чтобы до конца дней своих нести ответственность за еще две смерти? Две смерти? Но ведь смерть человека — это всего лишь запланированное истребление расы землян. У него закружилась голова...

Тем временем стало очевидно, что Доканил, несмотря на все свои яростные попытки настичь беглецов, проиграл забег. С каждой секундой вездеход все больше и больше отдалялся, оставляя Доканила позади.

Охотник остановился, даже не изменив дыхания, и поднял ничем не прикрытые руки.

Машина была уже рядом с углом гостиницы.

Доканил резко выбросил пальцы вперед.

Вокруг вездехода вспыхнуло пламя, загорелся снег.

Доканил повторил движение пальцами.

Заднее левое крыло машины лопнуло, как воздушный шар; обломки искореженной стали упали в снег, несколько кусков поменьше отлетели на площадку перед гостиницей.

Хьюланн вжал педаль акселератора до отказа. Машина на полном ходу завернула за угол и скрылась из глаз.

Охотник Доканил добежал до угла гостиницы, пытаясь не упустить вездеход из виду. Он еще раз резко выбросил пальцы, надеясь достать-таки его. Но машина была уже вне пределов досягаемости Охотника.

Доканил несколько минут смотрел ей вслед. Белая пелена скрыла все следы.

Продолжая всматриваться в снежную даль, где скрылся вездеход, он вытащил из карманов перчатки и медленно натянул их на замерзшие руки.

— И что теперь? — спросил подбежавший Баналог.

Доканил ничего не ответил.

Гильдия Охотников из века в век следовала особой концепции сотворения своих воинов. На ранних стадиях развития зародыша у них делается все возможное, чтобы ограничить некоторые эмоции, которые могут возникнуть в его сознании. Понятия любви и привязанности исключаются в любом случае. Остается лишь понятие долга. У Охотника должно присутствовать чувство долга. А также Ненависть. Это всегда помогает. Но возможно, самое главное в этой корректировке чувств — то, что Охотнику разрешается испытать унижение. Почекувствовав это хоть раз, Охотник становится совершенно безжалостным. Он преследует

свою жертву с упрямой настойчивостью, которая не оставляет той ни малейшего шанса избежать своей участи.

Только что Охотника Доканила унизили первый раз в его жизни...

Глава 13

Только в три часа ночи Охотник Доканил обнаружил брошенный вездеход, на котором скрылись Хьюланн и человеческий детеныш. Он бы и раньше нашел его (беглецы проехали всего лишь двадцать миль, перед тем как покинуть машину), но Доканил был вынужден подождать, пока ему пришлют новый вертолет после его запроса по Фазисной системе. Несмотря на то что было самое время спать и восстановить силы, он еще более рьяно приступил к своим обязанностям. Обычно наали предпочитали уделять сну больше времени, чем люди, тем не менее они могли совсем не спать и пять дней подряд, не отдыхая и не выбиваясь из сил. Поговаривали, что Охотник прекрасно справляется со своей работой даже в течение двух бессонных недель.

Баналог, напротив, начал постепенно выдыхаться. Он брел за Доканилом, пока тот исследовал вездеход и малейшие улики, оставленные беглецами. Затем Охотник расширил диапазон своих поисков и осмотрел ближайшие дома го-

родка Леймас у подножия горы, напротив гостиницы.

Неподалеку от ничем не примечательного одноэтажного дома Доканил остановился и начал осторожно приближаться к нему. Охотник даже принял было снимать перчатки, но не закончил приготовлений, так как уже обработал данные, полученные благодаря своей сверхчувствительной системе.

— Их там нет? — спросил Баналог.

— Нет, но были.

— А-а...

Доканил оторвался от осмотра следов и так пристально посмотрел на травматолога, как это умели делать только Охотники.

— Вы, кажется, радуетесь.

Баналог приложил все усилия, чтобы оставаться безучастным на вид. Охотник, конечно, мог обладать способностью видеть во всем скрытый смысл, но у травматолога был просто талант прятать этот смысл глубоко-глубоко под непробиваемым фасадом невозмутимости.

— Что вы имеете в виду?

— У меня сложилось впечатление, будто вы радуетесь тому, что им удалось бежать.

— Чушь.

Хотя травматолог и старался сохранить на лице выражение самоуверенности и не позволить губам покрыть зубы, удержать кнут хвоста от того, чтобы тот обвил бедро, он был уверен, что Охотник заметил трещину в его

броне, заметил тлетворные мысли, ставящие под сомнение ценность, смысл и мораль войны между наоли и людьми. Баналогу казалось, что это никогда не кончится (хотя Охотник смотрел на него не больше одной-двух земных минут). Доканил отвел свой взгляд.

Но он все понял.

Да...

Баналог уже не сомневался, что Охотник обнаружил брешь в его старательно выстроенной лжи, проник внутрь и увидел полную сумятицу в сознании. Он обязательно отoshлет сообщение о своих наблюдениях в высшие инстанции. И однажды утром Фазисная система прозондирует его мозг во время психологической настройки. Этого будет достаточно, чтобы отправить его на обследование к травматологу Третьей Дивизии. Если его индекс вины окажется таким высоким, как он думает, его совсем скоро отправят на космическом корабле домой, в родную систему, для прохождения лечения. Возможно, что его зараженный сомнениями мозг промоют и реструктурируют. Сотрут все прошлое. Вполне возможно. Хотел ли он этого? Ну, в любом случае это позволит ему начать все заново. Он больше не хотел постоянно мучиться от чувства презрения к самому себе и испытывать неловкость за то, что делает его народ. Эта мысль не пугала его так сильно, как это было с Хьюланном. Правда, его дети будут лишены

его прошлого, и им придется искать свой дом по обрывкам истории. А ведь у него куда больше детей, чем у Хьюланна. Пусть ему сотрут и реконструируют память — ведь он стольким поколениям подарил жизнь. И, осмыслив все это, Баналог почти убедил себя в том, что предстоящий процесс лечения будет даже желаемым и полезным, и не только для общества, но и для него, как индивидуума, в частности.

— Видите? — спросил Охотник Доканил, тем самым прервав размышления другого наоли.

— Боюсь, нет.

На лице Охотника промелькнула смесь презрения с удовольствием. Презрение к тому, что у травматолога отсутствует способность к наблюдению; удовольствие от своих необычайных возможностей. Охотник испытывал это чувство довольно редко. Он не мог наслаждаться сексом. Он испытывал к нему отвращение. Охотники не размножаются, хотя и вырастают из нормальных зародышей. Он проявлял не большой интерес к пище. Еда занимала его только в пределах обеспечения тела хорошо сбалансированной диетой. Он ничего не испытывал при поступлении в его кровь сладкого наркотика. А алкоголь его организм сжигал так быстро, что отрава не успевала оказаться никакого влияния — ни положительного, ни отрицательного. Но у него было его собственное Эго, как единственный мощный стимулятор отличного исполнения работы. Когда что-то

поглощало эту неосозаемую часть его сверхразума, он испытывал дискомфорт, в противном случае — счастье и тепло. Его Это было подчинено только Охотничьей Гильдии. А Гильдия являлась единственным источником вдохновения всех остальных наоли.

— Смотрите, — продолжал Доканил. — Сугробы возле домов, вон там.

Баналог повернул голову.

— Сравните их с сугробом перед этим зданием.

— Те глубже, — отметил Баналог.

— Вот именно. А этот-кто-то потревожил, и потребовалось несколько часов, чтобы он приобрел первоначальный вид. Там явно был вездеход.

Они обнаружили еще три вездехода, и пустое пространство между ними явно указывало, что совсем недавно здесь находился еще один. Доканил знал наверняка, что четвертый угнали только несколько часов назад, так как одна несчастная бурая мышь устроила себе гнездо в шасси этой длинной стальной машины, и ее изрубило на куски, когда та завелась и огромные лопасти винтов пришли в движение без предупредительного сигнала. И хотя куски мертвой плоти и кровь застыли, маленькие глазки еще не затвердели двумя белыми камешками, как если бы этот несчастный для мыши случай произошел более суток назад.

Они снова вернулись в ночь и снег. Метель постепенно ослабевала. Ветер то прибивал лежавший на земле снег, то разевал сугробы в разные стороны, поднимая влажные облака, ослабляя видимость, как если бы буран все еще продолжался.

— Вы знаете, в какую сторону лететь? — осторожно осведомился Баналог.

— На запад, — последовал ответ. — Они направились туда.

— Есть какие-нибудь признаки?

— Никаких. Видимых. Снег стер их путь.

— Тогда как...

— Убежище на Западе, не так ли?

— Но это же просто выдумки, само собой, — ответил травматолог.

— Разве?..

— Несомненно.

— Многих их вожаков так и не нашли, — заметил Доканил. — Они, должно быть, где-то скрываются.

— Они могли погибнуть во время ядерных самоубийств или быть ликвидированными во время массового уничтожения. Мы, наверное, убили их, принимая за рядовых землян.

— Не думаю.

— Но...

— Не думаю. — Тон Охотника не терпел возражений. Его мнение было высказано таким же голосом, как ученый излагает непреложный закон Вселенной.

Они сели на борт своего нового вертолета. Доканил поднял машину в ночь после того, как подсоединил себя к приборам на панели управления. Баналог увидел на медных иглах следы запекшейся крови.

Внимательно следя за дорогой, Охотник вел вертолет. Баналог, покорившись безжалостному преследованию, устроился поудобнее в кресле, отсоединил свой сверхразум от органического мозга, установил в подсознании время пробуждения и ускользнул в притворную смерть...

Светало. Хьюланн гнал вездеход уже далеко на юге, снег сменился безлистными деревьями и холодным чистым небом. Наоли думал, что погода стоит подходящая, хотя Лео и говорил ему, что по человеческим меркам все еще весьма прохладно. Они держались обиездных дорог, потому что Охотнику легче следовать по главным магистралям и, таким образом, он без труда обнаружит их. Тем не менее снег больше не скрывал от них дорогу, и Хьюланн мог установить вращение винтов на полную мощность и взять такой уровень высоты, чтобы не опасаться изменений на поверхности земли.

Они болтали о том о сем во время долгих темных часов полета. Сначала разговор помог успокоиться и расслабиться, чтобы не возвра-

щаться к молниям Охотника, оторвавшим заднее крыло их машины. Конечно же это были не совсем молнии. Охотники располагали хирургически имплантированными оружейными системами внутри их мощных тел. В руки и ладони был вмонтирован пистолет с газовой дробью. Из спецхранилища система вырывает сильно сжатую каплю жидкого кислорода и приводит ее в движение по дулу посредством управляемого взрыва другого газа. В результате газовая дробинка поджигается у кончиков пальцев и, попадая в мишень, взрывается внутри и разрывает жертву на части. Это средство действует на небольшом расстоянии. Но оно очень эффективно. И даже знание механизма устройства не уменьшает его загадочности.

Охотники прилагали все усилия, чтобы причислить себя к лицу богов — даже для расы без религиозных мифов. Неудивительно, что это им удалось. Действительно, когда Хьюланн впервые осознал понятие «Бог» у некоторых галактических народов, его сразу поразила мысль: не будут ли наоли через сотню или тысячу веков рассматривать Охотников как древних богоподобных существ? Возможно, эти творения генетической инженерной мысли были созданы именно для того, чтобы впоследствии быть причисленными к первым святым и собирать лавры не заслуженного ими почтения. Культ? Возможно...

Постепенно их разговор коснулся личных тем, далеких от неестественной лихорадочной болтовни, которой они неосознанно пытались вытеснить неприятные мысли. Они вспоминали свое прошлое, свои семьи. Хьюланна удивило, сколько боли и жалости скрывалось в мальчике, когда тот, заливаясь слезами, рассказывал о смерти своего отца и сестры (мать его умерла вскоре после рождения сына). По мнению Хьюланна, людям было не свойственно показывать свои эмоции. Такое, наверное, встречалось крайне редко и далеко не так болезненно, как это происходило с Лео. Знакомые наоли люди были холодными, мало смеялись и мало плакали. Именно эта эмоциональная, стоическая сдержанность и явилась основной причиной их враждебности по отношению к наоли. А также к остальным расам, которые отличались общительностью.

Затем пришло понимание.

Оно змеей проскользнуло в его мозг и вонзилось в сверхразум, сотрясая всю основу его доводов.

Это причинило боль.

Первые намеки на понимание зашевелились и пустили побеги, когда Лео указал на далекий свет поднимающегося в небо звездного корабля наоли, за сотни миль к востоку. Хьюланн наблюдал за пламенем, скрытым в сине-зеленой дымке, пристальным взглядом незашоренной пропагандой личности наоли,

лишенной своего прошлого. Он просто задохнулся, когда величественное сияние начало уноситься в глубь бархатно-темного неподвижного неба (только линия горизонта окрасилась в оранжевый дневной свет). Разум Хьюланна скользнул в бездну открытый, когда Лео поделился:

— Я хотел стать астронавтом. Всегда хотел. Но меня не выбрали.

— Не выбрали? — удивленно переспросил Хьюланн, не понимая, к чему шел разговор.

— Да. Моя семья не относилась к состоятельным.

— Но ты еще слишком маленький, чтобы выполнять работу в космосе.

Лео выглядел озадаченным.

— Ты же говорил, что тебе всего одиннадцать.

— Так выбирают еще до рождения, — ответил мальчик. — А разве у наоли не так?

— Но это же неразумно! — воскликнул Хьюланн. — Нельзя вести подготовку для работы в космосе, пока ты не вырастешь для того, чтобы воспринимать основы физики.

— Это займет слишком много времени, — возразил Лео. — Для того чтобы стать астронавтом, нужно многое знать. Сотни тысяч вещей, необходимых для работы. Невозможно представить, как научиться всему этому в зрелом возрасте, даже при помощи гипновосприятия.

— Сорок лет. Самое большее — пятьдесят, — прикинул Хьюланн. — Но когда впереди целые века для того, чтобы...

— Вот именно! — выпалил Лео, не успел Хьюланн закончить свое предложение. — Средний возраст человека — сто пятьдесят лет. И только первые две трети жизни считаются «расцветом», когда мы можем легко переносить перегрузки галактического путешествия.

— Как это ужасно! — посочувствовал наоли. — Выходит, ваши астронавты проводят всю жизнь, занимаясь одним и тем же?

— А чем же еще?

Хьюланн попытался объяснить, что наоли обычно осваивают несколько профессий в течение жизни.

— Просто невероятно, — закончил он, — что человеку приходится проводить весь его короткий век, делая одно и то же. Ограничность. Однообразие. Все это разлагающее действует на разум.

Как же нелегко было Хьюланну приложить основной принцип жизни наоли к жизни кого-то еще, чье существование так недолговечно. Но постепенно это ему удалось. И он почувствовал тяжесть своего понимания, хотя точно еще не осознавал, что же так давило на него.

— Когда-то, — рассказывал Лео, — в то время, когда мы только начали освоение космоса, астронавты не готовились еще до своего рождения. Они росли, вели обыкновенную жизнь,

летали на Луну и возвращались обратно. Они могли оставаться в космической программе, а могли и нет. Некоторые из них уходили в бизнес. Другие занимались политикой. Один даже стал президентом большой страны того времени. Но когда сверхсветовые полеты были усовершенствованы и начало накапливаться все больше и больше относящихся к этому знаний, необходимых для астронавта, старый способ отбора пришлось заменить.

Теперь все стало ясно. Хьюланн понял причины войны и почему Лео так отличается от остальных людей, которых он встречал в космосе.

— Оплодотворенное яйцо изымается из материнского тела вскоре после зачатия, — продолжал мальчик. — Институт Космонавтики забирает его и превращает в существо, каким должен быть астронавт. Пальцы ног у астронавта в два раза больше, чем у простых людей, так как это необходимо ему для того, чтобы хвататься за что-либо в состоянии невесомости. Его зрение охватывает диапазон инфракрасных лучей. Слух обостряется. После четырех месяцев развития зародыш подвергается влиянию постоянно обучающей среды, когда данные заносятся напрямик в мозг, который никогда потом не будет развиваться так быстро, как в следующие пять месяцев.

Хьюланн почувствовал, что едва может говорить. Его голос стал слабым, хриплым, не

таким, как обычно. А губы все еще обхватывали зубы от стыда, и он никак не мог откинуть их, чтобы ясно говорить.

— А как относились рядовые люди к астронавтам?

— Ненавидели их. Они были не такие, как мы все, конечно. Они намного легче осваивались в космическом пространстве и в любом незнакомом месте Галактики. Поговаривали о том, чтобы посыпать простых людей в качестве пассажиров, но астронавты начали борьбу, которая затянулась на несколько лет. Они ревниво охраняли свою власть.

— Они были холодными, — обронил Хьюланн с отвращением, — показывали минимум эмоций, никогда не смеялись.

— Это было частью их воспитания. Чем менее они эмоциональны, тем лучше справляются с возложенными на них обязанностями.

— Война...

И не успел Хьюланн закончить, как Лео тоже все понял:

— Да?

— Мы и не думали, не могли даже предположить, что ваши астронавты не типичны для всей остальной расы. Мы встречали сотни, даже тысячи их. Они все были похожи. Мы не могли знать...

— Так ты думаешь?.. — спросил Лео взволнованно.

— Эта война была ошибкой. Мы сражались с Охотниками. Ваши астронавты — те же Охотники у наоли. И мы истребили вас, потому что думали, ваши Охотники, ваши *астронавты* такие, как и все вы...

Мастер-Охотник Пенетон сидел в кресле управления Системы Формирования. Трехста шестьдесят один электрод примыкал к его телу, пронизывая каждую часть его организма, провода от них исчезали в чреве огромной микрохирургической машины. Пальцы его исполняли непостижимый танец на трехстах шестидесяти одной кнопке пульта перед ним.

Он формировал.

Он изменял.

В насыщенном парами герметичном модуле из стеклопластика за кварцевой стеной в фут толщиной на упругой подушке лежал крошечный зародыш, поддерживаемый силами, которые навсегда останутся за пределами его понимания, даже когда он вырастет и станет полноценным творением. Этот зародыш предполагал рождение Охотника. Не Мастер-Охотника.

Для этого потребовалось бы кое-что еще. Существовала специальная программа генетической мутации, гораздо более сложная, — для создания Мастер-Охотника. Он рождался толь-

ко раз в столетие. В одно время могло жить не больше пяти Мастер-Охотников.

Пенетон был Мастер-Охотником.

Он формировал.

Он *изменял...*

В цистерне в Атланте: крысы...

В утреннем свете конверсирующая воронка на Великих Озерах выглядела скорее желтой, чем зеленой. С южного края жуткого провала техники из первой бригады наоли, ведущих антибактериологическую войну, установили свое оборудование и начали вводить необходимый антитоксин для уничтожения прожорливых бактерий. К ночи тепло, жар и такое красивое свечение исчезнут...

Глава 14

Впереди лежала пустыня. Она раскинулась сплошным морем желто-белого песка, на котором виднелись островки красноватой почвы. Время от времени однообразие равнины нарушали выступы цилиндров вулканических пород, огромные глыбы камня и причудливые выветренные скалы. Картину завершали редкие клочки чахлой растительности. Ничего

здесь не было приспособлено для жизни. Хьюланн остановил вездеход на гребне горы и устремил свой взгляд вниз на дорогу, которая пересекала унылую бесконечную поверхность.

— Здесь вездеход пойдет гораздо легче, даже если мы не выберемся на дорогу, — заметил Лео.

Хьюланн ничего не ответил и продолжал всматриваться в прерию, которую им предстояло преодолеть. Последние восемь часов окончательно разбередили его душу. Он снова и снова прокручивал факты в голове и не переставал удивляться и поражаться всему, что сообщил ему мальчик. Жуткая, кровавая бойня, которую затеяли люди и наоли, представлялась теперь совершенно бессмысленной. Кто бы мог предположить, что еще какая-нибудь раса окажется способной создать внутри себя особую породу, как это делали наоли с Охотниками? Уменьшало ли это вину наоли? Оправдывало ли их акт геноцида по отношению к людям? Было ли это разумным? Ответственны ли они за такую прихоть Судьбы? Конечно нет. Если только...

Даже если посмотреть на это как на злую шутку Рока, война в любом случае была неприемлема. Напротив, она стала представляться игрой чьего-то больного воображения. Две гигантские расы, способные с относительной легкостью путешествовать среди звезд, ведут тотальный бой из-за простого недопонима-

ния. Весь этот кошмар превратился в космическую комедию. Но такой, навеянный самой смертью итог никогда не должен стать пищей для юмора.

— О чём ты думаешь? — спросил мальчик.

Хьюланн оторвался от пустыни и посмотрел на человека. У их рас, как оказалось, было столько общего — и так мало взаимопонимания. Он оглянулся и посмотрел в заднее ветровое стекло. Смотреть на ослепительный песок было намного легче, чем в нетерпеливые глаза ребенка.

— Мы должны рассказать им, — твердо сказал Хьюланн.

— Твоему народу?

— Да. Они должны узнать все. Это все сильно меняет. Если они узнают, они не убьют тебя. И не сотрут и не реструктурируют мою память. Они не посмеют. Хотя некоторым из них очень захочется это сделать. Но твое свидетельство не допустит этого. Если еще кто-то из людей остался в живых, нам нужно сделать все, чтобы помочь им.

— Мы не поедем в Убежище?

Хьюланн задумался:

— Мы могли бы. Но это бесцельно. Мы ничего не решим. Наш единственный шанс — заставить и остальных наоли узнать то, что узнал я. Рано или поздно они сами все раскроют. Археологические бригады ведут раскопки во всех неразрушенных до основания городах. Антровер

пологи пытаются воссоздать по крупинкам вашу культуру. Кто-то обязательно обнаружит, что у вас существовал особый вид — астронавты. Но на это уйдут месяцы, а то и годы. К этому времени те немногие уцелевшие представители твоей расы будут найдены и убиты. Тогда эти знания об астронавтах уже будут ненужными.

— Думаю, ты прав, — согласился Лео.
 — Я свяжусь с Охотником.
 — А ты сможешь?
 — Попытаюсь.
 — Пойду пройдусь, — сказал Лео. — Нужно размять ноги.

Он открыл дверь и, шагнув на дорогу, захлопнул ее. Он пошел налево и наклонился, изучая маленький кактус с пурпурными цветами.

Минутой позже Хьюланн открыл контакт с Фазисной системой.

И сразу почувствовал канал другого мозга.
 «Доканил, — сказал он мысленно. — Доканил-Охотник».

Тишина. Затем:
 «Хьюланн...»

Он вздрогнул от того, какими холодными были мысли Охотника.

«Мы больше никуда не бежим, — сказал он далекому Охотнику. — Если вы выслушаете нас, мы останемся здесь».

«Выслушать, Хьюланн?»

«Выслушать то, что я обнаружил. Я...»

«Должен ли я понимать твое заявление как то, что ты сдаешься мне?»

«И да и нет, Доканил. Но не это главное. Ты должен выслушать то, что я узнал о людях...»

«Лучше бы ты бежал. Если ты просишь о пощаде, ты для меня просто не существуешь».

«Ты не захочешь убивать нас, если услышишь то, что мне необходимо сказать».

«Напротив. Что бы ты ни сказал, это не влияет на Охотника. Охотник не рассчитан на сострадание. Охотника нельзя обмануть. Все, что ты планируешь, — бессмысленно».

«Послушай — и ты не убьешь...»

«Убью без предупреждения. Первым делом я устранию тебя. Это моя прерогатива, как Охотника».

Доканила унизили лишь раз в жизни. И, имея столь узкий диапазон эмоционального восприятия, Доканил намертво вцепился в свою жертву и лелеял себя надеждой устранить ее, какие бы глубокие чувства ни возникали в нем. Даже если эти чувства были унижением, гневом и ненавистью.

«Я знаю, где ты находишься, Хьюланн. Скоро буду».

«Пожалуйста...»

«Я иду, Хьюланн».

Хьюланн расширил диапазон своей передачи, повышая напряжение, в надежде что это не

укроется от какого-нибудь наоли из системы Второй Дивизии. Он передал:

«Я обнаружил жизненно важную информацию о людях. И это делает войну бессмысленной. Вы должны услышать. Люди...»

Но до того, как он успел закончить, в его мозгу возникли видения психологической настройки...

Он стоял на темной равнине. Безграничной. Тьма нигде не заканчивалась — ни впереди, ни сзади, ни по сторонам. Он был единственным возвышением на тысячи миль. Он стоял на подушке из лоз дикого винограда, которые, густо переплетаясь между собой, скрывали землю под ногами.

«Мы в незнакомом месте, — шептал жапевно голос настройки. — Это не родной мир наоли...»

В первый раз он наконец-то понял, что в промежутках между лозами винограда в глубине зеленой массы скрываются какие-то животные. Хьюланн слышал их шорох и движение. И хотя он не увидел ни одного подтверждения своему предположению, он не знал, почему представил их именно животными.

«Потому, что они животные», — пропел голос.

Он чувствовал прикосновение их лапок на ногах, они пытались опрокинуть его. И он знал, если они подберутся к лицу достаточно близко, они разорвут его на части, вгрызутся в его уязвимые зеленые глаза.

«Они умные...»

Хьюланн почувствовал, как кто-то выбирается из виноградных лоз и карабкается вверх по его ноге. Он легко отшвырнул тварь. И попытался убежать, но тут же обнаружил, что его ноги проскальзывают между лозами, проваливаются в норы, где *тварь* поджидал его...

Он упал и покатился, еле-еле высвободив ногу. По лицу текла кровь; в тот краткий миг, когда он упал, в него успели вонзиться звериные когти.

«*Бежать некуда. Они везде. Наоли нужно осознать это. Бежать невозможно, потому что звери последуют за наоли, куда бы он ни пошел.*»

Медленно-медленно он начал осознавать, что звери в виноградных лозах на самом деле не звери, а люди. Фазисная система в десятки раз увеличила его страх и снабдила картинами его же ужаса.

«*Единственное, что можно сделать, — это уничтожить их, или они уничтожат тебя.*»

Хьюланн понял, что у него в руках огнемет. Он направил его на виноград.

Желто-розовое пламя метнулось вперед, вспыхнуло среди ветвей и листьев.

Звери внизу пронзительно завизжали.

Горящие, они выскачивали наружу.

И умирали.

Но зеленые лозы не горели; наоли разрушил только то, что должен был разрушить.

А звери исполняли танец смерти на пылающих лапках, их горящие языки, глаза превращались в уголь, затем стали пепельно-серыми...

Хьюланн же наслаждался. Он улыбался. Хотел...

...и вдруг все стихло.

Он задохнулся. Желудки свело судорогой. Однако сну психологической настройки не хватило моши, чтобы нейтрализовать ту правду, которую он узнал. Люди не были злобыми врагами их расы. Они, в сущности, такие же миролюбивые, как и наоли. И все, что требовалось сделать, — это стравить Охотников с земными астронавтами. А простые граждане обеих сторон со своими хрупкими жизнями мирно сосуществовали бы друг с другом.

«Сон был твоим последним шансом, — сказал Доканил по Фазисной системе. — Я противился этому. Но остальные думали, что тебя можно достать».

Хьюланн ничего не ответил. Он открыл дверь, и его стошнило на песок. Когда оба желудка очистились, он понял, что голос Доканила все еще звучит в его мозгу.

«Я иду, Хьюланн».

«Пожалуйста...»

«Я знаю, где ты. Я иду».

Хьюланн разорвал контакт с Фазисной системой. И почувствовал, что постарел на семьсот лет за эти последние дни. Он был пустым, как статуэтка из дутого стекла, и ничего больше.

Мальчик вернулся к машине и залез внутрь.

— Ну как?

Хьюланн отрицательно покачал головой и завел мотор.

Бездеход рванулся вперед по направлению к бескрайней пустыне, к Убежищу в горах на западе...

Полчаса спустя Доканил привел свой вертолет на тот же холм, где Хьюланн остановился, чтобы установить контакт с ним. Он окинул взглядом песчаную равнину, камни, кактусы и усмехнулся. Улыбка в этот раз вышла широкой. Минутой позже он вытащил карту и начал изучать местность. Баналог некоторое время смотрел, как Охотник вычерчивает маршрут, затем спросил:

— Мы не последуем за ними?

— Нет, — ответил Доканил.

— Но почему?

— В этом нет необходимости.

— Вы думаете, они погибнут в пустыне?

— Нет.

— Что тогда?

— У наоли есть весьма дорогие и эффективные системы оружия, — хмыкнул Охотник. — Но ни одно из них не является более дорогим и более эффективным, чем региональный Изолятор.

Баналог почувствовал, как складки кожи на его черепе болезненно сжались.

— На территории следующих двухсот миль в начале войны люди хранили свой основной резерв ядерного оружия. Поэтому сюда и забросили Изолятор, чтобы самым эффективным способом отрезать землян от огромного числа их ядерных боеголовок. Изолятор до сих пор не дезактивировали. Так что он своими сенсорами сам найдет любого человека, создаст нужное оружие и поразит мишень. Мальчик, если он еще не умер, умрет до заката.

Баналогу стало плохо.

— Что же тогда будет делать Хьюланн? — размышлял Доканил. — Не могу даже предположить. Если они планировали направиться в Убежище, теперь это будет невозможно. Он не сможет попасть внутрь без помощи мальчика. Мы облетим область, контролируемую Изолятором. Здесь только одна трасса. Мы подождем у выхода и посмотрим, продолжит ли Хьюланн свое путешествие.

Он улыбнулся довольно широкой для Охотника улыбкой.

Глава 15

В стеклянном пузырьке, насквозь пронизанном пламенем, танцевал гномик. Ноги его были опутаны нитями волокна молочного цвета. Миллионы веревочек, как у марионетки, тянулись куда-то в неизвестность. Существо по

размеру было не больше человеческой ладони, но его охватывала энергия поразительной мощности. Существо дергалось, вальсировало и выделявало всякие па само с собой, молотило во все стороны крошечными ручками, прыгало и резвилось и так и этак, пока прозрачные стены его тюрьмы не заставляли его разворачиваться и кружиться в другом направлении. Оно скакало, кудахтало, хихикало и невнятно тараторило, смеялось над чем-то своим, разговаривало на несуразном и глупом языке.

Стеклянный пузырек медленно закачался, как будто гномик затеял мятеж.

Но вот он затанцевал еще яростнее, словно уловил какую-то несуществующую музыку. Он смеялся, хохотал и взрывался от радости, толкая крошечными ножками стеклянной тюрьмы. Он кружился, поднимаясь на носочки, подобно балерине, все быстрее и быстрее, изящно вскидывая коленки, зажатый в своем тесном сосуде. Его лицо пылало, и пот стекал с его плоти, выступая крошечным бисером на лбу, оставляя мокрые дорожки на кукольном лице. Он все кружился и кружился во все ускоряющемся темпе танца, пока не превратился в сплошной вихрь.

Затем его плоть начала медленно расти. Черты лица стали расплывчатыми и постепенно сошлись в одной точке. У существа больше не было ни носа, ни рта. Его глаза вспыхнули и заструились по лицу...

Он не замедлил своего движения. Из его груди вырывался смех, который не умолкал несмотря на то, что без рта вроде бы не покричишь. Он дергался, подпрыгивая, раскачивался, его мягкое кружение становилось все более беспорядочным по мере того, как ступни и ноги плавились, лодыжки сминались.

Теплые оранжевые языки пламени стеклянной сферы сменились вспышками яркого зеленого огня.

Расплавилась и одна его рука, вскоре ее и вовсе не стало, только большой палец зацепился за нижнее ребро. Через секунду точно так же исчезла вторая рука.

Изумрудный огонь поглотил все: гномик превратился в сплошную массу, напоминающую густой пудинг, полуживой гель, который только булькал и брызгал на стены маленькой сферы, пока, наконец, не замолчал...

Изолятор рассматривал стеклянный шар, жонглируя его содержимым, используя силу своих пальцев. Он начал было формировать желеобразную массу в какую-то фигуру, но внезапно почувствовал, как внутри сосуда произошло ослабление энергии, в результате чего разрушилась основа существа. Изолятор отбросил стеклянную сферу и понаблюдал за тем, как эта безделушка слилась с содержимым его временной массы. Он переварил все это, ожидая...

Ожидание — это именно то, для чего нали создали его. Ожидание и разрушение. Но пос-

леднего было так мало, а первого так много, с того самого времени, как наоли победили в этой войне, что Изолятор ныне просто горел жаждой действия (и пытался удовлетворить свои страсти, создавая игрушки, подобные гномику). Возможно, размышлял Изолятор, неразумно было создавать живое оружие. Но разве знали его создатели, в какую скуку может впасть мыслящее оружие. Ведь когда его создавали, думали только о работе, которую он должен делать. Но в этой работе больше не было необходимости.

Изолятор перестал думать об этом. Наоли устроили Изолятор так, чтобы он не думал о себе как о чем-то реально существующем больше двух секунд подряд. Таким образом, наоли могли быть уверены в том, что у него никогда не появятся собственные мысли, не включенные в его программу.

Так что Изолятор, побулькивавший внутри огромного чана, привел себя в боевую готовность и в очередной раз начал проверять мониторы, дававшие ему картину окружавшей его пустыни. Его пластиковые псевдоподы вытянулись до толщины не более двух молекул и, проникнув сквозь стенки емкости, в которой плавал Изолятор, потекли в теплые пески пустыни. Через какое-то мгновение он сформировал обширную сеть под поверхностью земли, раскинувшуюся на тысячу футов во всех направлениях. Такой первичный сбор данных не

имел особого смысла до тех пор, пока его механические помощники не приступят к обработке информации. Но для того чтобы хоть как-то побороть скуку, надо было что-то делать.

Он пульсировал под песком, выпустив наружу из подземного хранилища пятьдесят процентов своего тела. Изолятору хотелось проникнуть и дальше, чтобы исследовать прилегающую территорию. Но его физическая масса не могла распространиться дальше чем на тысячу футов от емкости. По-настоящему он не мог передвигаться. Он был просто вещью, а не индивидуумом, как бы он ни старался перекинуть мостик в полную осознанность своих действий.

Вещь, ничего больше.

Но очень умелая вещь.

Резкая боль, которая сигнализировала о тревоге, прокатилась от датчиков и пронзила его тело. Он моментально вырвался из песка и вернулся в цистерну. И первым делом сформировал глазное яблоко с тысячью гранями, чтобы трехмерным зрением просматривать группу экранов на наблюдательном пункте второго уровня. Впервые за долгие месяцы он почувствовал волнение. Большая часть его массы едва не умчалась сквозь все преграды в экранное помещение, он еле-еле сдержал себя, будучи уже на волосок от беды (по меньшей мере половина массы Изолятора должна была оста-

ваться в питающей его емкости). А на экране появился парящий над поверхностью песков вездеход, поднимавший за собой клубы пыли. С вездехода еще не подали предупредительный сигнал — а ведь любой наоли уже давно сделал бы это. Следовательно, это мог быть только человек...

Изолятор включил монитор на следующем пункте, к которому приближался вездеход, и выпустил пчелу-шпиона из вынесенного в пустыню хранилища. По мере того как пчела летела, пересекая пустыню, Изолятор управлял ее движением и наблюдал сквозь проекцию образов на экране все, что видело механическое насекомое. Через несколько мгновений перед ним в вихре песка появился вездеход. Изолятор направил пчелу прямо на него, к ветровому стеклу. Малютка миновала столб песка, метнулась к капоту машины и зависла в дюйме от окна. На экране появился наоли у руля, он внимательно вглядывался вперед, в блестящее полотно тепла, поднимавшееся с поверхности песка.

Изолятор почувствовал какое-то отчаяние при виде ящероподобного. Он уже собирался разрушить пчелу и переключить свое внимание на создание гномов или других игрушек, когда надумал направить ее взор к пассажирскому сиденью. А там он, конечно, увидел мальчика, Лео.

Времени для гномов больше не было.

Внутри своей емкости Изолятор праздновал столь знаменательное событие. Он вздыбился вверх огромными радостными волнами, прилипая к крышке цистерны, через которую при желании мог легко вылиться наружу. Затем он нырял в самого себя, пока наконец не прекратил отмечать импровизированный праздник и не занялся своей работой.

Ему предстояло совершить убийство.

— Посмотри-ка на это, Хьюланн, — сказал Лео, потянувшись вперед и натягивая автоматические ремни безопасности.

Хьюланн перевел взгляд. Не было необходимости так пристально следить за дорогой. Он просто использовал это как оправдание, чтобы избежать разговора. Он дал возможность своему сознанию проанализировать огромное количество информации, которое получил за такой малый промежуток времени. Хорошо было бы дать глазам отдохнуть.

— Посмотреть на что?

— За окном. Оса.

Хьюланн покосился вбок, но сразу разглядеть ничего не смог и попросил мальчика показать.

Лео потянулся еще дальше и ткнул пальцем в стекло по направлению к зависшей осе.

— Как это у нее получается? — спросил мальчик.

Хьюланн посмотрел туда, куда показывал Лео, и тоже увидел осу. И почувствовал, как кожа головы начала болезненно сжиматься от страха, который, казалось, взял его в тиски и уже мешал даже дышать.

— Как это у нее получается? — повторил Лео. — Она сопровождает нас, оставаясь неподвижной.

— Машина, — объяснил Хьюланн.

— Машина?

— Оружие наоли, — ответил Хьюланн, крепко сжимая руль и возвращая свой взгляд к зависшей перед ними электронной крошке. — Или, точнее, разведчик этой системы оружия. То, что управляет им, называется региональным Изолятором.

Лео нахмурился. Его глаза превратились в узкие щелки.

— Я слышал об этом. Но никто по-настоящему не знает, что это такое и как оно действует. Никто никогда не приближался к нему, чтобы обнаружить его местонахождение.

— Я знаю. Изолятор беспощаден и смертоносен. Он очень дорогостоящий и исключает возможность массового производства из-за большого количества времени, которое уходит на его создание. Во время войны их использовали крайне редко — иначе война закончилась бы еще раньше.

— А что это такое?

— Изолятор представляет собой огромную массу крупных клеток с овальными ядрами, оболочки самих клеток тоже довольно значительные. Общая масса должна быть такой же большой или даже больше, чем один из ваших домов.

Лео оценивающе присвистнул.

— Несмотря на миллионы составляющих частей, каждая клетка идентична предыдущей. Такое отсутствие клеточного разнообразия и клеточной специализации возможно потому, что каждая клетка этого существа приспособлена к самостоятельной деятельности и содержит в себе все жизненно необходимые процессы.

— Это похоже на одну большую амебу, сделанную из миллионов более мелких, — заметил Лео.

— Что-то вроде этого. Но она наделена возможностями, которые соответствуют эффективности Изолятора как оружия.

— Какими возможностями?

— Изолятор был создан на основе тех же технологий, которые используют для развития Охотников, и генной инженерии, хотя предметом на этот раз был не зародыш наоли. Это была маленькая желеобразная рыбка с моей родной планеты, животное, которое продемонстрировало зачатки интеллекта и способность учиться. Инженеры, занимавшиеся генными мутациями, исходили именно из этого,

и ходили слухи, что проект потребует более трехсот лет. Работа началась в конце одной из последних войн, в которую были втянуты наоли, но не была закончена, пока не разразилась новая война уже между нашими народами.

Изолятор насыщен силой Протея. Он может принимать любую форму, какую только пожелает. Он может распадаться на части и создавать органическое оружие. Если Изолятор того захочет, оно будет способно репродуцировать себе подобное до бесконечности. Таким образом, он является генным инженером, который для порождения детей использует собственную массу. И вдобавок ко всему, он разумен и не имеет ничего общего с машиной. Не такой, как я и ты, конечно, но достаточно умен, чтобы переиграть нас.

— Хорошего мало, — заметил Лео.

— Пожалуй.

— Но ты же не сдаешься, правда?

— Нет.

Лео ухватил Хьюланна за массивные бицепсы, крепко сжал их и улыбнулся чешуйчатому наоли. Хьюланн улыбнулся в ответ, хотя для веселья видел мало причин. Пчела-разведчик перестала висеть в воздухе и, с треском врезавшись в лобовое окно, разлетелась на дюжину мелких кусочков, оставив трещину на стеклопластике.

— Она разбилась! — воскликнул Лео.

— Изолятор настроил ее на самоуничтожение, — поправил его Хьюланн.

— Но почему?

— Не обольщайся надеждами, — вздохнул наоли, оттягивая губы и обнажая блестящую поверхность зубов; его ноздри расширились, а широко открытые глаза выглядели настороженными. — Если Изолятор разрушил пчелу, это может означать только то, что он уже построил для нас какое-то оружие и ему больше не нужен маленький механический монитор.

— О-о... — только и смог произнести Лео, вжавшись как можно глубже в свое кресло и наблюдая за небом, в котором уже начинал сгущаться вечер, окутывая все серым туманом, подобно отполированному стальному сосуду, которым кто-то накрыл мир. Лео разглядывал плоские залежи песка во всех направлениях, всматриваясь сквозь волнообразные пальцы раскаленного воздуха, который хотел ввести его в заблуждение.

— Я ничего не вижу, — сказал он наконец.

— И не увидишь, — отозвался Хьюланн. — Смерть приблизится слишком быстро.

— Что же нам делать?

— Ждать.

— Должен же быть выход.

— Можно попробовать сманеврировать, — задумался Хьюланн. — Мы можем заставить вездеход выложитьсь на полную катушку. Изолятор закрывает площадь в сто или двес-

ти квадратных миль, в зависимости от модели. Если мы полетим достаточно быстро и долго, то, глядишь, и сбежим с его территории... Хотя я никогда не слышал, чтобы кому-то это удавалось.

— Пессимист, — фыркнул Лео.

— Это точно, — согласился наоли.

Затем было черное небо.

Песок.

И что-то еще впереди, чего они не могли ни разобрать, ни представить, пока оно не оказалось прямо перед ними...

Внутри цистерны независимые друг от друга клетки Изолятора действовали, подчиняясь указаниям своего группового сознания. Хьюланн был прав, когда рассказывал мальчику о способности отдельной клетки воспроизводить себе подобных. Но интеллект зверя представлял собой единое целое. И все клетки были запрограммированы инженерами наоли на то, чтобы уважать потребность в групповом действии и ставить это превыше естественной необходимости и способности каждой частицы отделяться и жить в изоляции от других.

Материнская масса довольно бормотала, словно радостный толстый ребенок, растекаясь по дну цистерны и размышляя над имеющимся в ее распоряжении каталогом средств

уничтожения. Она задействовала все свое приданное, хотя и ограниченное воображение, чтобы видоизменить некоторые пункты в каталоге для создания чего-то еще более мощного, чем это предусматривалось в начале ее деятельности. Желеобразная масса сейчас была янтарной с изумрудными прожилками, такими же яркими, как свежескошенная трава, а также с серыми пятнами соединений клеток для выполнения различных специализированных функций в этот критический момент, когда использовался каждый ресурс общего организма.

Если бы кто-нибудь сейчас оказался в этой емкости, он испытал бы ни с чем не сравнимое чувство отвращения от запаха, запаха смерти и разложения, несмотря на то что происходил процесс рождения, а не смерти. Все новые образования появлялись из плоти Изолятора и лнули к теплым металлическим стенам, как в древнем фильме ужасов. Процесс рождения генерировался теплом, которое в свою очередь появлялось в сложном изощренном процессе творения, который материнская масса задействовала для развития своего вооружения.

Глубоко в механических сооружениях комплекса, вокруг цистерны Изолятора, пищевые и распределительные устройства увеличили подачу жидкого протеина, который поступал через дно емкости. Материнская масса жадно

поглощала его, тщательно распределяя так, чтобы каждая клетка получила все, что ей было необходимо, и пропустила к кормушке следующую клетку, столь чрезвычайно быстрый осмос не имел себе равных даже среди земных растений. Обслуживающие машины, чтобы удовлетворить резко возросшую потребность в пище со стороны Изолятора, открыли рецепторы поглощающих установок на поверхности и собирали песок, камни, сорняки и кактусы для преобразования их в жидкий протеин, одновременно получая воду из подземных источников при помощи других систем, которые выкачивали ее на поверхность.

Мягкая поверхность амебообразной массы вспенивалась подобно пудингу, взбиваемому изнутри миксером. Затем масса с треском раскололась и выбросила из своего чрева вверх желеобразную руку, которая лениво подрагивала в темноте и испарениях, исходивших из основного тела Изолятора. Шар сжатой в кулак ладони на конце руки оторвался и воспарил ввысь, как будто был легче воздуха. По мере того как шар, медленно вращаясь, поднимался, он начал вытягиваться из сферической формы в обтекаемую, наподобие ножа, хотя по размерам намного больше. С обеих сторон показались тонкие мембранны, которые раскинулись в стороны, помогая «ножу» передвигаться в парообразной дымке. Крылья по

своей природе больше напоминали перепончатые конечности летучей мыши, чем покрытые перьями крылья птицы. Существо взмахнуло влажными крыльями, что вызвало сильный треск внутри огромной емкости.

Процесс рождения свершился.

Медленно-медленно существо приобретало черты, которыми его наделило материнское тело. Лицо было худым и злобным. Особен-но на нем выделялись два глубоко посажен-ных глаза с бело-голубой катарактой, способ-ные воспринимать предметы в любом излу-чении. Посредством них материнская масса, заключенная в своей емкости, сможет видеть все, что увидит и ее «дитя». Длинный крюч-кообразный клюв был острым как лезвие бритвы. Маленькие конечности пресмыкаю-щегося заканчивались острыми, впечатляю-щей длины когтями.

Материнская масса снова радостно забормо-тала.

Подобие дьявольской летучей мыши вспор-хнуло к краю цистерны. Его прозрачные ле-дяные глаза сверкали, несмотря на полное от-сутствие света в этом подземелье. Существо прикрепилось к теплой металлической стен-ке при помощи присосок, выросших из круг-лого выпуклого брюха. Спокойно и умело оно расплавило форму и снова сгостилось в янтар-ную с серо-зеленым оттенком желеобразную массу. Спустя несколько мгновений оно про-

сочилось сквозь стенки цистерны. Распавшись на молекулы, оно устремилось, минуя металл, к песчаной поверхности чужого мира. Оно поднялось через рыхлую почву и вырвалось наверх, растекаясь во все стороны, бесформенное и подрагивающее. И когда все молекулы существа покинули станцию и материнскую массу, оно вновь приобрело форму летучей мыши, как кусок наделенного памятью пластилина, который возвращается к своим первоначальным очертаниям после того, как его безжалостно скомкали.

Оно расправило крылья и попробовало взмахнуть ими.

В свете дня существо напоминало и стервятника, и летучую мышь одновременно, хотя размерами превосходило их обоих.

Оно оттянуло назад голову и что-то визгливо прокричало. Станный звук эхом прокатился по равнине, отчего кролики стремительно метнулись в норы.

Покрытые катарактой глаза посмотрели на солнце, на голубое небо. Не колеблясь ни минуты, оно поднялось со скучной поверхности со скоростью пули, вылетевшей при выстреле из дула пистолета, и отправилось на поиски своей славы с невероятной жаждой разрушения. Это было его единственной целью. И оно стремилось к этой цели и обязательно должно было найти ее, чтобы оправдать свое существование.

Хьюланн заметил спускавшегося хищника всего лишь за долю секунды до того, как чудовище пронеслось над вездеходом с такой скоростью, что поток воздуха, порожденный его полетом, вырвал руль из рук наоли, и потерявшая управление машина сбилась с неровного, но надежного курса и покатилась по пустыне. Только и запомнилось, что какое-то движение, потом внезапно наступившая темнота и вихрь перед самым их носом. Вездеход описал круг, роторы жалобно захныкали от попавшего на них песка, что грозило остановкой.

Лео вцепился в ручку двери, на которую его отбросило, затем захрипел, так как ремень в последний момент обхватил его и рванулся назад к сиденью. На миг у него потемнело в глазах, и он ощущал себя человеком в невесомости, который не в состоянии осознать направление: отличить верх от низа, левое от правого.

Хьюланн ухватился за руль, но новый сильный поток воздуха, вызванный молниеносным пикированием чудовища, снова вырвал руль из рук наоли и закрутил его в обратном направлении, содрав кожу с рук водителя, когда тот попытался хоть как-то ухватиться за него.

В ветровое стекло полетел песок.

Машину затрясло, наклоняя то назад, то вперед; она быстро скатывалась к песчаным дюнам вокруг дороги. Если лопасти заденут хотя бы одну из них, авария неминуема.

— Какое огромное, — удалось прошептать Лео.

Хьюланн снова завладел рулем и держал его крепко всеми двенадцатью пальцами, как профессиональный гонщик, чтобы ничто уже не смогло ослабить эту мертвую хватку.

— Оно меньше, чем я ожидал.

Не успели они прийти в себя, как фрагмент Изолятора снова налетел и промелькнул всего в нескольких футах над крышей вездехода. Хищник был раза в три больше их машины. И хотя Хьюланн в этот раз подготовился к атаке, ничего у него не вышло. Поток ветра был таким мощным, что машина просто не подчинилась управлению руля.

Вездеход метнулся в сторону и раздавил при этом здоровенный кактус. Растение разлетелось на несколько мясистых кусочков. Водянистый сок фонтаном брызнул на машину, по ветровому стеклу потекли липкие струйки. И тут же поднятый в воздух песок прилип к мокрой поверхности стекла, лишая его прозрачности.

Хьюланн в ярости попытался привести в действие промывочный аппарат и «дворники», но машину сотрясало так сильно, что наоли отбросило от рычага. Если он не очистит окно, то не сможет управлять вездеходом, когда ветер стихнет, а это — конец.

Но очень скоро эта проблема перестала казаться жизненно важной, так как летучая мышь

уже стремительно летела назад, швыряя свое тело из стороны в сторону. Машину затрясло еще сильнее, и она снова понеслась по поверхности песка, подчиняясь невидимой силе.

Послышался глухой удар, когда они столкнулись с чем-то более твердым, чем кактус. Корпус вездехода загудел как колокол, а заднее окно со стороны Лео разлетелось на бесчисленное множество осколков стеклопластика. Машина подскочила и вместе с пассажирами снова понеслась куда-то вперед, продолжая свою кошмарную гонку.

Хьюланн ожидал, что чудовище в любой момент столкнется с ними. Разбиться оно не могло, так как являло собой часть материнской массы Изолятора и поэтому было бессмертным. Оно запросто могло протаранить вездеход, разрушить его и превратить обоих беглецов в кровавое желе, которым так удачно заполнилась бы уже приготовленная емкость. Так почему же оно до сих пор не сделало этого? Хьюланн не мог понять. Сцепив зубы, он ждал нападения.

Рев ветра затих, и машина постепенно приобретала устойчивость. Пока позволяло время, Хьюланн потянулся вперед, включил стеклоочистительную систему и понаблюдал, как смывается толстый слой песка и клейкого сока кактуса. Когда сквозь окно уже можно было следить за дорогой, они обнаружили, что направляются прямиком к нагромождению об-

ветренных скал пятисот футов в высоту и не меньше мили в длину.

— Хьюланн! — закричал Лео.

Но совет ему был не нужен. Наоли навалился на руль всем своим телом и развернул машину за какой-то момент до столкновения.

Когда они совершали этот резкий маневр, машина боком задела скалу, и они неслись вдоль линии камней более тысячи футов, а от катастрофы их спасло только то, что Хьюланну удалось справиться с управлением и вывести вездеход назад на равнину. Металл скулил и визжал, как живой. Из камней при столкновении выбило сноп искр, которые проплясали мимо стеклопластика окна всего в нескольких дюймах от лица мальчика.

Скалы промелькнули так стремительно, что потеряли всякие очертания и запечатлелись в глазах как сплошное серо-бурое пятно мельтешащего цвета. Пол кабины усыпали каменные осколки. Внешнюю ручку на той стороне снесло, так как болты заклепки не выдержали напряжения.

Ремни удержали их от того, чтобы врезаться в переднее стекло, но они ничего не могли противопоставить скачкам их машины вверх-вниз, она вела себя не хуже необъезженной лошади. Лео сильно ударился о потолок, но когда он потирал ушибленное место, то заметил, что Хьюланна побило еще сильнее, так как при его огромном росте требовался лишь

незначительный толчок, чтобы достаточно близко познакомиться с крышей.

Когда они чуть-чуть отлетели от скалы, хотя и продолжали двигаться вдоль нее, к ним вернулось подобие здравого смысла и чувства безопасности.

— Где оно? — спросил Лео.

Хьюланн посмотрел на небо и заметил летучую мышь слева от них; та медленно парила над иссушенной землей пустыни. Он показал ее Лео и переключил свое внимание на дорогу.

— Почему она не нападает? — поинтересовался Лео, вытянув голову, чтобы лучше видеть, как чудовище парит на двух огромных крыльях. Оно наблюдало за ними — до крайней мере его молочно-белые глаза были устремлены в их направлении, но что чудовище намеревалось сделать — было неясно.

— Не знаю, — пробормотал Хьюланн. — Но если бы и знал, не думаю, что мне стало бы от этого лучше.

— У нас есть какое-нибудь оружие?

— Ничего.

Лео поежился.

— Думаю, что никакое оружие здесь уже не поможет.

Они продолжали лететь вперед.

Справа промелькнула скала.

Летучая мышь сопровождала их слева, придерживаясь того же курса, постепенно прибли-

жаясь, сокращая расстояние между ними. Но делала она это без всякой цели.

Хьюланн уже начал надеяться, что медлительность хищника означает, что они приблизились к границе, за пределы которой влияние Изолятора не распространяется, и им скоро удастся вырваться на волю, где он их уже не достигнет.

Надежде не суждено было сбыться. Над пустыней пронесся резкий визгливый воинственный вопль, который вернулся, отзовавшись эхом в горах. И какой-то миг спустя после этого истошного визга существо развернулось и полетело прямо на них, чтобы нанести последний, смертоносный удар...

— Вот оно, — выдохнул Лео.

Хьюланн обругал вездеход, жалея, что никак не может выжать из него больше мощности, не может заставить его двигаться быстрее. В то же время он прекрасно понимал, что и пытаться бесполезно, так как творение Изолятора способно накапливать столько энергии и развивать такую скорость, какую не в состоянии выдавить из себя ни один механизм. Существо превосходило любую машину, так же как и любого наоли, в искусстве разрушения.

— Хьюланн! — закричал Лео, ухватив наоли за плечо и указывая ему на приближавшуюся чудовищную мышь. — Смотри! Что происходит?

Хьюланн оторвал глаза от дороги впереди и взглянул на оружие Изолятора. Птица начала менять очертания. Крылья сморщились, а туловище расплющилось, теряя обтекаемую форму. Морда стала плоской, черты ее стремительно разрушались — кроме глаз, которые, казалось, спрятались за кристаллической оболочкой. Когтистые лапы тоже исчезли. Через мгновение существо трансформировало себя в сплошную пульсирующую пластиплоть.

Существо явно собиралось покрыть последнее сто футов, используя свою кинетическую энергию, затем врезаться в вездеход и отбросить их к скалам.

Хьюланн нажал на педаль акселератора.

Но машина и так шла на пределе.

Огромный шар Изолятора впечатался в вездеход с мягким глухим шлепком и перевернулся на бок, прижав крышей к скале и забивая собой лопасти винтов. Потом Изолятор осмотрел машину со всех сторон. Бесцветная маска с прожилками янтаря и изумруда. Серые вкрапления больше не были видны, — возможно, их выбелило раскаленное солнце, предпочитая более яркие оттенки.

Хотя вездеход лежал на боку, ремни прочно удерживали их в сиденьях и Хьюланн не упал на Лео. Иначе он просто раздавил бы мальчишку. Наоли крепко держался, хотя все его тело пронизывали нервные судороги, когда это чудовище за стеклом искало способ проникнуть внутрь.

— Как ты? — позвал мальчика Хьюланн. В салоне царил полумрак, так как Изолятор заслонял своей массой солнечный свет. Только слабое оранжевое свечение проникало сквозь его плоть в кабину.

— Я здесь, — откликнулся Лео. — Что нам делать, Хьюланн?

Наоли молчал.

— Нам будет больно?

— Нет.

Лео внимательно наблюдал, как желеобразная субстанция скользит по стеклу, пузырясь и довольно бормоча что-то, на расстоянии всего лишь вытянутой руки от них.

— Что будем делать? — спросил он Хьюланна.

— Я ничего не знаю.

— Но можем же мы хоть что-то сделать.

Хьюланн с трудом поборол искушение ускользнуть в заманчивый уголок мертвого сна. Его тело изнемогало под огромным грузом пережитых событий, которые сильно подточили его силы, и жаждало освободиться от накопившегося непосильного груза. Как хорошо было бы заснуть... И умереть...

Если бы не мальчик. Он зашел слишком далеко, прошел через многое и лишился всего, чего достиг в своей жизни. Может, он просто недоработка своих же инженеров? Может, он совершал что-то недостойное, ввязавшись во все это?

— Смотри, — спокойно проговорил Лео. Его голос снизился до едва уловимого шепота. И Хьюланн не мог не заметить, что мальчику было страшно.

На стыке двери с корпусом машины со стороны Хьюланна было слышно, как Изолятор настойчиво пытается проникнуть внутрь, пропихивая тонкую струйку липкой массы в их убежище. В янтарном полусвете это было даже красиво...

«Голубая стрела» мчалась по рельсам, которые находились не в лучшем состоянии, так как их почти насквозь проела ржавчина. Приближалась гроза. Но Дэвид не слышал раскатов грома из-за грохота колес.

Он с интересом наблюдал за дорогой, которая вызывала у него легкое чувство страха. Возможно, он сейчас умрет, но с этим ему легко было смириться, так как он давно уже жил на время, которое получил взаймы.

В небе сверкнула молния и коснулась земли в нескольких милях от Дэвида. Игра теней над пустыней и рельсами была восхитительна. Дэвид улыбнулся и откинулся еще глубже в кресле.

Двери «Альпийского приюта» были распахнуты, и только снег находил себе дорогу в гостиницу. Он проникал в огромный вестибюль,

сыпался на кресла, которые стояли друг напротив друга, переглядываясь через журнальный столик. Длинные белые пальцы пороши вцепились в ковер и запустили свои когти в плюшевые диваны. Котельная, которая находилась в задней части заведения, за кухней, была седая как Мафусайл. Огромные сосульки свисали с водопроводных кранов, а весь пол устипало белое покрывало.

Все было спокойно.

Где-то в глубине подвала уютно устроилась пара котов, тщательно вылизывавших друг друга. Казалось, они в тысячный раз задумывались над тем, почему здесь больше нет гостей...

Охотник Доканил стоял у скоростной трассы, ведущей за пределы пустыни. Он уже переоделся в более подходящую для местной погоды одежду — шинель никуда не годилась. На нем был легкий пористый костюм из материи, которая по виду напоминала кожу, а на ощупь — шерсть. На плечах красовались те же эмблемы когтистой лапы в окружении орнамента из острых когтей. И на нем по-прежнему были перчатки и ботинки, так как конечности его были очень чувствительными.

— Что-нибудь видно? — спросил Баналог из-за спины.

Охотник не ответил.

— Может, они уже погибли, — предположил Баналог.

— Сейчас слетаем и поглядим, — отозвался Охотник.

Баналог покосился на бескрайнюю пустыню, которая виднелась сквозь горный проем. Надеяться на то, что они погибли, было бы слишком эгоистично. Но если бы они были живы, то наверняка попытались бы вступить с ним в контакт. После чего за ними последовал бы Охотник Доканил или кто-нибудь другой.

Небо разверзлось и выпустило из своих недр сплошное полотно дождя на измученную жаждой землю. Доканил развернулся и поспешил к вертолету, в теплую сухую кабину. Дождь был слишком холодным для чувствительного Охотника.

Высоко над Землей в стратосфере носились облака пыли и обломков, взметнувшихся на такую высоту в результате ядерных взрывов, которые произвели люди в последние дни войны. Обломки летали каждый по отдельности или собирались в небольшие группы. Длинные потоки пыли, бумаги, деревянных обломков и прочего мусора — все это вращалось на орбите в течение нескольких недель или даже месяцев, пока вновь не оседало на обожженную планету.

Обломки костей.
Вращающиеся вокруг Земли.
По орбите.
Медленно падающие на Землю.

Глава 16

В пульсирующей массе янтарной плоти, прижатой к стеклопластиковому ветровому стеклу вендехода, Изолятор сформировал глаз, один из тех бело-голубых шаров, которые совсем недавно украшали его летучую мышь. Он пристально рассматривал Хьюланна и мальчика, пристегнутых ремнями, и наблюдал, как его собственная плоть медленно просачивается внутрь машины, чтобы уже оттуда легко добраться до пассажиров. Все это было похоже на то, как если бы они на какое-то мгновение зависли на нити времени в ожидании Приговора в день Страшного Суда, прекрасно понимая, что окончательное решение их участия будет незавидным.

— Ты можешь завести машину? — спросил Лео, в страхе отпрянув от двери со стороны наоли, по мере того как желтоватое желе медленно, но настойчиво нажимало на дверь кабины.

— Это мало чем поможет. Мы не сдвинемся с места. Оно зажало нас как в тисках. Во-первых, мы на боку и прижаты к скале. Во-

вторых, даже если бы мы стояли прямо, масса Изолятора достаточно большая, чтобы без труда лишить нас возможности двигаться.

А глаз Изолятора уже проник в кабину. Он вытянулся и стал величиной с руку Хьюланна. Он колебался в воздухе перед самым носом наоли, словно змея, выглядывающая из корзины факира. Тем не менее Изолятор не нападал на Хьюланна. Казалось, вместо этого он пробирается к Лео.

— Ну конечно! — воскликнул Хьюланн совершенно несчастным тоном.

— Что?

— Мы не могли понять, почему он не разрушил вездеход, используя свою летучую мышь. Он и не мог. В его программу встроён очень важный пункт — никогда не убивать наоли. И если бы он уничтожил машину, я бы погиб точно так же, как и ты. Единственный способ добраться до нас — это проникнуть внутрь кабину. Он убьет тебя и оставит меня одного.

Внезапно Изолятор устремился сквозь металл и стекло, проталкивая свою массу сквозь молекулы, составляющие машину, и закапал сразу из сотни разных мест. Через пару-другую секунд его уже будет достаточно, чтобы убить мальчика.

Не помня себя, Хьюланн решил завести мотор в надежде, что заставит Изолятор отпрянуть настолько, чтобы можно было раскачать машину вправо и вверх и вырваться из его пле-

на. Но он знал, что такая стратегия просто бесмысленна, так как Изолятор ничем нельзя удивить. Он был слишком умным для этого. Единственный способ победить это страшное существо — разделить его на множество частей, и чтобы ни одна из них не сохранила в себе понятие целенаправленного движения...

Вот и ответ. В дикой суматохе мыслей, перескакивая от одного к другому, сверхразум наоли обнаружил только один способ, который мог сработать. Хьюланн изогнулся, подкачал топлива и потянулся к ключу зажигания.

— Ты же сказал, что это бесполезно, — обронил Лео.

— Может быть. Но мне только что пришло в голову, что если мы на боку, то Изолятор прочно прилип к пропеллерам и, возможно, даже протек между ними.

Лео усмехнулся. Хьюланна восхитила способность землянина не терять чувства юмора даже при таких ужасных обстоятельствах.

Он повернулся к замку, повернул ключ и услышал, как мотор закашлялся. Но не завелся.

Амебообразная масса внутри машины выросла уже размером в половину Лео и продолжала разрастаться с каждой секундой. Она тянулась к мальчику, расплескиваясь по сиденью, янтарные щупальца ощущали его близость.

Хьюланн снова включил зажигание.

Вездеход застонал и затрясся. Но затем лопасти винтов, как бы запинаясь, все-таки начали вращаться и вдруг ожили, вгрызаясь в огромную массу Изолятора, разрывая ее в тысячную долю секунды на мельчайшие лоскутки и расшвыривая их во всех направлениях.

Масса внутри вздрогнула и забилась в конвульсиях, словно эпилептик. Волна псевдоплоти устремилась к металлу и стеклу, через которые она проникла внутрь машины. Изолятор был в недоумении, возможно, испытывал что-то вроде паники. Он пытался оторваться от стекла и освободиться от машины. И ему почти удалось спасти большую свою часть, зажатую роторами, где ее разрезало на бесполезные сегменты и разбрасывало в горячем воздухе.

— Качай машину! — Хьюланн пытался перекричать вой винтов. — Одновременно со мной.

Он начал раскачивать вездеход взад-вперед, делая больший упор на левую часть.

Лео присоединился к нему, явно воспрянув духом.

В конце концов машина отклонилась достаточно далеко и плашмя упала на брюхо, затем подпрыгнула на резиновом кольце, опоясывающем дно машины, и пролетела пару футов над песком на воздушной подушке. Хьюланн намертво вцепился в руль, нажал слегка поврежденной ногой на широкую педаль акселератора, и машина заскользила по направлению

к дороге, от которой совсем недавно их увело летучее существо.

— Что теперь? — осведомился Лео.

— Набираем ход, — прохрипел Хьюланн. — Если повезет, сможем убежать от Изолятора до того, как он изобретет новое оружие.

— А как же это? — спросил Лео, указывая на холмик подрагивающей липкой плоти на полу между ними.

— Он слишком маленький, Изолятор не сможет управлять им, — ответил Хьюланн. — Эта часть теперь принадлежит сама себе, но не обладает разумом. Мы потерпим ее присутствие, пока не выедем за пределы опасной территории. Мы не можем тратить время на то, чтобы останавливаться и выкидывать это из машины.

Лео прислонился к двери, пристально следя за шаром псевдоплоти, хотя сейчас тот действительно казался совсем безобидным, как и сказал Хьюланн.

Спустя полчаса Хьюланн наконец почувствовал облегчение. Он был уверен, что Изолятор не собирается преследовать их, так как испытал что-то вроде физического шока, когда всю его огромную массу разорвало винтами вездехода на отдельные неуправляемые составные. Даже если Изолятор и оправился от всего этого к настоящему моменту, ему

уже слишком поздно создавать новое оружие. Хьюланн очень надеялся на это. Впереди, в миле или двух Хьюланн заметил проем в горах, ведущий за пределы пустыни, что, по-видимому, означало конец владений Изолятора. За горами — свобода...

Поднимавшийся над вершинами гор вертолет Доканила напоминал стрекозу, слабо выделяясь серой точкой на более светлом фоне неба.

Нога Хьюланна потянулась было к тормозам, но затем изо всех сил нажала на педаль акселератора. Если они остановятся, то не много выиграют. Правда, если попадутся Охотнику, получат не больше. Но Хьюланн считал, что принял единственно правильное решение.

Он посмотрел на мальчика. Лео, съежившись, глядел назад.

Хьюланн снова переключил внимание на дорогу, направляя машину к возвышавшимся впереди горам. И то, что совсем недавно казалось свободой, теперь было наполнено каким-то страхом, неуверенностью и мукой.

Вертолет изменил курс и начал спускаться прямо на них. Казалось, по мере приближения он увеличивал скорость, хотя это было только иллюзией их взаимного сближения. За пузырчатым стеклом можно было различить очертания двух наоли. Один из них — Доканил, другой — травматолог Баналог. Даже издали Хьюланна поразило то, что он увидел, —

усмешка, расколовшая тяжелые черты лица Охотника, который явно предвкушал торжество предстоящей победы.

Все ближе...

Хьюланн ждал выстрела реактивной ракетой, которая рассеет вездеход и их обоих среди песков.

Однако вертолет без видимой причины резко взмыл вверх, отклонился вправо и пролетел мимо них. Даже Хьюланна озадачил такой маневр. Но в этот момент совсем низко над ними пролетела огромная летучая мышь, подняв целый вихрь песка своим стремительным движением; она прошла всего в нескольких дюймах от вертолета. Если бы Доканил не поднялся и не заложил крутой вираж, второе оружие Изолятора врезалось бы в него лоб в лоб. А так лопасти пропеллера пронзили выпуклую плоть протеинового существа и, запнувшись, остановились. Вертолет накренился, застонал при попытке Охотника снова завести его и упал с высоты тридцати футов на песок пустыни.

Стремясь убить мальчика до того, как вездеход вылетит за пределы досягаемости, Изолятор нарушил планы Охотника, хотя тот имел все шансы уничтожить машину Хьюланна. А теперь беглецы ускользнули за пределы владений Изолятора и мчались по пустыне, оставив последний мониторный пункт наблюдения далеко позади. За их спинами гигантское мышеподобное существо пересекало небо взад-вперед.

ред, скорбно вглядываясь за пределы своего диапазона видения.

Лео скорчился от смеха. Его лицо покраснело, а по щекам катились слезы.

— Он был совсем рядом, — прошептал Хьюланн.

Лео заливался смехом, и очень скоро его веселье передалось и наоли, на лице которого тоже появилась улыбка. Они плавно скользили над землей. Шелест работающих винтов прерывался взрывами их смеха.

Шесть часов спустя Доканил вылез из своего помятого вертолета возле брошенного вездехода Хьюланна. Ярость в его сознании не знала границ. Пальцы Охотника подрагивали, ему до боли хотелось увидеть, как вырвавшееся из них пламя пожирает беглецов, как они корчатся, извиваются и обугливаются в агонии смерти. Он просто жаждал всего этого. Ему так хотелось насладиться этим зрелищем. Хьюланн и Лео, наверное, думают, что вертолет преследователей полностью вышел из строя и Охотнику придется ждать другого. Они явно не ожидают, что он так скоро снова вышел на след.

— Их нет здесь? — спросил Баналог, выходя из вертолета.

Доканил не ответил. Он осматривал две стальные параллельные ленты железной доро-

ги. И размышлял. Он осмотрел рельсы своим сверхчувствительным зрением и попытался предположить по отметкам, оставленным тормозами, откуда ехал поезд и куда он направился после того, как подхватил двух новых пассажиров. Он не мог даже представить, кто бы это мог вести поезд. Но скоро он узнает.

Он посмотрел на запад и напряженно улыбнулся. Ему приказали по возможности вернуть Хьюланна и человека живыми для того, чтобы травматолог мог обследовать их. Но Доканил-Охотник знал точно, что поведет их к смерти. Только это могло облегчить его ярость. Смерть... и ничего кроме смерти...

Внутри стеклянного шара, зависнув в темноте и жаре над пульсирующей материнской массой, наоли и человеческий детеныш, каждый не больше ладони, танцевали в мерцающих оранжевых огнях. Они испытывали страшную боль по мере того, как Изолятор увеличивал давление в шаре до такой степени, что их барабанные перепонки лопались, а из носа шла кровь. Находясь далеко от момента своей смерти, они долго-долго жили и страдали.

Изолятор смотрел на это.

Мальчик упал на колени и согнулся, как зародыш в утробе матери, пытаясь убаюкать боль и облегчить свои страдания.

Изолятор резко выпрямил его.
И еще повысил давление.
Из глаз наоли хлынула кровь.
Оба существа в стеклянном шаре пронзительно кричали.

Изолятор изменил огонь внутри. Из оранжево-красного он превратился в едко-изумрудный. Плоть обоих миниатюрных существ охватило зеленое мерцание. И подобно гномику, которого Изолятор делал до них, беглецы начали таять.

Они царапали стекло в безнадежной попытке выбраться.

Изолятор наделил их разумом и эмоциями, чтобы сделать их страдания более приятными для себя.

Они начали растворяться.

Вот от них остались только куски подрагивающей плоти.

Изолятор сохранял им сознание до последнего момента, пронизывая волна за волной мучительными страхом и болью.

Затем Изолятор уронил шар в свою массу и переварил его. Мало забавного в этих играх. Не по-настоящему. Он не мог вырвать из своего сознания мысль о том, что провалил настящее дело. Но кто же ожидал, что наоли выступит против своего же оружия? Изолятор думал, что ящерообразный, наоборот, поможет ему. А он заодно с человеком! Наоли только помешал!

И полужидкое существо что-то бормотало, оставаясь при этом совершенно неподвижным.

На поверхности живого пудинга снова появился стеклянный шар и завис в темноте. Внутри на этот раз был танцующий гномик, пронизанный белыми нитями. Он весело смеялся сам над собой.

Глава 17

Когда Хьюланн наклонился над плечом Дэвида, чтобы посмотреть, как молодой человек задает программу целому комплексу компьютеров на простой панели управления поездом, парень чуть не подпрыгнул с водительского сиденья, как будто его пронзила пуля. Он затрясся всем телом, как от боли. Его лицо мертвенно побледнело, подобно выбеленному распаленным солнцем сухому песку, а глаза, вращаясь, едва не вылезли из орбит. Хьюланн, шаркая огромными ногами, подошел к окну, чтобы посмотреть на проносящиеся мимо места.

— Я же говорил тебе, что он не сделает нам ничего плохого. Он нам друг, — раздраженно бросил Лео.

Дэвид с опаской посмотрел на спину Хьюланна, тяжело вздохнул и выдохнул:

— Извини.

Хьюланн беззаботно махнул рукой, чтобы показать, что инцидент исчерпан. Он и не

ожидал, что этот почти взрослый человек, воспитанный в течение двадцати лет антина-ольской пропагандой, откликнется на призыв к сотрудничеству так же легко и просто, как одиннадцатилетний мальчик, чей разум все еще был чистым и открытым для любых перемен. Он помнил, как ему самому не хотелось прикасаться к мальчику, когда он помогал обрабатывать рану. Насколько же труднее в таком случае побежденному привыкнуть к близости того, кто несет ответственность за уничтожение всей человеческой расы.

— Почему ты не садишься? — спросил Дэвид. — Я немного нервничаю. По правде говоря, когда вы вот так разгуливаете позади меня...

— Я не могу удобно сесть, — объяснил Хьюланн.

— Что? — не понял Дэвид.

— Его хвост, — вставил Лео. — В твоих си-деньях нет отверстия для того, чтобы хвост мог свободно свисать на пол. А хвост у наоли очень чувствительный. Им больно, когда они сидят на нем.

— Я не знал.

— Вот поэтому ему и приходится стоять.

Сконфуженный Дэвид вернулся к пульту управления и закончил набирать на дисплее инструкции для компьютера. Еще вчера, совсем недавно, он, такой спокойный и довольный, летел в своем волшебном вагоне на мяг-

ких и бесшумных колесах; а сегодня он везет наоли через всю страну и не в состоянии больше отличить врага от друга. Это началось вчера, когда он боковым зрением заметил, как что-то похожее на вездеход движется вместе с поездом, стараясь быть незамеченным.

Но еще до наступления сумерек он оказался в месте, где какие-то обломки преграждали путь, и Дэвид был вынужден остановить «Голубую стрелу» и разузнать, в чем дело, прежде чем двигаться дальше.

Преграда представляла собой три столкнувшихся между собой изуродованных вездехода. По обе стороны пути вся обочина была завалена ветхими и прогнившими машинами. Когда-то здесь жило много людей. Такие «дикие» области были разбросаны по всему миру. Люди стекались в глушь в поисках убежища от горящих, взрывающихся, разрушающихся, наводненных врагами городов, где громыхали основные бои. Но наоли пришли и сюда. И в попытке убежать любой ценой люди сталкивались друг с другом в суматохе охватившего их отчаяния. Дэвид не стал слишком внимательно осматривать останки, опасаясь, что увидит лишь скелеты их водителей, костлявые пальцы, сжимавшие руль, и пустые глазницы, все еще пристально рассматривающие ветровое стекло.

Но когда Дэвид в конце концов решил устранить обломки крушения, сдвинув их бампером локомотива, и таким образом расчис-

тить себе дорогу, вернувшись на борт «Голубой стрелы», он лицом к лицу столкнулся с наоли.

Первым порывом было схватиться за оружие, хотя ничего смертоносного у него с собой не имелось, да Дэвид и не относился к тому типу людей, которые охотно прибегают к оружию, даже если оно у них есть. Вторая мысль подсказала ему бежать. Но вдруг он увидел рядом маленького мальчика, который не проявлял никакого страха, а рассудок его не казался притупленным каким-либо наркотиком. Поколебавшись какое-то время, Дэвид понял, что бежать уже поздно. Хьюланн и Лео тем временем взволнованно выкладывали свою историю, перебивая при этом друг друга⁴ в суматохе рассказа. Он слушал их, онемевший, сначала не в состоянии поверить, но вскоре теория о взаимосвязи Охотников и астронавтов просто покорила его. Наоли воспринимали в лице астронавтов всю человеческую расу. Это было так глупо, просто до ужаса комично. Поэтому могло оказаться правдой.

Запасы энергии вездехода беглецов подошли к концу, а пополнить их было негде. Они предложили отправиться втроем на «Голубой стреле», так как поезд в любом случае двигается быстрее, чем машина. Они предполагали, что Дэвид едет в Убежище, — хотя ему трудно было поверить, что Хьюланн тоже хочет направиться туда.

Сейчас они пересекали Калифорнию, после того как всю ночь мчались на полном ходу. Вскоре можно будет начинать поиски Убежища, для того чтобы оказаться в безопасности и начать новую жизнь — если Хьюланн не подведет их.

Однако пока на дисплее компьютера альми буквами появлялись ответы на программу Дэвида, Хьюланн прижал ладонь к оконному стеклу, как будто хотел его выдавить, чтобы лучше рассмотреть что-то. Его четыре широкие ноздри были открыты, а дыхание немногого затруднено. Внезапно его хвост щелкнул и обвился, подобно змее, вокруг массивного бедра.

— Что такое? — спросил Лео, покидая место водителя рядом с Дэвидом.

— Доканил, — ответил Хьюланн. И указал в небо. Высоко над ними летело маленькое бронзовое пятнышко на фоне высоких облаков. Оно следовало за ними, сохраняя постоянную скорость. Это не могло быть простой случайностью.

— Может, он не видит нас? — предположил Лео.

— Видит.

— Да, наверное, ты прав.

Хьюланн и Лео наблюдали за ним, пока по толстому стеклу не забарабанили огромные грязные капли дождя. В темной пелене они потеряли вертолет из виду.

«Голубая стрела» с грохотом продолжала свой путь, хотя само небо, казалось, опустилось, а облака тащились рядом на расстоянии вытянутой руки. Четыре больших резиновых стеклоочистителя с трудом двигались туда-сюда, отстукивая гипнотический и меланхолический ритм: тук-тук, тук-тук, тук-тук, и тщательно сметали воду с ветрового стекла в водосборные выемки, издавая при этом громкое хлюпанье.

Доканил нанес удар так стремительно, что они не успели даже удивиться. Он вынырнул из гонимых ветром облаков в каких-то нескольких сотнях ярдов впереди и понесся к ним чуть ли не в паре дюймов над рельсами. По бокам вертолета торчали дула оружейных установок вертолета, и из одного с треском вылетел реактивный снаряд размером с ладонь.

Беглецы непроизвольно попытались как-то укрыться от близкого взрыва и попадали на пол, обхватив голову руками. Однако их почти подняло на ноги, когда поезд потряс взрыв снаряда, разорвавшегося в сотне футов по ходу впереди, окрасив все вокруг малиновым заревом. Доканил не собирался убивать сразу — отмщение на таком расстоянии не освободило бы его от унижения, которое он испытал все-го раз в жизни. Охотник хотел только, чтобы поезд сошел с рельсов и он легко мог добраться до его пассажиров, чтобы лично свести с ними счеты...

Передние колеса поезда соскочили с искореженных стальных полос и завязли в предательском песке. Локомотив поезда накренился и медленно упал на бок. Он безжалостно тянул за собой и остальные вагоны, срывая их с рельсов и с шумом бросая на влажный песок. Резкий, визжащий металлический скрежет усиливался, пока не превратился в злобный не-вообразимый натиск на уши. Но стих так же быстро, как впадает в сон измученный человек.

Дэвид почувствовал, как у него струится кровь из многочисленных легких ссадин на черепе и из глубокой раны на виске. Первый раз в жизни он полностью осознал смысл этой войны. Удар пришелся ниже пояса. До этого момента он был оторван от войны. Дэвид всегда говорил себе, что долг писателя — оставаться в стороне от остального поколения. Позже он сможет дать свою оценку происходящему. Но сейчас кровь была настоящей.

Их раны кровоточили и нестерпимо болели, когда они поднялись на ноги внутри разбитой, перекошенной кабины и начали пробиватьсь наверх, где их уже ждал Охотник Доканил. Его фигура отчетливо вырисовывалась на фоне светло-серого уныния дождливого неба.

Упало несколько капель дождя.

Где-то прогремел гром.

Снаружи перевернутого корпуса «Голубой стрелы» три беглеца наблюдали, как Доканил гордо вышагивает перед ними, вспоминая мель-

чайшие подробности своих тщательных поисков, начиная с момента тревоги по Фазисной системе. Если бы так себя повел обычный человек или наоли, такое поведение можно было назвать просто хвастовством. Но перед ними был Охотник. Он не просто возвеличивал самого себя. Во всем этом чувствовалось что-то зловещее, переходящее в неприкрытый садизм.

Закончив свой рассказ, Доканил стал подробно описывать, что собирается сделать с беглецами и какая ужасная участь ожидает их. Он явно испытывал удовольствие, что получил-таки возможность самолично привести в исполнение смертный приговор, и упивался ожиданием этого. Когда же Баналог напомнил, что Доканилу приказали вернуть пленников живыми, то Охотник метнул в сторону травматолога взгляд, в котором читалась явная угроза. Сделав это, он решил начать свое мщение со смерти Дэвида. И снова он вынул из кармана ничем не прикрытую руку, пошевелил пальцами. Дэвид, попав в струю невидимого оружия, почувствовал вокруг себя огонь.

А Доканил играл пальцами, разводил ими в разные стороны, не прикасаясь к телу человека, затем, используя одну кисть, увеличил силу мучительного воздействия на правую руку Дэвида. Одежда вспыхнула и сгорела, обнажив руку, осыпалась пеплом на землю.

— Перестань, — слабо умолял Баналог.

Доканил не обратил на него никакого внимания.

Верхний слой кожи на руке Дэвида сморщился, как будто был стремительно обезвожен, после чего на ней появились трещины, открывая взгляду розовые мышцы, которые тут же стали коричневыми, подчиняясь оружию Охотника. Послышался запах жареного мяса.

Дэвид пронзительно закричал.

Лео тоже кричал, обхватив голову руками, так как в его памяти всплывали жуткие картины: отец возле гранатомета, изуродованный, разорванный на куски... обуглившийся... мертвый...

Хьюланн обнял и прижал мальчика к себе, чтобы тот не видел того, что происходит с Дэвидом. К собственному удивлению, он воспринимал этого ребенка одним из своего потомства, из своего выводка. Когда он прикоснулся к мальчику, то почувствовал его тепло. Человечек уже не был таким ужасным и пугающим, как тогда, в первый раз, когда наоли обрабатывал ногу Лео в подвале полуразрушенного Бостона. Но мальчику было хуже не знать, что происходит, поэтому он вырвался и продолжал смотреть.

А Дэвид извивался, прижимая искалеченную руку к груди, чтобы таким образом сохранить ее от полного обугливания. Уже сейчас рука была в таком состоянии, что ему потребуется несколько месяцев, чтобы заживить

раны. Господи, о чем он думает? Да его вообще не будет в живых через несколько месяцев — а может, даже через несколько минут. Он умирал. По-настоящему.

Доканил перевел пальцы на ногу Дэвида. Одежда парня загорелась и обуглилась, то же произошло с его мягкой кожей. Доканил хохотал жутким, грубым смехом — и вдруг задохнулся, глаза его широко раскрылись, и он закричал так же пронзительно, как и жертва. Охотник пошатнулся, сделал два неуверенных шага вперед и упал ничком на песок. Он был мертв. В его спине торчала рукоятка церемониального ножа, которым Охотники вырезают отдельные части тела своих жертв, а затем поедают их. Баналог захватил оружие с подготовленного Доканилом Алтаря. И с его помощью помог Охотнику отправиться туда, куда совсем недавно тот отправлял своих жертв.

И пока пораженные пленники стояли, не в состоянии осознать важность всего происшедшего, Баналог, двигаясь как во сне, выдернул лезвие и аккуратно вытер каждую каплю крови Охотника. Затем он направил острие себе в грудь и медленно воткнул нож между ребер. Сталь глубоко вошла в его восемнадцатислойное пульсирующее сердце. Врач старался не думать о своем потомстве, об имени своей семьи, об истории, от которой отвергал своих детей. Вместо того чтобы плакать от боли, он как-то тоскливо улыбнулся, упал на Доканила и застыл.

Хьюланн не мог справиться с переполнявшими его эмоциями. После страшных мгновений бедствий, смерти и позора они все-таки уцелели. Его как будто создали заново. Они могли теперь двигаться дальше, чтобы найти Убежище и попытаться урегулировать непонимание между наоли и землянами — не астронавтами. Ведь Хьюланн отнюдь не жестокий. Он наклонился, поднял тело травматолога, которое, казалось, весило всего несколько унций, и отнес его на несколько шагов в сторону, чтобы драгоценная кровь Баналога не смешивалась с кровью Охотника Доканила.

Снова заморосил дождь.

Дождь разбавлял кровь.

Хьюланн вернулся и стер все следы крови травматолога.

Закончив, он почувствовал, как в него влияется радость, поднимая на вершину эмоций. Они уже в Калифорнии... Рядом ревел океан... Рельсы были проложены вдоль побережья, поэтому, следуя им, они наверняка попадут в Убежище. Лео обретет безопасность. Он вырастет, станет мужчиной, и у него тоже будет потомство. И может быть, дети мальчика получат в качестве части своего исторического и культурного наследия рассказ о Хьюланне-наоли. От этой мысли он почувствовал себя окрыленным больше, чем когда-либо в жизни. Он повернулся к Лео, чтобы поднять его и потанцевать, как с одним из своих детей-

ящерок, когда первая пуля пронзила его бок, вгрызаясь в его жизнь и перечеркивая все надежды ужасной и окончательной тьмой.

Глава 18

Сначала черная мгла была подобна погружению в мертвый сон. Но что-то было не совсем так, потому что он осознавал эту темноту. Если бы это был сон, наоли не смог бы думать. Потом полный мрак разбавился до серого тумана, сменившегося в свою очередь нежно-голубым светом. Лазурное сияние распространялось во все стороны. А прямо перед ним поднялось мягкое белое свечение, которое подрагивало, словно сердце в груди...

С м е р т ь. Здравствуй, Хьюланн.

Д у х. Где я?

С м е р т ь. Это Преобразователь. Ты уже был здесь раньше. Только ты не помнишь, потому что для памяти нет места в Преобразователе.

Д у х. Куда я попаду отсюда?

С м е р т ь. В питомник. Назад, в родную семью.

Д у х. Которую я обесчестил.

С м е р т ь. Которую ты покрыл ореолом славы. Ты возвысишься в новом теле и будешь чтить память о Хьюланне.

Д у х. Но я покинул жизнь неудачником. Я не достиг своей цели.

С м е р т ь. Тебя убили люди из Убежища. Они думали, что ты схватил мальчика, хотя очень скоро поняли, что ошиблись. Люди отнесли тебя в свою крепость на операцию. Но они плохо разбирались в анатомии наоли и потому не смогли спасти тебя. Но они сделают все возможное, чтобы донести правду, которую ты узнал, остальным наоли. Скоро война закончится. До того, как людей полностью истребят.

Д у х. Это хорошие новости. (*Наоли поразмышлял какое-то время о призраке Смерти. Его как-то мало интересовало, как она рассказывала ему, какую роль он сыграл в прошлой жизни.*) Ты Смерть?

С м е р т ь. Да.

Д у х. Мне предстоит снова родиться?

С м е р т ь. Да.

Д у х. Значит, ты не навсегда?

С м е р т ь. Нет. Давным-давно твоя раса за-программировала меня так. Я действую согласно соответствующим законам. Отзываю ваши души в момент, когда они покидают ваши временные оболочки, и возвращаю их в новое тело. Я располагаю для этого всем необходимым.

Д у х. Ты машина!

С м е р т ь. Да.

Д у х. А люди?..

С м е р т ь. Я не знаю об их Смерти. Они состоят из совершенно другой материи. Хотя, полагаю, они еще не додумались до понятия «абстрактный механизм». Очень печально, но я

думаю, что их смерть постоянна. Но если ты полагаешь, что война с людьми хоть как-то оправдывается тем, что состояние смерти временно, ты ошибаешься. Твоя раса позабыла об абстрактных механизмах, позабыла о том, что меня создали для воскрешения душ. И о том, что основное мое предназначение — сдерживать наоли от агрессивных проявлений и очищать сознание расы. А сейчас займемся твоей реинкарнацией. Но пока мы не начали, программой предусмотрено, чтобы я спросила тебя: кого или что из прошлой жизни ты хочешь оставить в своей памяти? Или, может быть, ты хочешь сохранить какой-то урок, какую-то Истину?

Дух (*неуверенно*). Охотник. Доканил. Что должно быть так долго любому наоли, чтобы пожелать запомнить? Что он должен сохранить из предыдущей жизни?

Смерть. Ты, наверное, смеешься. У Охотника нет души.

Дух (*поразмышияв какое-то время*). Тогда вот что я хочу помнить. Я хочу принести в мою новую жизнь знание о том, что у наоли-Охотника нет души.

Смерть. Необычная просьба.

Дух. Это единственное, что стоит помнить, и только это я хочу взять с собой.

Смерть. Пусть будет так.

Затем последовал взрыв. Жизнь оборвалась, чтобы потом начаться снова.

Светловолосый человек стоял в укромной скалистой бухточке и смотрел, как далеко внизу, подобно видению, сине-зеленое море спокойно катило к берегу свои волны. Он видел, как мальчик по имени Лео и семеро мужчин из Убежища хоронили тело наоли в могиле, которую они вырыли в гравии на побережье за пределами линии прилива, чтобы разрушающие воды не смогли добраться до нее. Сквозь полу-мрак и дождь очертания людей были едва различимы. Электрические огни на их касках подрагивали, напоминая ритуальные свечи. Мальчик наклонился к краю глубокой ямы и бросил первую горсть песка на застывшее тело наоли. Он был похож на маленького иссохшего священника на каком-то древнем европейском кладбище, который управлял похоронной процессией у края могилы доброго прихожанина.

Дождь барабанил по лицу мальчика, но он не вытирал ни капли.

Завывания ветра в бухте заглушали все, о чем говорилось внизу.

Человек думал, что, возможно, ему нужно было пойти с ними и придать похоронам торжественность своим официальным присутствием. Сегодня хоронили того, кто сделал так много. Однако человек не смог заставить себя сделать это, так как Хьюланн был наоли, одним из тех, кто истребил его расу, или почти истребил. Его приучили начиная с самого рождения ненавидеть этих существ. Теперь-то он понимал, что

все было не так просто. Люди издавна позволяли иностранцам судить о всей нации сквозь призму весьма характерных личностей — своих солдат и дипломатов, а также их поступков. Это, разумеется, было ошибкой, потому что солдаты и дипломаты отнюдь не являются лучшими представителями всего народа и не разделяют его цели, идеалы и верования. Та же ошибка была допущена с астронавтами и распространялась на уровне Вселенной, что в результате сыграло роковую роль.

Песок быстро заполнял могилу.

Песчинка за песчинкой... Каждая все больше и больше скрывала тело мертвого пришельца.

Съежившиеся от холода люди на похоронах действовали быстро, подгоняемые усиливающимся дождем.

Светловолосый человек подумал, что пора возвращаться в Убежище к ожидающей его работе. Очень многое нужно было сделать, бесконечную череду утомительных и скучных дел. И столько опасностей впереди. Но ему лучше подождать, пока он не справится со своими чувствами. Никто не должен видеть предводителя людей в слезах.

А где-то в это время...

Дэвид лежал забинтованный. Он напоминал мумию. Он грелся в теплых лучах реанимационной лампы, находясь под неусыпным на-

блюдением машин и людей (потому что любая человеческая жизнь ценилась теперь как никогда). Парень не мог ни двигаться, ни говорить, но его мозг работал. В его голове уже сформировалась новая книга. Первый раз он решил приступить к работе без всяких колебаний. Книга будет о Хьюланне, о мальчике Лео и о войне. Он даже подумывал написать о самом себе в конце повествования. Дэвид всегда полагал, что писатель должен быть объективным, но сейчас ему пришло в голову, что, если он опишет и свои переживания, его произведение только выиграет. Он начнет описание с комнаты Хьюланна в башне оккупационных войск. Хьюланн будет спать, спрятавшись в укромном уголке небытия. Его мозг будет отключен и пуст.

Лео остановился, отойдя на несколько шагов от побережья, и обернулся, чтобы последний раз посмотреть на почти невидимую могилу, где под удущившим песком лежал Хьюланн. Его нынешние чувства сильно напомнили те, что он испытал, когда увидел искромсанное тело отца под гранатометом. Лео сейчас сильно интересовало, что же Хьюланн испытывал по отношению к человеку и как относился к нему лично. Он вспомнил, как Хьюланн обхватил его, чтобы защитить от Доканила, который собирался казнить их у перевернутого локомотива. Они стояли, как отец и сын. А ведь еще неделю назад Хьюланн рассматривал его как

Звереныша, примитивное существо. Наконец дождь заструился по его шее, мальчик задрожал от холода в своей тонкой потрепанной одежде. Лео развернулся и покинул побережье, вечер и дождь. Хьюланн прожил несколько веков, он сам говорил об этом Лео. У мальчика впереди еще сто с лишним лет, и ему нужно сделать все возможное, чтобы наполнить смыслом эти десятилетия, в память о Хьюланне.

Дух проник в тело женщины-наоли, скользнул в ее репродуктивную сумку и удобно расположился в оплодотворенном яйце. В таком возрасте у него еще не было личности. И не было мыслей, кроме одной: *«У Охотника нет души».*

Кунц Дин
K91   Вестник смерти: Роман / Пер. с англ.
П.В. Рубцова. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003. — 252 с.

ISBN 5-227-01431-0

Инопланетная раса наоли безжалостно истребила землян и уничтожила человеческую цивилизацию. В безлюдных руинах полуразрушенного города наоли Хьюланн обнаруживает раненого ребенка Лео, которого по законам своего народа обязан отдать на растерзание палачам. Пожалев Лео, Хьюланн отправляется вместе с ним в затерянное на краю света селение, где прячутся уцелевшие люди. Но в пути беглецов подстерегает множество страшных опасностей, главная из которых — идущий по их следу Охотник, свирепый и беспощадный монстр...

**УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)**

Литературно-художественное издание

Дин Кунц
ВЕСТНИК СМЕРТИ

Роман

Ответственный редактор *Р.Ш. Ахунов*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Изд. лиц. № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 02.04.2003
Формат 70x90¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 9,71
Доп. тираж 9 000 экз. Заказ № 1446

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДХН

Вестник смерти

Инопланетная раса наоли безжалостно истребила землян и уничтожила человеческую цивилизацию. В безлюдных руинах полуразрушенного города наоли Хьюланн обнаруживает раненого ребенка Лео, которого по законам своего народа обязан отдать на растерзание палачам. Пожалев Лео, Хьюланн вместе с ним отправляется в затерянное на краю света селение, где прячутся уцелевшие люди. Но в пути беглецов подстерегает множество страшных испытаний, среди которых почти невыполнимое — спастись от идущего по их следу Охотника, свирепого и жестокого монстра...

ISBN 5-227-01431-0

9 785227 014313

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®